

Михась Климович

**ГЕОРГИЙ
СКОРИНА**

С П

Михась Кликович

Георгий Скорина

ДРАМАТИЧЕСКАЯ
ПОЭМА

Перевод с белорусского
Вс. Рождественского

С О В Е Т С К И Й П И С А Т Е Л Ъ

Л е н и н г р а д

1958

ТРИЛОГИЯ О БЕЛОРУССКОМ ПЕРВОПЕЧАТНИКЕ

1

Белорусский писатель Михаил Николаевич Климович (1899—1955), автор драматической трилогии «Георгий Скорина», выступил в литературе в начале 30-х годов как литературовед и критик. Видный общественный деятель Союза писателей Белоруссии, он выступал с докладом о состоянии белорусской литературы на памятном I Всесоюзном съезде писателей. Климовичу принадлежат ценные статьи и исследования по современной и классической белорусской литературе, только частично собранные в его книге о русско-белорусских литературных связях.* В этой книге ясно видно основное направление его критической и писательской работы — стремление раеккрыть историческую обусловленность культурных связей двух братских народов.

Сложнее был путь Климовича-писателя. Он не сразу нашел тот жанр, где наиболее полно смогло бы выразиться его дарование и широкие познания. Он пробовал свои силы в прозе и в стихах, писал оперные либретто, но только пьеса «Катерина Жерносек» (1937) и особенно трилогия «Георгий Скорина», ставшие заметной вехой в развитии белорусской исторической драматургии, окончательно решили вопрос о его призвании. Он стал драматургом исторической темы, всегда обращенной к современности.

«Михась Климович, — писал о нем поэт и действительный член Белорусской академии наук П. Ф. Глебка, — впервые в прак-

* М. Клімовіч. Аб жыватворным уплыве рускай літаратуры на беларускую. Дзяржаўная выдавецтва БССР, Мінск, 1955.

тике белорусской литературы поднял из архивов необычайно богатые и яркие материалы о жизни и борьбе нашего народа и на основе их создал ценные по своей идейности и художественной правде драматургические произведения».*

Значение работы Климковича не только в том, что он напомнил о многих забытых страницах истории, привлек внимание читателей и даже историков к некоторым новым сторонам деятельности Кастуся Калиновского и Георгия Скорины. Достоинства и недостатки его пьес можно правильно понять, если учесть, что он осваивал в белорусской литературе жанр *драматической повести*, широко и полно воссоздающей исторические события, жертвуя для этого (и, кажется, вполне сознательно) сценичностью своих пьес, отказавшись от той формы исторической драмы, где немногие факты целиком подчиняются драматургической интриге.

В историческом прошлом Белоруссии Михася Климковича привлекают преимущественно две эпохи: первая половина 16 века и вторая половина 19 века. Вначале было написано либретто «Кастусь Калиновский», затем появляется трилогия о Георгии Скорине. Осмысление событий национально-освободительной борьбы 1863 года, возглавленной К. Калиновским, в воззваниях которого большое место занимала защита родного языка и культуры, вызвало интерес к более ранним историческим событиям, к деятельности раннего белорусского просветителя Георгия Скорины. Эти отдаленные эпохи рассматривались писателем как этапы на пути к социальному и национальному освобождению белорусского народа.

Над своей драматической трилогией Климкович работал десять лет — с 1945 по 1955 год. Первая часть ее написана в 1945 году, тотчас же после окончания войны, когда все, и читатели и писатели, находились под ее впечатлением, когда всё, прошлое и настоящее, воспринималось сквозь призму пережитого и передуманного в этой великой борьбе. Вторая часть создана в 1946 году и третья, опубликованная уже после кончины драматурга, была завершена в 1955 году, когда во всем мире все сильнее нарастало движение за мир.

Все эти события сказались в публицистическом пафосе драматической повести, исторической по своему материалу и современной по его трактовке. Одному из главных героев пьесы, спо-

* См. вступительную статью в книге: Міхась Клімковіч. Драматычныя паэмы. Дзяржаўнае выдавецтва. БССР. Мінск, 1947, стр. 4.

движнику и другу Скорины — Товию, драматург поручает «тост дружбы»:

За мир между людьми до окончания света,
Чтобы не кровью — потом землероба
Для блага общего полито было поле.

Это не искусственная модернизация, а чутко понятые жизненные интересы простых людей, которые во все времена стремились к миру и счастью.

Каковы бы ни были различия в понимании историзма, остается несомненным одно (и это подтверждается опытом советской литературы и творчеством лучших зарубежных писателей): художник воспринимает историческое прошлое сквозь призму современности. Всегда оставаясь верным исторической правде, он выделяет в прошлом события, мысли и факты, волнующие человечество сегодня. Иначе его произведение поневоле явится более или менее искусной стилизацией, лишенной внутренней целеустремленности.

Этим определяется характер и направление творческой работы Михаса Климковича над «Георгием Скориной». С одной стороны — серьезное и строгое изучение прошлого и старательное, документальное его воспроизведение. С другой — Георгий Скорина, общаясь в пьесе с людьми своей эпохи, обращен в то же время к будущему; его монологи, значение которых в пьесе подчеркнуто, полны страстной веры в человеческий разум. За его борьбой с представителями католической церкви открывается в исторической перспективе столкновение разума с предрассудками, просвещения с темнотой и невежеством, всегда стоящими на пути человечества к прогрессу. Со страниц пьесы, раздвигая ее рамки, звучит голос автора, зовущий бдительно охранять культуру, науку, просвещение и мир, — все, что было дорого Скорине, правдолюбцу и гуманисту.

Общегуманистический пафос трилогии «Георгий Скорина», поиски автора в области жанра, стремление создать историко-философскую драму, заставляют вспомнить о Бертольде Брехте, учитывая, конечно, не только разницу в масштабе талантов, но и в способах приближения к современности. Там, где у Брехта, всегда точно передающего внутренний смысл исторических событий, имеется психологический и философский подтекст, направляющий мысль читателя и зрителя от прошлого к настоящему, у Климковича публицистический пафос нередко выражен в прямых аналогиях с современностью.

Перед белорусским писателем стояла трудная задача. В материалах по биографии Скорины, которые до нас дошли скудно и отрывочно, больше белых пятен, чем фактов. Точно не установлены даты его рождения и смерти; история не запомнила имена его помощников — мастеров-печатников, граверов, иллюстраторов изданных им книг; неизвестно, принял он католичество или сохранил православие, и т. д. Целые десятилетия его жизни остаются не заполненными биографическим материалом.

Драматическая трилогия Климовича — плод большой и серьезной работы. Он внимательно изучил почти все, что было издано о Скорине на русском,* белорусском и польском языках. Он обратился к первоизданиям Скорины, хранящимся в Публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде. Вступительные статьи, послесловия и примечания Скорины к его переводам библии, эти замечательные памятники белорусской литературы начала 16 века, рисуют живой облик ученого и дают представление о его мировоззрении, о внутренних мотивах его работы.

В итоге у Климовича сложилось цельное представление о Скорине — ученом, переводчике, общественном деятеле, верном сыне белорусского народа. Своей пьесой Климович разрушает традиционное представление о Скорине. В дореволюционной научной литературе, ценной по своему фактическому материалу, по своим историко-филологическим выводам, Скорина показан несколько односторонне: подробно рассматриваются его издания, их состав, язык, оформление и в то же время оставляются в тени исторические условия, общественное и национальное своеобразие деятельности белорусского первопечатника, трудности и преграды, стоявшие на его пути. М. Климович выводит Скорину на просторы жизни с ее политическими и религиозными течениями, с ее борьбой и противоречиями. Судьба героя в пьесе Климовича неотделима от исторических судеб народа и обусловлена своеобразием эпохи.

* Основные факты для пьесы автором взяты из книги П. В. Владимирова «Доктор Франциск Скорина. Его переводы, печатные издания и язык». 1888; использованы также, судя по тексту, публикации: Шляпкина в «Журнале Министерства народного просвещения», 1892, апрель, стр. 382—385; Миловидова в «Известиях отделения русского языка и словесности Российской академии наук», 1917, т. XXII, кн. 2. П. 1918, стр. 221—296.

Деятельность Скорины относится к первой четверти 16 века. Белорусские земли входили тогда в состав Литовского государства; находившаяся в это время в зависимости от Польши великокняжеская Литва держала в свою очередь в зависимости Белоруссию.

Белорусский народ, крестьяне и горожане, испытывали двойной гнет — социальный и национальный. Действовали в Белоруссии и «заезжие гости», немецкие купцы и миссионеры, потомки рыцарей, разбитых под Грюнвальдом, тянувшиеся к белорусским землям.

Большую роль в укреплении польско-литовского господства сыграла католическая церковь, направляемая из Рима. С переводом в католическую веру белорусов заставляли забывать родной язык; пример в этом подавала местная знать, охотно поступавшая на службу королевской власти.

Как указывал Энгельс, в 16 веке в Речи Посполитой «большая часть населения восточных провинций была православной веры... Это были главным образом крепостные, в то время как их благородные господа почти все были римско-католической веры».*

Темнота и религиозные предрассудки были союзниками церкви и государства. Рукописные книги, ставшие монополией церкви, были недоступны даже для грамотных людей.

В 16 веке в Европе идет ожесточенная борьба против феодализма и господствующей церкви. О значении печатной книги в этой борьбе Ф. Энгельс писал: «Распространение книгопечатания, оживление изучения древней литературы, все культурное движение, которое с 1450 г. становилось все более сильным, все более всеобщим, — все это послужило на пользу бюргерству и королевской власти в борьбе против феодализма».** Если обратиться к белорусской действительности начала 16 века, то возникновение книгопечатания на белорусском языке выражало стремление к культурному и социальному равноправию, тягу к воссоединению с близкими по языку русским и украинским народами.

* К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XIII, ч. I, стр. 160.

** К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XVI, ч. I, стр. 449.

В среде белорусов нарастало недовольство существующим положением, которое вылилось во второй половине 16 века в крестьянские восстания против польских и литовских феодалов. В борьбе против экономического и политического гнета, против национального бесправия складывалась в 16 веке белорусская народность.

Во времена Скорины предпосылки для таких выступлений еще только созрели; большое значение имела защита родного языка и культуры — непереносимое условие развития связей между городами и отдельными частями страны.

Скорина не был политическим деятелем. Его оружием было слово, печатная книга. Современник Лютера и Мюнцера, Коперника и Рафаэля, деятель эпохи Возрождения и гуманизма, он совершил дело большой исторической важности, он стал белорусским первопечатником, издателем первых книг на белорусском языке, пионером просвещения родного народа.

Выдающийся белорусский просветитель и гуманист Георгий-Франциск Скорина родился около 1490 года в Полоцке, учился в Кракове, получил докторскую степень в Италии, основал русскую типографию в Праге и продолжил издательскую деятельность в Вильне. Белорус по национальности, патриот Руси, с гордостью повторявший о себе: «Аз...нрожденный в русском языку», сам объяснявший свою деятельность стремлением послужить «своей братии» на Руси, Скорина ощущал себя выразителем идеи единства славянских народов. Многочему он научился у чешских мастеров печатного станка, а его деятельность переводчика и издателя имела непосредственное влияние на культуру книгопечатания в России, Чехии, Польше и Литве.

Свою деятельность типографа Георгий Скорина начал в Праге. Здесь в период с 1517 по 1519 год одна за другой выходят отдельные книги библии, переведенные им с церковнославянского на современный ему белорусский язык, близкий к разговорному. Последнее обстоятельство имело большое значение: библия стала доступна для понимания простых людей. Она была для них не только книгой религиозной, но также и книгой учебной. Сближая письменный язык с разговорным, Скорина способствовал развитию белорусского литературного языка.

Поскольку белорусская народность, а следовательно, белорусский язык в период деятельности Г. Скорины (первая четверть 16 века) еще окончательно не сложились, постольку и в определениях Скорины не было строгого разграничения: будучи белорусом, он называл себя русским, язык своих белорусских переводов он

также считал русским языком. Впоследствии это давало повод зачислять его в русские первопечатники, на что, разумеется, нет серьезных оснований. Против этого возражали и наиболее авторитетные русские исследователи и биографы Скорины. Так, например, Ф. И. Буслаев видел в языке переводов Скорины «образец белорусского наречия начала XVI века».* К такому же выводу о языковой природе переводов Скорины и к столь же высокой оценке его белорусского литературного языка пришел и П. В. Владимиров в своей известной монографии.**

Из Праги Скорина переносит издательское дело в Вильну, где в 1525 году выходят две его книги: «Апостол» и «Малая подорожная книжица». Всего им издано 22 книги, которые быстро разошлись в народе, оставив глубокий след в истории белорусской культуры. С появлением Скорины Белоруссия встала в один ряд с теми славянскими странами, которые развивали свое книгопечатание (Чехия, Польша).

Эпоха рукописной книги, доступной немногим, окончилась; началась эпоха книги печатной с ее неограниченными культурными возможностями.

Во всей своей деятельности Скорина руководствовался задачей просвещения народа. Сознательной установкой на демократического читателя отмечена вся его работа переводчика и книгоиздателя. Плебей по происхождению, он адресует свой перевод людям «простым и посполитым». Он утверждает, что «понеже не только докторове люди вченые в них разумеють. Но всякий человек простой и посполитый, чтучи их или слушаючи, может порази мети, что есть потребно к душному спасению его»***

Скорина заботится не только о «спасении души». В библии он видит книгу учебную, содержащую одновременно и назидательные примеры высокой нравственности, самопожертвования и героизма. В представлении Скорины это своего рода энциклопедия («и тако младенцем и людям простым есть наука»), дающая сведения из разных эпох человеческой истории.

В своих предисловиях к отдельным частям ее доктор Скорина старается расширить кругозор читателей, сообщает им основные сведения по астрономии, географии, гражданской истории. Так, в предисловии к «Книге царств» он указывал, что, кроме зако-

* Ф. И. Буслаев. Историческая хрестоматия церковнославянского и древнерусского языков. М., 1861, стр. 202.

** П. В. Владимиров. Доктор Франциск Скорина. Его переводы, печатные издания и язык. 1888, стр. 247.

*** Там же, стр. 115.

нов, о которых рассказывается в библии, были у людей еще и другие законы, например, у афинян — законы, предложенные Солоном, у спартанцев — законы Ликурга, у римлян — законы Нумы Помпилия, и «инии цари и люди мудрыи некии уставы... или законы оставили суть».

Для характеристики общественных взглядов Скорины большой интерес представляют его высказывания о законе, праве и справедливости, его требование естественного права, осмысленное в духе христианской морали и выраженное в замечательном афоризме: «Ровная свобода, общее имение всех». Отступлением от этого принципа естественного равенства объясняет ученый произвол и беззаконие, которые чинят властители и судьи.

Все его большое предисловие к книге «Второзаконие» продиктовано стремлением восстановить и защитить магдебургское право, дарованное отдельным городам Белоруссии в виде некоторых привилегий в торговле и судопроизводстве и постоянно нарушаемое королевскими чиновниками и воеводами. Перечисляя различного рода права (рыцарское и иные), автор видит в них лишь ступени к более справедливому и всеобъемлющему праву. Осуждая несправедливость и беззаконие, примерами которого изобилвала священная и гражданская история, писатель-гуманист, имея в виду не только прошлое, но и современные ему суды, восклицает: «Да судят людей судом справедливым и да не клоняться ни на жадную страну (ни на одну сторону. — М. С.) и да не зрять лица и не принимают даров».

Большое воспитательное значение имела настойчивая проповедь патриотизма, которая отчетливо слышится со страниц его предисловий. Призыв к деятельному труду, к подвигу во имя народа и родной земли — таков пафос всей деятельности Скорины.

Любовь к родной земле, к своему гнезду для Скорины — естественное чувство, свойственное человеку и птице. Он возвышается до пафоса, когда начинает говорить об этом: «Понеже и прирожения звери, ходящие в пустыни, знают ямы своя. Птицы, летающие по воздуху, ведают гнезда своя, рыбы, плавающие по морю и в реках, чуюць виры своя, пчелы и тым подобныя боронять ульев своих. Також и люди и где зародилися и ускармлиены суть по бозе, к тому месту великую ласку имаюць». Рассказав о подвиге Юдифи, верной дочери народа, Скорина говорит, что ее примеру следовать должны «не только жены, но и мужи... и все труженики».

Общественно-патриотическая деятельность Скорины, по условиям времени, совершалась в формах религиозно-просветительских,

В его мировоззрении переплетались элементы старого и нового, вера в догматы церкви и преклонение перед наукой, дух смирения и протест против несправедливости и зла. Отмечая эти противоречия, следует тем не менее решительно подчеркнуть, что из-под религиозной оболочки в его работах всюду проглядывает живой интерес к современности, а в своем отношении к Библии он скорее реалист, чем ученый-схоласт, более просветитель, чем религиозный проповедник.

Как человек и общественный деятель Скорина отличался большой энергией и трудолюбием. Он наладил печатание книг — дела в то время необычайно сложного, — привлек в сотрудники искусных граверов, художников и печатников, выпустивших книги, которые по технике книгопечатания и по оформлению стоят на высоком уровне, не уступая лучшим европейским изданиям. В них встречаются замечательные гравюры и рисунки, например: портрет самого Скорины, «Плач Иеремии», «Руфь в поле» и др.* Он сумел привлечь и вызвать интерес к своему начинанию у представителей торговых и административных кругов Вильны, получив от них средства, необходимые для издания.

А сам он к середине 30-х годов, когда его имя встречается последний раз в белорусских исторических актах и документах, не только не разбогател, не приобрел почестей, но и вовсе разорился, будучи вовлеченным в судебные процессы по наследственному дому жены в Вильне и по долговому иску к его брату, с которым у него было неразделенное имущество.

В последнее время в белорусской печати появилось сообщение,** основанное на чешских источниках и проливающее некоторый свет на биографию Скорины после 1530 года. Выясняется, что притеснения и преследования в Вильне вынудили Скорину в 1534 или 1535 году снова переселиться в Прагу. Там он занимается ботаникой и становится королевским садовником в пражском ботаническом саду, основанном в 1534 году. Это позволяет предположить, что Скорина не умер в 30-х годах в Вильне, как считали до сих пор. В акте чешского короля Фердинанда I от 29 января 1552 года (опубликованном в 1936 году чешским

* Высокую оценку художественного оформления книг Скорины дает В. Стасов в своей брошюре «Разбор рукописного сочинения Ровинского: «Русские гравюры и их произведения с 1564 г. до основания Академии художеств». СПб., 1864.

** Н. Алексютовіч. Цікавыя матэрыялы аб Скарыне. — Газета «Літаратура мистацтва» (на беларуск. языке) № 3 (1122), 9 января 1957 г.

ученым А. В. Фшеровским) упоминается Францишек Скорина как умерший «садовник наш», чье наследство переходит к сыну. Значит, Скорина умер не раньше 1552 года. Книг и другого имущества, оставшегося после смерти Скорины, до сих пор не обнаружено.

Достаточно обратить внимание хотя бы на два факта из его жизни, чтобы понять характер Скорины: окончив Краковский университет, он не сделал духовной карьеры, обычной и выгодной в то время, хотя по своему уму и образованности мог бы это легко осуществить. Жажда новых знаний, и не богословских, а медицинских, направила его в Падую, куда он пришел бедняком, так что вице-приор медицинского факультета вынужден был пропустить совет Медицинской коллегии освободить его от положенной для соискателей на степень платы в знак уважения к уму «бедного юноши, пришедшего из далеких краев».

Наконец он получает докторскую степень, а с ней и установленные в то время для ученых привилегии. Перед ним открылась возможность сделать светскую карьеру, стать придворным врачом, тем более что слава о его блестящих дарованиях задела и в родные края, а европейски образованные люди были там наперечет.

Что же делает в это время Скорина? Остается независимым частным лицом, трудится над переводом библии для «людей простых и посполитых», отликает «божье слово» в печатные знаки, рискуя навлечь на себя ярость церковников и обвинения в еретических действиях; ведь пепел костра, на котором сожгли Джордано Бруно, еще не остыл, — старый феодальный мир, прежде чем исчезнуть, яростно сопротивлялся. Скорину мучили не только суды и долги. Были, по-видимому, прямые столкновения с церковными и светскими властями; такая вероятность прямо подсказывается сложным переплетением национальных, религиозных и классовых противоречий в Польше, Литве и Белоруссии в начале 16 века.

Таков в главных чертах облик Георгия Скорины, таковы черты его времени, привлечшие внимание белорусского драматурга.

Творческая работа М. Климовича над трилогией являет собою пример большого трудолюбия, соединенного с исторической интуицией, позволившей писателю восполнить недостающие звенья в биографии Георгия Скорины. В ряде случаев это не просто художественный вымысел, а интересная гипотеза, которая должна привлечь внимание специалистов-историков.

Во многих эпизодах пьесы Климковичу удалось добиться органического единства между вымыслом и действительными фактами. Так, например, в биографии Скорины наиболее темным и невыясненным является пятилетний период между получением докторской степени в 1512 году в Падуе и открытием русской типографии в Праге в 1517 году. Куда направился Скорина из Италии, где он за это время побывал — на родине или за границей, — не установлено. В трилогии Климковича Скорина едет из Падуи на родину, в Вильну, а только затем, заручившись моральной и материальной поддержкой своих земляков, попадает в Прагу и начинает свою издательскую работу. Такое неожиданное дополнение находит поддержку в приписке к его изданиям библии в Праге, в конце которых значится, что они появились «накладом сына радцы виленского Богдана Онькова», т. е. на его средства. В данном случае вымысел вполне логичен и дает возможность подчеркнуть связь Скорины, много скитавшегося на чужбине, с его родиной, с городом Вильной. Изданием книг на родном языке Скорина продолжает служить родной земле.

Вполне искусно и тонко использованы документы из публикации Миловидова, рассказывающие о кратковременном пребывании Скорины при дворе прусского короля Альбрехта в 1530 году. Из документов этих видно, что Скорина вскоре разошелся с Альбрехтом, оставил его и возвратился в Вильну, но не один, а вместе с человеком, не названным в документах по имени, евреем по национальности, который был врачом и одновременно печатником. Размышления над тем, зачем потребовался Скорине печатник, привели Климковича к созданию образа Товия, играющего в трилогии роль помощника Скорины, не прекратившего печатной работы и после возвращения от короля Альбрехта в Вильну.

Среди немногих сохранившихся фактов из личной жизни Скорины имеется упоминание о Маргарите Адверник, вдове виленского мещанина, на которой в 1529 году женился Скорина. В пьесе история отношений Скорины с Маргаритой дополнена и развита. Она служит ее главным поэтическим мотивом, оживляя образ Скорины и открывая в нем новые грани.

Народность образа Скорины раскрывается не только в деятельности героя, но подчеркивается в пьесе и его окружением. На сцену выведены скоморохи, эпизодические фигуры женщин-крестьянок, собирающих для доктора лекарственные травы, через всю пьесу проходит монах-расстрига, книгописец Симон, напоминающий пушкинского Варлаама и выступающий связующим зве-

ном между Скориной и его предшественниками, трудившимися столетиями над рукописной книгой.

И так, наряду с подлинными историческими лицами, такими, как Скорина, Коперник, Глаговский, как польский король Сигизмунд и прусский король Альбрехт, князь Михаил Глинский и другие, рядом с эпизодами, известными по биографии Скорины, введены действующие лица и обрисованы события, творчески воссозданные писателем.

Следует сказать и о том, что не всегда художественные дополнения, внесенные автором, отвечают исторической правде и помогают понять внутренний смысл событий. В пьесе имеются упрощения и прямолинейные приближения к современности, идущие от исторической схемы, особенно дающей себя чувствовать в обрисовке отрицательных персонажей, которые действуют в однажды заданном направлении (например, плакатный тип Иоганна фон Шпилера).

Впрочем, упрощению подверглись не только лица, к которым автор чувствует явную антипатию. Так, не довольствуясь характеристикой Скорины как просветителя и книголюбца, Климович делает его еще и сторонником революционного восстания, он с пафосом рассуждает о бедности и богатстве перед итальянскими разбойниками-«браво», толкует о том же с одинокой и запуганной старушкой, случайно встреченной им в Бранденбургской тюрьме. Весь эпизод с опереточными разбойниками и Джульеттой представляется случайным и ненужным в серьезной и содержательной трилогии Климовича. По мысли автора, он, очевидно, должен, во-первых, объяснить, почему в Падую Скорина приходит без кошелька и, во-вторых, подчеркивать верную любовь героя к Маргарите: Георгий отказывается от любви освобожденной им от разбойников черноокой синьорины, которая не задумываясь предлагает ему руку и сердце. Бедность Скорины, не имевшего чем уплатить за свою защиту докторской диссертации, оказывается, таким образом, результатом случайности (его ограбили), тогда как в действительности, в силу не вполне выясненных обстоятельств, отец Скорины разорился, и в Падую пришел уже не сын богатого полоцкого купца, а нищий, бедняк, просящий как о великой милости об освобождении от обязательного взноса, — о чем упоминается в архивном документе, извлеченном из бумаг Падуанского университета. В данном случае Климович не использовал имевшихся в наличии фактов, которые в своей правдивости заключают гораздо больше жизненного драматизма, чем привне-

сенные мелодраматические эпизоды, от которых пьеса все равно не становится более сценичной.

Вызывает некоторые сомнения и образ князя Михаила Глинского, который вовсе не был таким народолюбом, каким он представляется писателю. Попытка М. Глинского, опиравшегося не на крестьян, а на мелких феодалов, возвратить Московскому государству некоторые белорусские города и земли, закончилась не вполне удачно в 1508 году. Между тем в пьесе «Георгий Скорина» герои и в 1512 году говорят о «восстании» Глинского, и даже Лукаш Скорина, отец Георгия, купец и вполне мирный человек, неожиданно оказывается участником движения и умирает под знаменами Глинского. Есть в пьесе и некоторые другие исторически неточные и недостаточно мотивированные художественно картины и образы.

Говоря о людях, окружающих в пьесе Скорину, следует отметить, что, как бы ни были удачны образы некоторых из них, они в целом служат лишь художественным фоном, который должен резко обозначить фигуру главного действующего лица. В нем заключена ее главная мысль, ее драматизм, ее пафос и в нем же главная удача пьесы.

М. Климович правильно почувствовал сложность характера и широту интересов Скорины. Не кабинетный ученый и не стилизованный летописец седой старины, а практический деятель, человек живой, порывистый, беспокойный и целеустремленный, — таким предстает Скорина со страниц пьесы, показывающей его на протяжении 25 лет.

Юность и годы учения в первой части, деятельность в Праге и борьба с католической реакцией во второй; возвращение в Вильну, и, несмотря на трагический финал, торжество дела Скорины в третьей — таковы основные моменты содержания трилогии. В третьей части, как бы подводящей итог всей деятельности Скорины, мы видим его в окружении преданных и неизменных друзей — Товия, Симона, Петра Мстиславца, — занятого печатанием книг и практической медициной. Слух об ученом докторе проник в народ, простые люди, крестьяне и крестьянки, собирают для него лекарственные травы. Вместе с ростом его известности обостряется и борьба вокруг Скорины, деятельность которого вызвала преследования со стороны угнетателей Белоруссии — литовско-польских князей. Его пытаются опутать долговыми обязательствами, привлечь на сторону католической и протестантской церквей, отвлечь его внимание от Москвы. Ему грозит нужда, его обвиняют в преступлениях, которых он не совершал;

наконец, поджигают его дом и типографию. Так обрывается его жизнь. На пепелище люди подбирают обгоревший шрифт — память о Скорине. Вспоминаются стихи из его монолога, прославляющего книгу:

Книга — колокол, отлитый
Из серебра и поднятый на башню.
Без языка он нем. А с языком своим,
Что соответствует форме и металлу,
Он через слух сердца людей и души
Способен всколыхнуть...

и всколыхнет!

Проповедь просвещения, народолюбие и гуманизм — главное в образе Скорины, который, по отзыву одного из его врагов, силен уж тем, «что он в поступках честен».

Там, где другие видели только ученость и труд, писатель увидел еще и подвиг во имя народа. Отсюда приподнятость героя над окружающей его бытовой средой; отсюда постоянное воодушевление Скорины, которое находит естественное выражение в торжественно-интонационном белом стихе. И вместе с тем временами он обаятелен и прост, его уважают друзья и боятся враги.

Скорина весь живет под впечатлением дела, задуманного им. Ему нужны книги, чтобы приобщить народ, замученный темнотой и неволей, к грамоте, пробудить его сознание, напомнить о его человеческих правах. Перед этим великим делом бессильны удары судьбы и ненависть католической церкви, расставляющей на его пути коварные сети. Острая борьба, которая завязывается вокруг первопечатника, составляет основной драматургический конфликт пьесы.

Неотступно, как зловеющая тень, следует за ним через всю Европу Иоганн фон Шпилер, фигура которого нарисована остро, хотя и несколько односторонне. М. Климович обнажает в образе Шпилера коварство и лицемерие римско-католической церкви, для которой (это исторически правдоподобно) издатель библии на белорусском языке является человеком, старающимся привлечь местных жителей к Москве, к братьям, говорящим на близком языке.

Опасен тем, что в каждом из своих
Он пробудить старается сознание
Взаимной связи, дружбы, и зовет
Пчел защищать свои родные улья, —

говорит о Скорине Иоганн фон Шпицер, стараясь всеми силами помешать единению двух братских народов.

Общественный конфликт дополняется драматическими обстоятельствами личной жизни. Любимая им Маргарита выходит замуж за старого вдовца, с которым она несчастлива; его брата и племянника преследуют. Финал пьесы скорбен и значителен. Скорина подавлен тяжелыми испытаниями, выпавшими на его долю, но духовно он не сломен: он верит в торжество дела, за которое столько страдал. В этом отсутствии смягчающего и примиряющего конца чувствуется творческая зрелость М. Климковича-драматурга.

Образ Скорины стал бы еще более интересен, если бы в нем присутствовал элемент внутреннего развития. В семнадцать лет Скорина произносит такие же значительные монологи, как и в сорок два года. На протяжении двадцати пяти лет он почти не меняется. Можно было признать такое положение сознательным приемом автора, задумавшего показать героя высокого плана, не знающего на своем пути сомнений и колебаний, если бы в третьей части трилогии сам автор не сделал намек, указывающий на возможность какого-то внутреннего осложнения образа. Скорина говорит Товию:

Зря отступил от принципов
Я тех, что был готов
В дни юности оборонять я
Жизнью...

О каком «отступлении» идет здесь речь? Ведь в пьесе Скорина до конца остался верен своему долгу.

Трилогия о Скорине выделяется в белорусской драматургии не только своей масштабностью, но и своим жанровым своеобразием, сложностью своего драматургического построения. Драматической поэмой считал свою пьесу автор. Может быть, точнее будет называть ее драматической повестью, написанной неравномерным белым стихом.

В драматическом повествовании Климковича перед читателем не один эпизод из жизни героя, а почти вся его жизнь, взятая в ее главных и определяющих моментах. Столь сложную задачу не ставил перед собой еще ни один белорусский драматург.

Необходимо отметить своеобразие композиции пьесы Климковича как драматического повествования широкого плана. В отличие, например, от драматической повести А. Н. Толстого «Иван Грозный», состоящей из двух самостоятельных пьес, каждая из

которых имела свою особую сценическую жизнь, трилогия Климковича как цельное произведение живет только в единстве ее трех частей. Отдельно эти части не были поставлены в театре, поскольку каждая из них является только звеном целого, а все три части, взятые вместе, составляют около 13 печатных листов; объем пьесы и слишком большое для сцены количество действующих лиц (их свыше 60) делают ее пьесой для чтения, а не для театрального представления.

Только сравнительно небольшая группа героев во главе со Скориной (Товий, Маргарита, Симон, фон Шпилер) проходит через все три части, образуя сюжетное единство произведения. Второстепенные же герои исчезают и меняются с каждой новой частью, вместе с движением времени и переменой места действия. По замыслу автора, этим в какой-то степени преодолевается искусственность в группировке действующих лиц: они появляются не по «щучьему велению» все в одном месте, а там и тогда, где они действительно могли встретиться, и, выполнив свою ограниченную задачу, уступают место новым персонажам, несущим дальнейшее развитие замысла.

Драматическая трилогия «Георгий Скорина» — своеобразное и значительное произведение белорусской советской литературы. Перед нами *первый* в белорусской литературе опыт создания драматической повести и первая попытка воссоздать образ выдающегося белорусского просветителя Скорины, образ, напоминающий о том, что Белоруссия имеет свою славную культурную традицию, в частности свой исторический опыт книгопечатания.

Можно без преувеличения сказать, что с появлением этой пьесы произошло как бы второе рождение Скорины, с жизнью которого многие белорусские читатели впервые познакомились именно по произведению Климковича.

С появлением перевода Вс. Рождественского пьеса о Георгии Скорине становится доступной и русскому читателю. Хотелось бы, чтобы с работой Климковича познакомились в Чехословакии и Польше — в странах, где в свое время жил и работал Георгий Скорина.

М. Смолин

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Георгий Скорина — юноша лет 17.
Лукаш Скорина — его отец, 60 лет.
Иван Скорина — брат Георгия, лет 30.
Маргарита — девушка лет 16.
Арина — ее мамка.
Отец Симон — монах-книгописец.
Андрей — знахарь, лет за 70.
Фон Шпилер — заморский гость, купец лет 50.
Товий — еврейский юноша, друг Георгия.
Слуга в доме у Скорины.

1504 год. Полоцк. Дом богатого купца Лукаша Скорины. Древние, писанные на дощечках образа в золотых окладах с зажженными лампадками перед ними. На отдельном аналое малый дорожный иконостас: его возит с собою купец, когда бывает за рубежом, чтобы там, где чужие боги, иметь своего под руками. В красном углу дубовый стол с резными ножками, такие же скамьи. Стол застлан красивой тканой скатертью, скамьи — коваными. Над скамьями — полки. На полках — книги в тяжелых деревянных, обтянутых кожей переплетах, с золотыми крестами и иконами на корешках. Кое-где пергаментные свитки: купец, очевидно, интересуется книжным делом. Но не оно основа его торговли: шкуры медведей, лис, бобров развешаны по стенам, положены на скамьях, лежат кучами на полу — купец Скорина ищет оживленную торговлю звериными шкурами, и в его покоях лежат лучшие из них для наиболее почтенных покупателей и для себя. В правом углу — тяжелый, окованный железом и расписанный цветами и грифами сундук — сокровищница купца. На нем небольшие сундучки с золотым и серебряным орнаментом.

Немного выше — полка с бирками и торговыми грамотами, с которых свешиваются восковые печати.

В дубовом массивном кресле, возле освещенного солнцем окошечка с разноцветной слюдою в переплетах рамы, сидит укутанная медвежьей шкурой Маргарита — бледная девушка, не по возрасту маленького роста, но очень красивая, хотя в красоте ее много болезненно-хрупкого и воздушно-легкого. У ее ног, на низкой скамеечке, — Георгий, младший сын Лукаша Скорины. На нем вышитая рубашка, широкий тканый пояс, шаровары красного бархата, заправленные в козловые татарские сапожки. На поясе — в кожаном чехле нож с красивой насечкой. На коленях — книга с цветной заставкой — «Космограф».¹ Георгий бойко, хотя и нараспев, читает своей гостье рассказ про чужие дальние страны.

Георгий

«А дале, за страной Варлаама, королевича индийского, лежит акиян-море. И живут на том акияне, на островах лазоревых, сирены сладкогласные. И туда христианскому человеку ходу нет — ни в челне червленом, ни в ладье морской. Бо выходят сирены, сиречь девы красоты неописанной, со дна акиян-моря и поют песни любовные, манящие. И не может сердце человеческое тем песням противиться...»

Маргарита

Юрка! А откуда люди про то дознались?

Георгий

От других людей, может, слышали.

Маргарита

А эти другие откуда?

Георгий

А те еще от других.

Маргарита

А самые первые? Может, кто-нибудь был там и любовному пению тех сирен с акиян-моря не поддался?

Георгий

Читал мне отец Симон Гомера,² баяна земли Грецией, про Одиссея³ — мореплавателя славного, как он плыл через акиян-море, залепив воском уши своим спут-

никам. А сам привязался к мачте корабельной, чтобы не
кинуться в море на те песни сирен завлекающие.

Маргарита

Ну, значит, не любил он никого в то время.

Георгий

Почему?

Маргарита

Если б он кого любил, не надо было бы и привязываться: никакие чужие песни его бы не заманили. Эх, кабы я мужчиной родилась! Я полюбила бы кого-нибудь и нарочно поехала бы на то акиян-море свою любовь испытать. Юрка...

Георгий

Что, Маргарита?

Маргарита

(тихо)

А ты... любил кого-нибудь?

Георгий

(глядит на нее восхищенно)

До этого не любил, а теперь...

Маргарита

(испугалась)

Нет, это я так, Юрка... Не надо, не говори... читай, читай дальше!

Георгий

(За это время он перепутал страницы и, ища пальцем, попадает, вероятно, на другое место.)

«А за тем райским поясом земли агарянской⁴ — про-
клятая богом пустыня — с восхода солнца и до заката
его Песками зыбучими она засыпана, и вихри огненные
по ней носятся, сжигая всякое семя живое, сюда ветрами
заброшенное. А вдоль пустыни, как раз посеред земли,
гряда гор, солнцем распаленных. А живут там только

ящурь-саламандры, что в огне не горят, да по ночам выходят из расщелин малые карлы бородатые, зовомые гномы, волхвы и знахари, коим подвластны все недра земные с богатствами их. Люди знающие говорят, что за этой грядой есть лунный остров, а вокруг него акиян-море с золотым дном. Волны морские что ни день намыывают песок золотой на его берега. Только ни одна душа живая не пройдет туда через огненную опояску земли...»

Маргарита

Юрка! А ты скажи мне...

Георгий

Что сказать тебе, Маргаритка моя?

Маргарита

Не гляди на меня... Знаешь, Юрка, я все равно умру — скажи мне тихонечко, на ухо... кого ты... любишь?

Георгий

Нет, ты не умрешь, Маргарита! Мой отец приказал привести сюда прославленного знахаря Андрея; будет еще немец, доктор заморский. Во всех церквах, монастырях и синагогах молятся попы, монахи, раввины, чтобы бог вернул тебе здоровье. И пусть они вымолят его хоть на время, пока сам я успею сходить в страны заморские. Там я сам стану умелым лекарем. А потом я приду и вылечу тебя. Потому что... я люблю тебя, Маргарита!

Маргарита

Юрка мой...

Георгий

Люблю тебя, Маргарита...

(Он склонился к ее безвольно опущенной руке, прижимается к ней щекой. Тихие слезы текут по его лицу.)

Маргарита

Юрка... может, я и не умру теперь, Юрка?

(Входит отец Симон, монах, с толстой книгой в руках и пав-

анним пером за ухом. За его ногой тянется какая-то колодочка на цепочке. Этой же цепочкой к его руке прикована книга. За ним осторожно проскальзывает в двери Товий, юноша-еврей, ровесник и друг Георгия, высокий, тонкий, весь в веснушках.)

Отец Симон

Мир дому сему и сущим в нем!

Георгий

И тебе, отец святой, мир навеки. Аминь.

Отец Симон

Отец дома?

Георгий

На ярмарке еще, отец Симон.

Отец Симон

Вывел меня бог из монастырского узилища⁵ с помощью этого иудейского отрока, яко Даниила из печи огненной.⁶

Товий

(подмигивая Георгию)

Я отцу Симону пилку достал немецкую, через окно в келью подал, чтобы он ножку у аналая отпил. А то его игумен велел к божнице приковать.

Отец Симон

Да простит тебе бог за это грехи племени твоего! Смыкали бы вы мне, ягнятки мои, водицы святой, огнем вавилонским освященной, чтобы прогнать мне жажду лютую! А за это покажу я вам снова науку, художеством зовомую, — хитрость книгописания великую.

Георгий

Дома никого нет, да я и сам знаю, где стоит мед сычаний. И горелки поищу ковш добрый.

Отец Симон

Дай тебе ангел-хранитель крылья свои быстролетные!

(Георгий полез в подпольный погреб.)

Садись и ты, иудей-человек. И ведай: несть у бога ни иудея, ни еллина, ни варвара, ни римлянина. А есть у бога злые и добрые. И только по сердцу, а не по племени будет судить нас судья человеков в час суда последнего: кому пекло, кому рай присуждать. А ты, отроковица, откуда?

Маргарита

Я из Вильны, отче.

Отец Симон

А как звать по имени?

Маргарита

Маргарита.

Отец Симон

Маргарит — жемчуг по-гречески. Какой же ты веры, жемчужина?

Маргарита

К унии Флорентийской⁷ родители мои присоединились.

Отец Симон

Значит, латынянка? Отступница? Хотя
Чем ты, овечка божия, виновата, если
Отцы-епископы — и Полоцкий, и Новоградский —
Шлют рижским ратманам⁸ свое благословенье,
Сынами их и братьями зовут,
Чтоб защитить кошель, набитый туго?
То неучи, подобные ослам
В злаченной сбруе. Вся краса наружи,
А в душу глянь — ослы. Но где же знать ослу,
Что за мешками с золотом ползет
На землю русскую латынская погибель!

Маргарита

Погибель?

Отец Симон

Погибель, горшая, чем глад, и трус, и мор.
Нам супротив их ненависть потребна.

Товий

Коль будет мне дозволено спросить,
Против кого?

Отец Симон

Против Юльяшки, папы римского,⁹ исчадья ада,
И рижских ратманов. Они кропят отчизну
Слезами нашими, а не водою святой.
То понимает только царь московский.
Нет, надо щит ковать для Белой Руси.
Вот этот щит...

(Поднимает перед собой толстую книгу, и тут, как бы впервые, замечает, что она прикована цепочкой к его руке.)

Щит русской веры. Приковали
К нему слепые совы в клобуках
Вот эту руку.
Зачем? Иль вы не видите, что к книге
Душа моя прикована навеки,
Что в ней вся жизнь моя? Что, как пчела,
Я с каждого цветка вот в эти буквы
Сбираю мед как бы в золотые соты,
Чтоб каждая душа, что жаждет знаний,
Могла прийти воды живой напиться?
Иль вы не видите, что руки хитроумца
Копают русло — им же в мир течет
Река науки, о слепые совы?
Прочь путы с этих рук! С души обузу прочь!

(Перекручивает тонкую цепочку, рвет ее, оборачивается, чтобы отбросить от себя, и тут замечает, что Георгий давно уже высушулся по грудь из погреба и жадно слушает его слова.)

Давай!

Георгий

Вот, на здоровье угощайтесь, отче. Только
Сказали б вы нам с Товием, что делать
Должны мы с книгой дальше?

Отец Симон

(достает из кармана завернутые в платок буквы)

Вот буквицы заглавные, литые.
Из «висмута».¹⁰ А вот отменный «рубер»,

Что по латыни означает «красный»,
Для отделения в книге глав. Их надо
Поставить там, где быть им подобает,
Покрасить фарбою* вот этой тонкой:
Где лист — зеленый, где цветок — златою,
Где птица райская — там колером павлина.
Трудитесь с богом! Я ж потешу душу.

(Наливает в ковш мед. Молодые люди склоняются над книгой.)

Маргарита
(шепотом)

А можно мне спросить его...

Георгий
(взглянув на монаха, занятого своим делом)
Да, можно.

Отец Симон
Такие ль вина мы пивали в Слуцке!
Не монастырь там — разливное море!
В помин души магнатов — романея,
А фряжские¹¹... не только пей — купайся!
А хор какой! А книги! А служенья пышность!
Поищут пусть игумена такого!
Эй, берегись душа! Сейчас ошпарю.
(Опрокидывает чарку.)

Георгий
Взгляните, отче, хорошо так будет?

Отец Симон
(отмахивается)
Все ладно. Вижу. Золотые руки!

Маргарита
(в восторге)
Ах, Юрка, красота какая!

Товий
Давай, Георгий, фарбою покрасим
Ту букву, что мы резали из дуба.

* Краскою (искажен. нем.).

Маргарита
Вы сами?

Товий
Сами.

Маргарита
А какую?

Георгий
Ммы... Мыслете.¹²

Маргарита
«Мыслете»? Ммы? Мою?

Товий
Да вот, взгляни!

Маргарита
Ох, как красиво! Две голубки в клювах
Цепочку держат, что обвила сердце
Три раза накрест. Чудо! Боже мой!

Георгий
(ставя оттиск на книгу)
Навек, покуда служит сей пергамент,
Я литерату твою в святую книгу ставлю.
Пусть бессмертной будет, как и чувство,
С которым я ее из дуба резал!

Товий
Аминь!

Маргарита
Нет, Юрка, не помру теперь... не надо!

(Отец Симон, опрокинувший с десяток чарок, начинает клевать носом. По ступенькам сходит Арина, мамка Маргариты.)

Арина
Я наверху все ласточку искала...
Как ты сошла сюда?

Маргарита
Меня свел пан Георгий.

Г е о р г и й

Я осторожно, бабушка. Она ж
Пушинки легче...

А р и н а

Ну, развеселись,
Лебедушка.

М а р г а р и т а

Мне легче, мамка, стало.

А р и н а

И слава богу! Как тебя я в Полоцк
Везла, я знала, что поможет бог,
Не станет на тебе искать
Вины отцов твоих,
Отступников от веры нашей.
Вот ты поправишься здоровьем,
Окрепнешь, ласточка,
А там и замуж
За человека доброго...

М а р г а р и т а

Я замуж не пойду...

А р и н а

И... и... Ласточка моя, с твоей красотой, богат-
ством
Не засидишься в девках. Да зачем?
Я знахаря Андрея привела.
Вести его сюда или наверх
Ты в горницу подымешься сама?

М а р г а р и т а

Мне страшно, мамка,

А р и н а

Любушка, не бойся.

М а р г а р и т а

Коль можно, Юрка пусть со мною будет.

Арина

То непригоже, ясочка... Но, правда,
Вы словно брат с сестрой... А это кто ж?

Георгий

А это Товий, друг мой, сирота.
Его родителей разбойники убили.
А дед слепой...

Товий

Слепой... зато вояка...

Георгий

А Товий послан к делу приглядеться.

Товий

Георгий, я пойду еще подрежу
Вот эту буковку в твоих покоях. Ладно?

Георгий

Иди же, Товий.

(Товий уходит.)

Арица

А монах?

Георгий

Он спит.

Арина

И правда, спит. И крест на нем святой,
Помеха бесам. Приведу Андрея.

(Уходит наверх.)

Маргарита

Зашлось сейчас все сердце у меня...

Георгий

Не бойся, Маргарита, я с тобою.

Маргарита

Не уходи. Сядь тут. С тобою, Юрка,

Не так мне страшно. Почему бы так?
С тобой бы я весь свет пройти могла.

Георгий

Ну что ж, пойдем: Чудесного в нем много.
Увидим море теплое и птиц,
Что к нам оттуда в гости прилетают;
Увидим степи, горы, города...

Маргарита

Я, Юрка, не дойду. Один иди...
А как вернешься, ты мне все расскажешь.

Георгий

Пойду туда учиться, Маргарита,
И, где бы ни был, я к тебе вернусь.

Маргарита

А я тебя все буду дожидаться...
(По лесенке сходят Андрей и Арина.)

Андрей

Я крест святой кладу на Запад, на Восток,
На Юг, на Север, на сырую землю,
На небо звездное и замыкаю
Святое место от нечистой силы,
От тридцати болезней: от озноба,
От лихорадки, ломоты, сухотки,
От жильной и поджильной боли
И в белом теле, и в костях-суставах,
От ворожбы, от чар, дурного глаза.
Аминь! Аминь! Аминь! Будь крепким, слово!
(Крестит все углы и закуты.)

Замкнул я эту горницу во имя
Христа и бога золотым ключом.
Кладу его под камень, под алатырь,
На море-акияне. Не достать его
Ни рыбе кит, ни водяному змию,
Ни всем могучим силам преисподней.
Аминь! аминь! аминь! Будь крепким, слово!
Перекрестись и прочитай молитву
Своей святой. Как звать, отроковица?

Маргарита
Зовусь я, добрый старче, Маргаритой.

Андрей
(сразу помрачнел, насунил брови. Резко)
Латынница?¹³ Нет у меня для вас,
Латынников, лекарств и облегчений.
Как не поднять детей мне из могилы,
Убитых иродами под крестом латынским,
Так и проклятым...

Георгий
Подожди, старик!
Когда тебе так хочется отмщенья,
Пошли его на голову мою,
Безвинную, как и у ней, зато
Не слабую. Я вынесу проклятье.
Ее ж благослови. Пускай живет!

Андрей
Твоя душа быть проклятой не может.
Твой разум нужен нам. Сойди с ее пути.
Кому смерть суждена, тот и умрет.
Клянущ...

Георгий
Кляни родителей ее,
Что сами отреклись от нашей веры,
Когда она еще не зрела солнца,
Кляни их, подтолкнувших на измену,
А не ее...

Отец Симон
(просыпаясь)
Кляни, кляни их, знахары!
Постой! Кого? Ее?

Маргарита
Отец, спаси!

Георгий
Кланет ее за то, что иноверка.

Отец Симон

Бог отведет его проклятья
На лес сырой, на верески сухие...

(Входит фон Шпилер и, не понимая, что здесь происходит, останавливается.)

Отец Симон

(показывая на Шпилера)

Его казни ты, знахарь!
Его кляни, и кардинала в Риме,
И предков, и потомков королей,
Которые нас сблизили с латынью.
За что же Маргариту проклинять?

Шпилер

Не понимаю. Вас ист дас?* Я приглашен
Сюда к больной купцом герр Люкас...

Отец Симон

Ты слышишь, лекарь? Ратман рижский
Пришел лечить ее. Она ему чужая,
И ей по крови этот немец враг,
А он лечить ее берется. Коль помрет,
Он скажет богу: «Я достоин рая,
Ведь на земле лечил я даже русских,
Которым братья их не помогали».

Шпилер

Мне некогда. А где ж больная?
Я приступаю. Вас же всех прошу
Немедля горницу покинуть.

Андрей

Не в Риге ты, а в Полоцке, и вон
Сам должен выйти. А не выйдешь, то...

Шпилер

Что это значит? Я — фон Шпилер...

* Что такое? (нем.)

Георгий

Да только то, что вас, фон Шпилер,
Мы просим подождать отца.

Отец Симон

Не это, а другое... Вон! За двери!

Шпилер

Как так?

Отец Симон

А так... Уйди, нечистый дух!

(Берет немца за шиворот и выталкивает его за дверь.)

Андрей

(Маргарите)

Свою ты землю и народ свой любишь?

Маргарита

Люблю.

Арина

Ты, дедушка, дитя не мучь!

Ее я выходила, на моих рассказах

Она душой своею прилепилась

К тем людям, что по крови ей родные.

Андрей

По вере будь твоей! Дает земля

Тебе всю кровь, чтоб кровь твою очистить.

Вот это кровь земли. Целебный ключ,

Пробившийся в горе святой Софии,¹⁴

Из недр ее нам вынес. Живосил,

Листы столетника настояны на ней.

Пей этот сок — и ты здоровой будешь.

Маргарита

Как только мне благодарить тебя!

Андрей

Не нужно. Сгубишь тем лекарства силу.

Лишь бога ты благодари. Арина,

В целебный час собрал я эти травы.
Пои больную ими трижды в день.
Вот эти в чан клади для омовенья —
Купалось солнце в них в святой день Яна, —
А теми на ночь ложе обкури,
Чтоб не пришла в ночи, как тать, хвороба.
Отроковица, встань! Иди и верь,
Что даст земля родная исцеленье.

(Маргарита встает, поддерживаемая Георгием и Ариной. Все трое кланяются Андрею в пояс и поднимаются в верхние покои.)

Отец Симон

Упрям и смел ты. Я люблю таких.
Дай выпьем.

Андрей

С малых лет чуждаюсь хмеля.

Отец Симон

Тогда нерусский ты. «Веселье Руси — пити». ¹⁵

Андрей

А в чем причину видишь ты, чтоб веселиться
Руси литовской? Что разбила немцев?
Иль вырвалась из польского полона?

Отец Симон

Тогда пей с горя.

Андрей

А поможешь горю?

Отец Симон

Тогда сиди и плачь. А я, брат, выпью.

(Входят Шпилер и Иван, старший сын Скорины.)

Шпилер

Герр Иоганн! Да это против правил
Гостей заморских в дом к себе просить
И тут же наносить им оскорбленье...

Иван

Простите, гость, тут некая ошибка.
Наш дом во век веков гостеприимен.

Шпилер

Мне это ведомо. От Риги до Москвы,
От Полоцка до Познани, до Вильны
Все почитают имя Скорины,
Купца знатнейшего... и всё же...

Иван

Но кто вас мог обидеть?

Шпилер

Вот эти дикари, герр Иоганн.
Покуда тут они,
Нога моя не ступит дальше
Вот этой половицы...

Отец Симон

Врешь, немец! Не достать тебе оттуда
Рукой твоею, жадной на чужое,
Тех шкур бобровых, что в углу лежат.
А значит — дальше ступишь поневоле.

Шпилер

Герр Иоганн, у меня желанья нет
Речь с брехуном вести. Позвольте мне
Взглянуть на эти шкуры.

Иван

Пожалуйста. Благословите, отче,
Меня с дороги дальней.

Отец Симон

В бане был?
Смыл пыль земли чужой? С души омыл
На исповеди грех, по возвращеньи
Своем от нечестивых агарян?

Иван

Нет, не поспел еще. Ведь ярмарка сегодня.

Отец Симон

Нет моего тебе благословенья.

Андрей

И моего — покуда ты с немчином
Как с братом, а не с врагом, живешь.

Иван

Отцы святые, мы же ведь купцы.
Товар не знает веры.

(Входит Лукаш Скорина, крепкий, кряжистый человек в богатой одежде. Он крестится на иконы и отдает поклоны под-
нявшимся навстречу гостям.)

Лукаш

Здоров будь, старче. Милует ли бог
Твои седины?

Андрей

Будь здоров, купец!
Не вспоминает бог
Грехов моих по милости своей.

Лукаш

Игумен слуцкий, здравствуй.
Златые руки, грешные уста!

Отец Симон

Не то есть грех, что нам в уста приходит,
А то, что с уст сойдет у нас порой.
Будь здоров, купец!

Лукаш

Здоров будь, гость заморский!

Шпилер

Желает вам от господи удачи
В делах торговли ваш слуга покорный.

Лукаш

А что, больную посмотрели вы?

Ш п и л е р

Допущен не был к этому вот ими.

Л у к а ш

(сурово)

Я их не нанимал во всем распоряжаться...

О т е ц С и м о н

Бог нанял нас — вооруженной стражей
Душ христианских быть от сил нечистых.
Гляди, купец, чтоб не прогневать бога!

А н д р е й

И я скажу. Согласием взаимным
Бес беса выгнать может, чтоб потом
Вдвоем напасть на близкого тебе.

Л у к а ш

Храни нас бог! Прости меня, мой гость.
Мы на ином сойдемся. Мы — купцы.
Как нравятся тебе вот эти шкуры?

Ш п и л е р

Нанесено мне ими оскорбление.

Л у к а ш

Бобрами?

Ш п и л е р

Не бобрами, а вот теми...
Бобры пустяк.

Л у к а ш

Тогда сойдемся мы.
Иван, сходи с купцом в амбары
И покажи бобров, что присланы с Березы.

Ш п и л е р

А эти вот, герр Люкас?

Лукаш

Отобраны епископу, мейн херр.
Но те, другие, их не хуже.

Шпилер

Я еду в Вильну, мог бы передать
Епископу — конечно, за процент.

Лукаш

Георгия пошлю иль сам поеду.
Иван, веди же гостя.

(Иван и Шпилер выходят.)

Что, старики, знать, не по нраву немец?
Мне, что ль, он люб? Заставила нужда.

Андрей

Для девушки лекарств и наших хватит.

Лукаш

Коль хватит, то дай бог. Был скоморох, Андрей?
(Выглядывает за двери и притворяет их.)
Ну, говори.

Андрей

Был. Князь Михайла Глинский¹⁶ передал,
Что крымский хан Менгли-Гирей в согласьи
С царем Иваном¹⁷ крымскую орду
На Польшу повести и что тогда
Нам Полоцк поднимать на Ягеллонов.¹⁸
Когда паны в степях с войной увязнут,
На вас, купцы, — так князь сказал, — надежда.

Отец Симон

Надежда на купца — лишь треть надежды.

Лукаш

Молчи, монах! Купец — Руси опора.

Отец Симон

Руси опора — церковь.

Лукаш

Исидора, Флоренции опора?¹⁹
Чем боретесь вы против базильянцев,²⁰
Что с времени Андрея-Казимира²¹
Засели в Троках²² и, как черви в дубе,
Подтачивают корни нашей веры,
Князей склоняя к унии Флоренцкой?
Нет, без купцов не обойтись и церкви.

Отец Симон

А что ж вы можете, купцы, против рожна
Латынского?

Лукаш

Отвесьте или отбейте,
Хотя бы и рукой царя Ивана.
Я на совет зову купцов сегодня.
Прошу и вас. А скоморох твой будет?

Андрей

Он тут уже...

Отец Симон

И немец этот будет?

Андрей

Что немец? Он — разменный грош:
Где более дадут, туда пойдет.
Вот, видишь, библия. Привез мне Шпилер...
Там, в Кракове, велели базильянцы
Феолю, немцу, чтобы он отбил
На нашем языке — но для костелов.
Хотят прочней нас в унию ввести.

Отец Симон

Ох, иродовы дети!
Жаль, жаль, что я ему не проломил
Окладом кованым дурацкий череп.

Лукаш

Феоля заточили в монастырь
Или в тюрьму ксендзы. Потом судили.

Да спасся немец, доказал, что их
Работу делал. А они боятся,
Что, если слово божие прочтет
Народ на языке своем родном, тогда
Конец обману Рима, как при Гусе
То было в Чехии.²³ Но это после.
Сбежал ты, отче, из монастыря?
Вериги покаянья скинул? Видно,
Покая хочешь?

Отец Симон
Да и чарки доброй.

Лукаш

Ну, чарка завтра будет. А сегодня
Кончай письмо святое. Будь в совете.
Эй, кто там есть?

(Ударил в ладоши. Появился слуга.)

Покой под горенкой отцу Симону!
Андрею — рядом с горницею моею.
Зови Георгия, пускай придет.

(Отец Симон и Андрей, поклонившись Лукашу, выходят за слугой.)

Лукаш
(один)

Ну что ж, душа, сдается, час настал.
В скрещении трех дорог судьба нас ставит.
Какой идти, чтоб не сгореть нам в пекле,
Богатства прадедов не расточить?
Богатство прадедов...
Оно здесь, в Полоцке, и в Познани, и в Вильне,
И в Риге — золото, товар да люди
Надежные. Далеко знают все
Род Скорины — сынов моих и внука.
Серебряные, золотые реки
Текут к нам — только что ни год, то мельче.
Все русла из Москвы закрыл король,
А немцы к Риге путь перехватили...
На Гельголанд, к датчанам, в Нидерланды
Мое добро везут, сгребают злато,
Платя мне грош. Король, чужого стада пастырь,
Дал шляхте право торговать без пошлин.

Товары, обтекая города,
Идут к ней в замки. Я предвижу гибель
Всех городов твоих, о родина. И слышу,
Святой Софии гложет звон. Как быть?
Покинуть Полоцк, ехать в Ригу, в Познань?
Оставить веру предков, в ад толкнуть детей?
Нет, несогласна ты, душа. Я несогласен тоже.
Мы защитить себя должны. Но как?
Как? Не молчи, душа, скажи...

(Входит Георгий.)

Георгий

Отец, ты звал меня?

Лукаш

Да, звал, сынок. Иди сюда, поближе.
Ты — сын любимый. Разумом тебя
Не по летам бог наделил рукою щедрой,
Дал мудрость книжную тебе познать
Не только нашу — грецкую, латынь...
Хочу держать совет с тобой, Георгий.

Георгий

Я слушаю, отец.

Лукаш

Закрыт нам выход из родного края.
Там немцы, в устье рек, на рубежах с Москвой —
Петля застав литовско-польских.
У нас же шляхта, и что год, трудней
Ярмо нам это будет, сын мой.
Король — чужой нам. На него надежды нет.
Князь Глинский кличет нас поднять восстание.
И я решил рискнуть своею головою,
Своею частью в капитале нашем.

Георгий

Возьми и нашу долю на святое дело!

Лукаш

Возьму, коль нужно будет. Не сейчас.
Сперва ведь надо поглядеть, пощупать...

Поверить Глинскому не сразу можно.
Хочу имущество я разделить
На равные четыре доли.
Ивану — Познань, Ригу дам Роману,
Тебе дам Вильну.²⁴ Полоцк будет мой.
Всё я отдам для дела
И вас отсюда разошлю.
Тогда, коль и погибну даже,
Король наследников не сможет тронуть.

Георгий

Ты — нам отец и делай все, как хочешь,
Твоей мы воли не нарушим. Только...

Лукаш

Ну что, сынок?

Георгий

Пусти меня учиться,
Дай повидать, что есть на белом свете.

Лукаш

Учиться негде нам. Наш свет — с Востока,
Восток же скрыла Магомета ночь.

Георгий

А Запад?

Лукаш

Там латынский вечер, сумрак,
Там нету нашей правой веры, сын.
Нет, ты — купец. Твоей науки хватит,
Чтоб торговать с заморскими гостями.
Женить тебя хочу. Когда Дароты дочка
От хвори, что напущена злой силой,
Избавится — соединим вам руки,
Соединим казну. Поедешь в Вильну
И с божьей помощью начнешь торговлю.

Георгий

Нет, батюшка!

Лукаш
Не любя Маргарита?

Георгий
Люблю ее, как только любят жизнь!

Лукаш
Тогда что толковать! Зови ее.
(Маргарита спускается с лестницы, держась за перила.)

Маргарита
Мы с Товием тебя заждались, Юрка.

Лукаш
Иди к нам, доченька. Ну, как здоровье?

Маргарита
Совсем мне полегчало. Лучше — видишь?
Хожу уже...

Лукаш
Ну, слава богу. Хочешь быть мне дочкой?

Маргарита
И так я словно дочка для тебя.
За хлопоты твои, за ласку
Тебе всю жизнь я буду благодарна.

Лукаш
Что сердце золотое у тебя,
Я знаю. Будь же дочкой мне совсем
И выйди за Георгия.
(Маргарита смутилась, отвернулась, молчит.)

Я знаю,
Что не с тобой, а с матерью твоей
Мне надо говорить. Но с ней об этом
Договорились мы, когда еще вы оба
Качались в люльках. Ей скажи, Георгий,
Все то, что говорил ты мне сейчас.

Георгий
Я говорил, что полюбил тебя,
Что ты всей жизни мне дороже стала.

Лукаш

Ну, бог благословит тогда вас, дети,
Как я благословляю. И сегодня ж
Я выделю твою, Георгий, долю...

Георгий

Нет, нет, отец, я торговать не буду.
Пускай Иван — и пополам с Романом —
Часть заберут мою. А я пойду
Учиться.

Лукаш

Не шути, Георгий. Знаешь,
Что я сказал, то я на камне высек.

Георгий

Я — кровь твоя, я тоже Скорина,
И ни под чьей рукой я не согнусь.

Лукаш

А я сломать могу.

Георгий

Отец, не сломишь.

Лукаш

(гневно)

На послух, в монастырь тебя пошлю!

Георгий

Так разве мертвого. Живым — сбегу оттуда.

Лукаш

Набыю оковы...

Георгий

Разгрызу зубами.

Лукаш

Что ж, дочка, ты молчишь? Даю я право
Отвергнуть неслуха отцовской воли.

Маргарита

Я как и он. Но я умру, быть может...

Лукаш

Ты переступишь через труп ее?

Георгий

Нет, Маргарита, не умрешь ты. Знай,
Что я люблю тебя,
Что для тебя учиться буду.
Год-два мы подождем, зато вся жизнь...

Маргарита

Отец, я буду ждать...

(Отец и сын глядят друг на друга. Отец не выдерживает.)

Лукаш

Ну, сядь, Георгий, слушай.

В опасный путь я челн свой направляю,
И я хочу спокойным быть,
Что я не все сгублю, как грянет буря.

Георгий

Дозволь мне на челне моем, на новом,
Поставить паруса, чтобы доплыть туда,
Куда боишься сам ты не попасть.
Для человека парус — это знание.
Пускай за знанием я пойду на запад —
Познать врагов — их силу, их оружие,
Чтоб им владеть. А не добыюсь того —
Вернусь с наукой к своему народу
И стану делать дело, для какого
Ты жертвуешь своим богатством. Пусть
Моею долею в нем будет — знание!

Лукаш

А знаешь ты, на что идешь? На холод,
На голод...

Георгий

Знаю. Я силен, я молод.

Лукаш

На бой с костелами и с папой римским...
На смерть, быть может...

Георгий

Ничего. Пробьюсь.

Смерть обману.

Лукаш

Заставят там, быть может,
Пойти на то, чтоб вере изменить.

Георгий

Народу, вере изменить? О нет!

Лукаш

И даже если это будет
Ценою за науку?

Георгий

И тогда.

Лукаш

Иди!

Георгий

(становясь на колени)

Благослови.

Лукаш

Благословляю

Во имя отца, и сына, и святого духа.

Маргарита

И я благословляю, Юрка...

ЗАНАВЕС

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Георгий Скорина.

Лукаш Скорина.

Маргарита.

Арина.

Товий.

Фон Шпилер.

Дарота — мать Маргариты, лет за 40.

Адверник — виленский советник, лет за 50.

Бабич — старший виленский советник.

Иоганн — сын немца фон Шпилера, лет 18.

Скоморох — лет 45.

Князь Михаил Глинский — напольный гетман.

Князь Забржезинский — воевода в Троках.

Шляхтич — лет 35.

Балинский — королевский лекарь.

Скоморохи, шляхта, купцы — члены Виленского магистрата.

1804 год, через месяц после событий первого действия. Общая зала средневековой гостиницы Виленского магистрата, который купил ее на откуп Дароте, матери Маргариты. Обычная обстановка: столы, скамейки, табуретки, бочка с пивом и медом, стойка с хлебом. Прямо перед зрителем — входные двери, направо — камин и выход в кухню, налево — ступеньки в жилые помещения.

Дарота

Арина, взгляни, как бы пироги не подгорели!

Арина

(из кухни)

Гляжу, матушка.

(Выходит в залу.)

Да и подгорелые съедят...

Дарота

Ведь это немцу Шпилеру, а он разборчив.

Арина

И скряга, к тому ж. Заплатит грош, а услуг требует на злоты.

Дарота

А Маргарита где?

Арина

Наверху, в горнице. Ей Юрка читает книжку.

Дарота

Иди-ка взгляни, словно ненароком.

Арина

А к чему, матушка? Девушка не пирог, не укусит...

Дарота

Нет, пока ксендз или поп их не повенчает, пригладеть за ними не повредит.

Арина

Там и белобрысый Иоганн, сынок докторский, все трется, им мешает.

Дарота

Ну вот и хорошо, коль там третий есть.

Арина

Да Юрка не таков. Сказал он, что поедет
Чему-то там учиться в Краков
Еще годочка на два.

Дарота

Учиться? Как? Женатый?

Арина

Вот этого не знаю.

Дарота

Ну нет! На дураков он, что ль, напал?
Одна лишь дочка у меня, я не позволю
Ей жизнь испортить. Да! Ступай скажи,
Чтоб шла к себе и выходить не смела,
Покуда не уедут эти оба.

Арина

Зачем? Не слушайте меня, дурную,
Мне, может, это только показалось...

Дарота

Тебя, потатчицу, я знаю. Ну, иди!

Арина

О господи...

(Арина уходит вверх. Со двора появляется Адверник.)

Дарота

(вслед Арине).

Чтоб сразу ж уходила, а не то
Повылоку я за косы ее!

Адверник

Кому расправой пани угрожает?

Дарота

Ах, пан Адверник! Вы? Ну, заходите.
Прошу.

Адверник

Кого же за косы тянуть?

Дарота

Кого же, как не дочку!

Адверник

Заступаюсь.

Дай бог таких, как ваша дочка,
Всем добрым людям. Умница. Красива.
Вся в мать пошла.

Дарота

Ну что вы, пан Адверник!

Адверник

Что думаю, то я и говорю.
И полагаю — что с такой женой
Счастливым был бы шляхтич...
Да, шляхтич — но с достатком, и почтенный.

Дарота

При нашей бедности где нам таких добыть?

Адверник

Другому говорите, мне ж известно,
Что с вашим разумом копейка в рубль
Так обернется, что и не заметишь.

Дарота

Кому завидуете, пан Адверник!
Судьба вдовы — горох возле дороги:
Прохожий каждый шиплет.
Тебя, как шкуру,
В огне скрутило, а другим сдается...

Адверник

Защитника вам найти б неплохо.

Дарота

Да где уж мне! Вот дочку бы пристроить.

Адверник

А я про дочку вам и говорю.

Дарота

Быть может, пан пришел сюда как сват?

Адверник

Зачем мне сватом быть? Пусть для меня
Сюда еще походят сваты.

Дарота

Ну, пане мой.хлопот у ваших сватов
Не много будет. К вашему богатству
Король шляхетство дал вам, говорят...

Адверник

Да, даровал, дай бог ему здоровья.
Шляхетства бургомистром сделал в Вильне.

Дарота

Вот вам теперь и впору загордиться!

Адверник

Мне? Нет! Что, королевский лекарь дома?

Дарота

Из замка он всегда приходит поздно.
А это что такое?

Адверник

Мне сегодня

Огромного сома приволокли.
И я хочу отдать его в подарок
Вам, матушка, а также буду рад,
Чтоб принял в дар его и лекарь, пан Балинский,
Но только так, чтоб перед ним не скрыли,
Что это я прислал.

Дарота

А что, вам королевский лекарь нужен?

Адверник

Да нет, я, матушка, совсем здоров.
Дай бог еще такого
Здоровья тем, кто будет помоложе.
А просто так — из уваженья
И к вам и к лекарю. Закинь вперед —
Найдешь, когда пора придет.

(Входит Маргарита.)

Маргарита

Мне непонятно, мама... Добрый вечер!

Дарота

Тут понимать не надо, надо слушать.
Иди!

Адверник

Дозвольте мне вступиться, чтоб смягчить
Суровость матери. Коль пани Маргарита
Вас в чем прогневала, то я прошу...

Дарота

И не просите, пан Адверник. К нам зашел
Георгий Скорина, купец
Из Полоцка, а он богат и молод...

Адверник

Весьма известный род. Почтенная семья.
Сдается только мне,
Что сам старик суров и скуп,
А сыновья все ветрогоны... Ну?

Дарота

Я колебалась, но... почти дала согласие.

Адверник

От вас, разумной женщины, не ждал
Такой я спешки... говорят, Георгий
Немножко... не в себе. И уж купцом
Ему не быть. Покуда жив отец,
Еще и так и сяк... а как отделит...

Дарота

Ну, уж тогда бы я не растерялась.

Адверник

К тому же и схизматики они...²⁵

Дарота

У нас, в Литве, сам бог богов запутал.
Лукаш привез бобров
Архиепископу на шубу.

На брак есть разрешение. Но Георгий
Вбил в голову дурную, что учиться
Ему куда-то надо ехать в Краков.

Адверник

В Яглоновский университет, должно быть.

Дарота

Возможно.

Адверник

Там схизматика не примут.

Дарота

Ну, переменит веру — не беда.

Адверник

Что ж, может, он и правильно решил:
Научится — ксендзом его поставят...

Дарота

Ксендзом? А нам с того корысть какая?

Адверник

Нет, нет, мешать ему не нужно. Грех!
Пусть едет. Свет ведь не сошелся клином.
Такого мы отыщем жениха,
Что на Георгия не глянет. Верьте слову!

Маргарита

Себе невесту отыщите лучше.

Дарота

Молчи! По мне — пусть едет. Только —
Вот бог, а вот порог.

Маргарита

Мама!

Адверник

Так я пойду и вам сома пришлю.

Послушной будьте, панна Маргарита,
От матери советов нет вреда.

Дарота

Я провожу вас. За сома спасибо.
Про ваш подарок лекарю сама
Все уши протрублю...

(Они выходят и, вероятно, заговорились за дверьми.)

Маргарита

(зовет)

Георгий! Юрка!

Георгий

(сбегая по лестнице)

Что, моя родная?

Маргарита

Мать отпускать тебя не хочет в Краков.
Мать говорит: уедет — не бывать
Тебе за ним. С другим, мол, обвенчаю.

Георгий

Что ж делать? Я не ехать не могу.
Душа горит уже...

Маргарита

А может?..

Георгий

Что?

Маргарита

Сперва нам повенчаться, после — ехать?

Георгий

Будь мы единой веры, было б можно,
А то затянется на бесконечный срок...
Архиепископа взять разрешение.

Маргарита

Тогда ты через год туда поедешь.

Георгий

Томиться целый год и навсегда, быть может,
Возможности лишиться... Тяжкой жертвы
Ты хочешь от меня, любовь моя!

Маргарита

Нет, Юрка, я не требую. Могу
Я ждать не два, а двадцать лет, коль нужно,
Коль ты уже решил. Но мать моя...

Георгий

Дай, Маргарита, руку, обещай,
Когда не я, другой с тобою рядом
Пред аналоем станет под венец
И спросит поп иль ксендз — согласна ль ты
Отдать другому душу, отвечать
Одним лишь словом «нет!» Дай в этом клятву.

Маргарита

Даю, мой Юрка. Мне с тобою легче,
Мне все возможно, сильный мой и умный.
(Они скрепляют клятву поцелуями. Входит Иоганн.)

Иоганн

Ах, что я вижу? Я не помешал?
(Отворачивается с притворной скромностью.)

Георгий

Чтоб было всё понятно, вот вам, Иоганн,
Моя невеста пред людьми и богом.

(Иоганн сбрасывает маску скромности, впадает в насмешливый тон.)

Иоганн

Так! Не краснейте, панна Маргарита.
Известно городу и свету, для чего
Идут девицы замуж...

Георгий

Замолчи, иль я...

Иоганн

Что ты?

Георгий

Я оплеуху дам тебе.

Иоганн

Но в ней сейчас судьба твоей науки.
Читай бумагу. Моему отцу
Писец архиепископа достал
Ее для Кракова. Чего ж ты элишься?
Иль первый ты у панны Маргариты?

Георгий

На, получай за гнусный твой язык!
(Дает ему пощечину.)

Иоганн

(делает вид, что хочет схватиться за меч, которого нет.)

С тобой я рассчитаюсь...

(Рука не нашла меча. Он срывается с места и бежит наверх.)

Подожди!

Маргарита

Спасайся, Юрка! Ты же безоружен.

Георгий

Прости, любимая, что не сдержал души.
Его я не боюсь. Что здесь, в бумаге?

(Читает бумагу, оставленную Иоганном.)

«Отцу приору Университета. Во имя отца и сына...
посылаю свое благословение и прошу принять в число
школяров Иоганна фон Шпилера, ратмана из знатных
рижан, и по просьбе его отца дозволить бывать на лек-
циях, какие он укажет, слуге его Скорине Георгу...»

(Георгий окаменел от удивления и гнева.)

Маргарита

Беги скорей, Георгий!

Георгий

Зачем? Куда? Пусть только он придет,
Я... я убью его.

Маргарита

Не надо, Юрка. Ты себя загубишь,
Загубишь наше счастье. Обещай,
Коль любишь ты меня, что так и будет!

Георгий

Иди! Я не убью, а приведу к тебе,
Чтоб на коленях он благодарил
Тебя за то, что жизнь ему спасла.

(Георгий заставляет ее уйти, хватая табурет, отламывает у него ножки, чтоб получился щит, и выкручивает ножку кровати. Из-за каминна, из кухни, выскакивают скоморохи, готовившие там свои сопежки.²⁰ Они прячутся за столы, скамейки. Сверху спускается Иоганн, но без меча.)

Иоганн

На счастье, нет меча. Проси прощенья!

Георгий

(отбрасывая свое «оружие»)

На счастье, ты вернулся безоружным...
Возьми бумагу, сопли вытри. Знай,
Сын Скорины слугой твоим не будет,
Пока есть солнце. А теперь иди
Благодарить смиренно Маргариту
За то, что не дала тебя убить.

(Наступая, оттесняет Иоганна по ступеням. Скоморохи заиграли.)

Скоморохи

Так, так, немчин! Пляши, пляши
Под музыку и под дуду!

(Иоганн готов провалиться сквозь землю при виде стольких свидетелей. Он спасается бегством. Георгий остановился.)

Георгий

Вы что за люди?

Скоморох

Мы вольница, купец, мы — слуги пана
Валяй-гуляй, что князем над ветрами.
Построить хаты не из чего нам —
Попы на виселицы лес срубили.

Ты видел это сам, как ехал в Вильну:
Что двор — то виселица. Что нам хаты!
Бог расprostер шатер над нами,
У короля такого нет. Нам солнце
И звезды светят лучше, чем светильник.
Подмости — лес у нас, а пол — земля.
Нас греет холод, веселит нас голод,
А нужно — голову спасают ночи.
Дай бог житья такого королю, панам.
Скачите, черти! Эй, в сопелки дуйте —
Купец дать гроши на горелку хочет.

(Скоморохи опять засвистали и, приплясывая, заиграли в дудки.)

Георгий

Земля моя, народ мой терпеливый,
Гнетут тебя, цепями вдоль молотят,
А ты находишь силы так смеяться,
Насмешкой бьешь врага и колешь смехом...
Откуда же, скажи, берешь ты силы?
Дай мне их, чтобы мог и я
Разбить свои преграды!

Скоморох

Мы одолжили бы, да нет у нас самих.
Святые мы, не хуже тех,
Чье житие читают люди в книгах.
И чудотворцы мы: ты ковш горелки дай —
Мы чудом удивим своих святых.

Георгий

(дает деньги)

Возьмите, люди добрые.

Скоморох

Благодарим, купец!

Эй, где хозяйюшка?

Скоморохи

(хором)

Хозяйюшка-матушка,
Ясная зорюшка,

(неожиданно)

Христос воскрес, сын божий!

Выгляни в дверочку,
Вынеси горелочку.
Христос воскрес, сын божий!

(Вводит Дарота. С ней Бабич и другие советники
Виленского магистрата.)

Дарота

Паны-советники, входите без помехи:
То скоморохи вышли из-за печки.
Погреться их пустила. Эй вы, рвань,
Что гвалт здесь подняли? Метлой бы вас!

Скоморох

Метлой нас вымести, хозяйюшка, не трудно —
Легки, как пух. Да есть и круглячки.
Вот эти.

(Показывает деньги.)

Вслед покатятся они.
Тебе их будет жалко. Дай горелки!

Дарота

На кухне. К нам советники пришли.

Бабич

Пусть остаются. Гнать их — не к добру.

Скоморох

Купцов-советников пускай хранит сам бог.
Чтоб не мешать, мы сядем в уголочке.

Бабич

И нам налей, Дарота, чарку меду.
А это кто?

Георгий

Сын Скорины, Георгий.

Бабич

Сын Лукаша? Так, так. Здоров будь, сыне.
Присаживайся, друг, к беседе нашей.

(Дарота начинает цедить мед, потчевать советников, севших за
стол, где с ними и Георгий.)

Ск о м о р о х

Нас не забудь, хозяйюшка, дай чарку!

Б а б и ч

Так вот, вельможные. Вот он, Георгий,
Сын полоцкого Скорины, который
Премудрость книжную познал и хочет
Уехать в Краков продолжать ученье.

С о в е т н и к и

Что ж, добрый путь! А примут там его?
Не ихней, не латынской веры он.

Б а б и ч

Монахи деньги любят — может, примут.

С о в е т н и к

Архиепископом там Фредерик,
Брат короля и кардинал, латынянин завзятый.

Б а б и ч

Вот от него идет все зло к нам в Белорусь.
Он посылает к нам ученых базильянцев.
Что против них поп-неуч? Нужен нам,
Купцам Руси Литовской, человек
Ученый, как они. И... ну-ка, скоморохи!

(Скоморохи заиграли. Бабич наклоняется к советникам.)

Я пью за князя, за надежду нашу,
Царя всея Руси!

(Грянула музыка. Все встали. Внезапно в двери врывается
шляхта, вооруженная и пьяная.)

Ш л я х т и ч

Гей, гей, друзья! Да здесь, я вижу, свадьба.
Мы первые на ней. Эй, музыканты!

Д а р о т а

Ясновельможные, ошибка. Тут не свадьба.

Ш л я х т и ч

Ну, так поминки. Нам ведь все равно.

Дарота

Да и поминок нет здесь, ваше панство.

Шляхтич

Так, значит, будут, сучья дочь!
Давай горелки! Режь, музыка!

Дарота

Здесь виленских советников собрание.

Шляхтич

До дьябла их! Советники мы сами.
Нам пить, гулять, любить...

Бабиц

Тут не корчма — гостиница, паны.

Шляхтич

Ты кто? Купец? Ха-ха! Ты был купцом,
Пока товар мы, шляхта, покупали.
Торгуем сами мы теперь — без пошлин,
Берем мы всю заморскую торговлю,
Клади на полку зубы, прочь с дороги!
Эй, баба, девок нам! Гони купцов за дверь,
Иль я — клянусь в том маткой боской —
Им бороды обрежу этой саблей!

(Маргарита, очевидно услышав шум, показалась на лестнице.)

Шляхтич

Хо-хо! Вон там и девка. Нам ее!

(Георгий, перепрыгнув через стол, встал один, безоружный,
между шляхтой и Маргаритой.)

Георгий

Назад!

Шляхтич

Кто он такой? Что это значит?

Георгий

А то, что если, пан, коснешься ты
Моей невесты, будешь на том свете.

Шляхтич

С дороги, смерд!

(Шляхта выхватила сабли. Георгий схватил свой щит-табуретку и ножку от кровати. Парируя удары, он выбивает сабли из рук шляхты и дает зачинщику под зад. Тот, распахнув двери лбом, кричит.)

Шляхтич

Гей, гей, панове, хамы панство бьют!

(Вваливаются еще несколько шляхтичей, по-видимому отставших.)

Шляхтич

Кто панство бьет? Подать его сюда!

(Дарота прячется за стойку. Советники и скоморохи скинули движением плеч свитки и схватили кто что попало.)

Бабиц

Что ж, биться так уж биться!

Скоморох

Вон, пань!

(Общая свалка. Внезапно распахиваются двери и входят князь Михаил Глинский с князем Забржезинским.)

Князь Глинский

Стой! Стой! Во имя короля!

Шляхта

Ты кто такой? Я сам себе король!

Князь Глинский

Я Глинский, князь, напольный гетман.

Шляхтич

А мне начхать!

Князь Глинский

(выхватив саблю, одним ударом сваливает его на пол)

Вот, получай! А следующий кто?

(Шляхта попятилась, растерялась. Скоморох сидит верхом на шляхтиче и с наслаждением лупит его кулаками.)

Шляхтич

Да ничего. Мы так... лишь ради шутки.

Князь Глинский

И я шутил.

(Швыряет им деньги.)

На похороны вам,
Коль помер он, и на пропой, коль жив.
И чтобы здесь я больше вас не видел!

Шляхта

(Ловко подхватив деньги, забирает раненого и подается к выходу)

Виват, напольный гетман, славный Глинский!

Баби ч и советники

Привет вам, светлый князь и наш защитник!

Князь Глинский

Привет и вам, сановные. Хозяйка,
Очисти этот стол. Дай нам вина.
Садись сюда, князь Забржезинский.

Дарота

Эй, дочка, прибери! Ну, скоморохи!

(Маргарита и скоморохи приводят все в порядок. Дарота разли-
вает вино.)

Князь Глинский

Все в сборе?

Баби ч

Нету Скорины. Вот сын его.

Князь Глинский

Георгий?

Георгий

Да, Георгий, ваша светлость.

(Маргарита поднимается вверх.)

Князь Глинский

Немало доброго я слышал о тебе
От половчан и от епископа. Сказали,
Что ты умом остер, к учению способен,
Умеешь спор вести и в ратоборстве
Горячностью такой же наделен.
Когда письма Балинский не достанет,
Чтоб в Ягеллонскую пустили школу,
Прошу ко мне в войска.

Георгий

Спасибо, князь, на добром слове.
Я на ином хотел бы биться поле,
Хотя и против общего врага.

Князь Глинский

Хвалю. Нам на войне нужна наука
И сила, чтобы бить врага с плеча.
Науке ж той научат и медведя, —
Так, что ль, Георгий?

Георгий

Ответа хочешь, князь? Скажу. Не так.
Потребно мастерство, чтоб бить врага
Не силой только, а умением, правдой,
Содружеством умов на ратном поле,
Как греки в Фермопилах,²⁷ где один
Стоял за всех. Как Ганнибал, Спартак...²⁸

Князь Глинский

Хвалю тебя за знанье хронографов.²⁹
Однако ведомо ль тебе, Георгий,
Когда виктория* несет свой стяг над войском?

Георгий

Тогда, когда войска и воевода
Объяты думою одной, одним порывом.

Князь Глинский

Часть правды в том, другая часть — в ином.
Без пастыря нет обороны стаду,

* Победа (лат.).

И улья нет пчелиного без матки,
И волчья стая водится волчицей,
А чтоб стать воеводой, нужен род.
Рад, что ты понял половину правды.
Еще скажу... хозяйка, дай закусок!
(Дарота выходит.)

Теперь пора начать нам речь о деле.
Объединим народ Руси Литовской
От князя и до смерда.³⁰ Скоморохи,
Что слышали, идя по Белоруси?

Скоморох

Мы в лапотках промерили ее
С Задвинья и до Припяти лесной,
От Новогрудка до Смоленска. Всюду
Стонал народ под чужеземным игом.
Он худшего ждет, светопреставленья,
Коль ты, князь Глинский, не придешь на помощь.

Князь Глинский

А что вы в панских слышали хоромех,
Когда пускали вас туда?

Скоморох

А разное мы слышали. Бояре,
Князья, что на прадедовских столах,
Отдать их не хотят короне польской,
К Москве склоняются. А мелкий шляхтич
Москвы не хочет. Тут ему вольней.

Князь Глинский

Тем хуже для него. Народ — кувалда,
А молот — князь. Железо плющит сила.
Не правда ли, князь Забржезинский?

Забржезинский

Да, это правда, князь. Но все же лучше
Для дела нам на сторону свою
Склонить и шляхту. Шляхта — это сила!

Скоморох

Ты только кликни, князь, народ их сломит.

Князь Глинский

Их сломит золото. И не такую силу
Оно ломало. Жадные они.
На гульбища, на траты их, на роскошь
Добудем золото, купцы?

Бабич

Князь, золото, что день, течет все ниже,
Товар в цене упал, как никогда.

Князь Глинский

Все оттого, что заперты границы
Литовские, и вы — как птицы в клетке.
Но мы ломаем клетку — царь Иван,
Наследник кесарей и славы Византии,³¹
Единый православный кесарь в мире,
Под ноги врагов повергший всех,
Нам шлет листы и обещает помощь.
Тогда мы тут такое сварим пиво,
Что в Кракове звонить колоколам!

Забржезинский

Но и с царем поторговаться надо,
Чтоб наши привилегии были
Он не нарушил...

Князь Глинский

Начнем мы сами — царь их не нарушит.
А коли он начнет... Ну как, купцы?

Бабич

Да мы не оттого, князь, а к тому,
Чтоб убедиться — прочно ль это дело.
Тогда не только деньги — жизнь дадим.
Вот Скорина. За весь он Полоцк скажет.
(Входят Лукаш Скорина и лекарь Балинский.)

Лукаш

Поклон тебе, Михайло-князь! Георгий,
Поклон ему и доктору.

Георгий

За что?

Лукаш

Лист короля достал он Фредерику
Епископу и кардиналу — в Краков.

Георгий

(взволнованно)

Как вас благодарить, и князь, и доктор,
Не ведаю, но я клянусь вам богом,
Что делу общему там взятое отдам!

Забржезинский

Я сына, Стася, посылаю в Краков
Учиться. Вот и поезжайте вместе.
Стась будет здесь со Шпилером Иоганном.

Лукаш

Георгий, собирайся. Вот и ключ
От сундучка. Припасы там и письма
К купцам, которые должны за шкуры.

Георгий

Дозволь, отец, мне и дозвольте, князь,
Тот сундучок отдать на наше дело
Как первый дар. Я обойдусь и так.

Князь Глинский

Вы слышите, купцы? Георгий, принимаю
Твой щедрый дар.

Георгий

Я принесу его.

(Выходит.)

Князь Глинский

Как с королем тебе поладить удалось?

Балинский

Король хворает и лекарства ищет
В делах он добрых. Я и подогрел
В нем это рвенье. Он бумагу выдал.
Одно, Лукаш, ему не мог сказать я;

Что сын твой грецкой веры, и его
Францишком нам пришлось в ней записать,
А не Георгием.³² Но коль обман — спасенье
Единственное, — пусть простит нам бог!

З а б р ж е з и н с к и й
Король хворает?

Б а л и н с к и й
Да, хворает, князь.
Я думаю, вельможные, что мы
Здесь общей с вами связаны порукой,
И нам таиться меж собой не надо.

К н я з ь Г л и н с к и й
Я всех уже предупредил о том,
Что голову с изменника сниму
И выброшу ее в смердящий ров.

Л у к а ш
На этом крест целуем; освящен
Он у святой Софии; в древке часть
Креста господня. Пусть предатель сгинет
От кары бога и людей — аминь.

К а ж д ы й и з п р и с у т с т в у ю щ и х
Аминь — и за себя и за детей.

З а б р ж е з и н с к и й
Так неожиданно! Но я не против. Amen!

Б а л и н с к и й
Король умрет. Ему не воевать
С Менгли-Гиреем, если б и хотел
Помочь союзнику, царю Ивану.

Л у к а ш
Князь Михаил, скажи одно лишь слово, —
Жизнь и богатство — всё тебе отдам!

Б а б и ч
И я имущество и животы в придачу.

Советники

И мы. На том целуем крест.

(Георгий приносит сундучок.)

Георгий

Примите, князь, на счастье, на почин.

Князь Глинский

Спасибо, сын мой. У тебя рука

Счастливая. Остаток я даю

От люда русского тебе на счастье

Для дела общего, для пользы нашей.

(Берет некоторую часть денег, остальное вместе с сундучком возвращает. Георгий в нерешительности: брать или не брать.)

Лукаш

Возьми, сынок! Я столько ж, даже больше,

Дам князю из твоей сыновьей доли.

(Входит слуга князя Глинского.)

Слуга

Князь, там какой-то иудейский холопец

Пройти хотел бы к Юрке Скорине.

Георгий

А! Это Товий. Он со мной поедет.

Лукаш

Я делу доброму не супротивник.

Князь Глинский

Пусть подождет он.

(Слуга выходит.)

Наш совет окончен.

Начнем же то, что бог благословил!

Сигнала ждите. Да поможет бог!

Поедем, Забржезинский. Нас зовут

Обязанности службы королевской.

Итак, я завернул сюда на ссору,

Всех помирил. И выпил чарку. Ясно?

Баби ч

Понятно, князь. Пусть боронит вас бог!

(Все кланяются и провожают князя до дверей. Георгий и Лукаш возвращаются, с ними Товий. Из кухни с подносами выходят Дарота и Арина.)

Дарота

Да где ж они? Где гости дорогие?
Иль опоздала я, для них стараясь?

Лукаш

Не огорчайся. Зятю на дорогу
Все пригодится — едет не один,
А с сыном доктора и воеводы в Краков.
Вяжи в мешок. Скажу, чтоб запрягали.

Товий

Так едешь, пан Георгий?

Георгий

Немедля едем мы, немедля, друже.

Товий

Пан Лукаш, вам спасибо. Всем готов
Служить я сыну вашему. Иду
Сказать, чтобы скорей коней давали.

(Срывается с места и бежит через кухню. Арина начинает укладывать еду.)

Дарота

(Георгию, мрачно)

Так едешь ты?

Георгий

Да, матушка, я еду.

Дарота

Коль матерью и вправду б звать хотел,
Коль вправду бы хотел ты стать мне зятем,
Не ехал бы, а вил свое гнездо.

Лукаш

Я думал, как и ты, сперва, Дарота,
Но он меня сломил. Послушай, мать.
Есть люди, на которых
Благословение почиет божье
И общее сочувствие. Таков
Георгий. Грех великий стать ему
Преградою. Я попросил еще
Адверника, и обещался он
Достать согласие на брак с твоею дочкой.
Окончит он учиться. И тогда
Мы справим свадьбу. Вот конец и делу.
Иди, Георгий, и простись с невестой.
А мы пойдем, Дарота, поглядим,
Все ли, как нужно, слажено в дорогу,
Да и ларец привяжем.

(Георгий выходит.)

Дарота

Мне все равно. Кто б здесь ни ел, ни пил,
Лишь бы платил. Ты здесь займись, Арина.

(Они ушли. Арина осталась одна.)

Арина

С епископом Адверник сладит дело?
Каб не подвел, Лукаш, тот греховодник!
Дароте он зачем-то шлет подарки,
Мне, грешной, кое-что перепадет...
А вот и голубкй. Уйти мне, что ль?
Пусть помилуются перед разлукой!

(Входит в кухню. Сверху сходят Георгий и Маргарита.)

Маргарита

Ты едешь, Юрка?

Георгий

Еду, Маргарита.

Почувствовал я крылья за спиной.
Присядем на дорогу.

(Обнявшись, оба сели на лавку.)

Маргарита

А у меня на сердце камень, Юрка.
Дай поглядеть в твои, любимый, очи —
В последний раз, быть может...

Георгий

Не надо, жемчуг мой, так убиваться,
Из глазок ясных слез ронять не надо.
Вернусь ведь я.

Маргарита

Вернешься? Не забудешь?

Георгий

Ношу глубоко в сердце облик твой.
Там затаю его. Душой с тобой всегда я.
Пройдет минута — буду счастлив тем,
Что ближе встреча. Как луна и звезды,
С тобой встречаться будем на заре.
Гляди на месяц, вспоминай меня.
Не плачь же, месяц ясный, не тумань
Очей лазурных.

Маргарита

Юрка, Юрка мой!..

(Уста их слились в поцелуе. Товий, а вслед за ним Арина
выглянули из дверей и тотчас отпрянули назад. С улицы входит
Шпилер-отец.)

Шпилер-отец

Ох, молодость! Вот срам! Ну, пан Георгий,
Пора и в путь. За Иоганном иду я.

(Проходит наверх. Из кухни выскакивают скоморохи.)

Скоморох

Эй, молодой купец, а за невесту?
За нареченную твою? За свадьбу?
Чтоб нам играть на ней и веселиться?

(Они играют и скачут. Маргарита глядит на них, смеясь сквозь
слезы. Когда они кончают, она подносит им по чарке.)

Скоморохи
(пьют)

Эй, горько, молодой купец!
Горько!

(Одновременно сверху сходят Шпилер-отец с Иоганном,
а из дверей появляется Лукаш.)

Лукаш

Цыц, племя сатаны! Собрался человек
В дорогу дальнюю, на дело на святое...

Скоморохи

А мы — чтоб веселей жилось, счастливей сталося,
На прибыль им велось, венком сплеталось —
Веселую, про свадьбу!

(Лукаш усмехается, но вскоре отсылает их, махнув рукой.)

Шпилер-отец

Вы не забудете, надеюсь, что я сделал
Для пана Юрия, почтеннейший герр Лукас?
Слугой у Иоганна, но все ж он едет.

Лукаш

Слугой у Иоганна? А этого не хочешь?

(Подносит кукиш под самый нос Шпилеру.)

Шпилер

О, вас ист дас?

Лукаш

А это кукиш, ратман!

Да, это кукиш, и притом на блюде.
Ни я, ни сын мой, ни народ наш русский
Слугой у немцев никогда не будет!
Сын воеводы ждет. Присядем на дорогу.

(Все присели. Шпилер наклоняется к своему сыну.)

Шпилер-отец

Припомни, Иоганн, там ему...

Лукаш

Пошли! А ты останься, Маргарита.

Еще увидят люди — будет срам.

(Все выходят в сопровождении скоморохов. Лукаш даже пританцовывает. Арина появляется из кухни.)

Маргарита

Побудь со мною, мамка. Тошно мне...

Арина

Голубонька, все голубкй такие.

Тот улетел — другие прилетят,

Коль не вернет господь...

(За окнами бубенцы. Маргарита кинулась к окну.)

Ишь, колокольцы! Дай бог добрый путь!

(Арина также подходит к окну.)

Отец с ним сел... До церкви, помолиться?

А с матерью кто рядом? Аль Адверник?

(Некоторое время спустя входят Дарота, Адверник и слуга, несущий сома.)

Дарота

Входите, пан Адверник, и утешьте

Свою невесту сами...

Маргарита

(с горечью)

Невесту? Мамка, душенька Арина,

Беги, верни его, скажи, что гибну.

Как пташка, вслед лети!

(Падает без чувств на руки Арине.)

ЗАНАВЕС

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Георгий Скорина.

Товий.

Иоганн.

Фон Шпилер.

Станислав Забржезнийский — сын воеводы.

Арина.

Глаговский — профессор университета.

Приор университета.

Андржеяка — студент чех.

Писец.

Студенты — немцы, чехи, поляки.

КАРТИНА ПЕРВАЯ

1504 год. Двор Краковского университета Ягеллонов. Тяжелые монастырские стены идут полукругом. Глубокий вход и узкие высокие окна. Над входом надпись по-латыни: «Deus noster lux et scientia» («Бог — наш свет и наука») и католическое распятие. В окне видна голова писца с гусиным пером за ухом. Среди двора — могучий клен и каменная скамейка у его ствола. На ней сидит, опустив голову в ладони, Георгий Скорина. Мимо, не обращая на него внимания, проходят студенты. Через некоторое время, крадучись, к нему пробирается Товий, в руках у него какие-то отпечатанные листы.

Товий

День добрый, пан Георгий!

Георгий

Ах, это ты, брат Товий! Сколько раз
Просил я — не зови меня ты паном.

Товий

Нельзя. Так нужно для людского слуха.

Георгий

Где пропадал?

Товий

Я не хотел быть пану в тягость.
Уже неделю мы сидим без дела,
Да и без толку. Я искал работы.

Георгий

И что? Нашел?

Товий

(с увлечением)

Дай бог навек такую.
И мне и детям, если будут. Вот, взгляни.
Профессор лекции печатает. Глаговский.³³
А буквы льет ему один еврей.
Я упросил его взять и меня в науку.
Отдал, что было, клятву дал, что никому
Не покажу под страхом смертной казни
Тайн мастерства. О, пан Георгий,
Я лекций притащу тебе листы,
Коль для учения тебя не примут.

Георгий

Не нужно, Товий. Словят — отсекут,
Как вору, руки. Спрячь скорей и это.

Товий

Нет, это я не крал. Мне дали показать
Профессору — все ль здесь сейчас в порядке.

Георгий

(берет лист и читает)

«О книгах Священного писания и о пользе их для
Простых людей. Тезисы для студентов».
Вот чистая латынь. Постой — переведу:
«Бог человеку разум дал познать природу,
Творенье рук его, чтоб славить мудрость божью,
Но разум человека ограничен».
Чем ограничен? Где? Какой стеной, профессор?
Быть может, этою стеной, куда мой разум
Летел — и вдруг уперся?

Товий

И никаких нет перемен?

Георгий

Нет никаких. С письмом от короля
Меня к епископу, ты знаешь, не пустили.
Его взял клирик, Иоганна сообщник.

Товий

И Иоганн был там?

Георгий

Был и с ним шептался
даже.

Боюсь я, что письмо мое, конечно,
Теперь до кардинала не дойдет.

Товий

Чего ж ты ждешь?

Георгий

Понес епископу на утверждение приор
Студентов список. И, смеясь, пишец
Мне показал потом такую подпись:
«Францишку Скорине отказ: ведь он
схизматик».

Товий

Так плюнь, Георгий. Подадимся в Полоцк
Иль в Познань поспешим, к Ивану, к брату.

Георгий

А Глинский? А народ? Послали за наукой,
А я лишь темным неучем вернусь?
Нет, не могу я, Товий!
Нужны народу знания. К ним стремится он.
Не даст ему их польский пан ученый,
Не даст и ксендз, питомец академий,
Не даст их поп, что сам едва учен.
И я готов терпеть все униженья,
Чтоб вырвать свет у ворогов народа,
Оружье их, науку. Отступать нельзя мне.

(Вваливается шумная толпа студентов с Иоганном и
Забржезинским во главе. Студенты явно под хмельком.)

Иоганн

А славно мы, вельможные коллеги,
Знакомство наше спрыснули!
(Заметив Георгия.)
Глядите, Скорина нашел, друзья,
Себе профессора-иуду. Поздравляем!

Немец

А, то руссин из Полоцка с письмом
К епископу? С него науки хватит!
Ждал у стены — теперь домой с котомкой...

Забржезинский

Над неудачником смеяться грех. Пойдем!

Немец

Нет, подождите. Я вам докажу,
Что русские к наукам неспособны.
Скажите, доминe,* какой алфавит в книгах,
Куда господь грехи заносит наши?
Вот тезис.

Георгий

Немецкий, герр школяр.

Немец

А почему?

* Господин (лат.).

Георгий

А потому, что твой народ грешнее всех народов.
Он на чужой земле захватчиком селился,
Уничтожал селян, детей кидал в огонь,
Крест целовал и это целованье
Всегда спешил нарушить вероломно.
Оспорь вот этот тезис, если можешь.

Андржеяка

Клянусь святой Марией, это правда!
Ты молодец, руссин. Дай руку чеху!

Немец

Но чем речь русская, скажи, так славна,
Коль из апостолов святых никто
Не говорил на ней, не знал ни слова?

Георгий

До киевских высот
Дошел Андрей, апостол первозванный.³⁴
Что ж, по-немецки он
Учил славян Христовой вере?
Как ратманы, палил огнем,
Крестом, мечом крестил? Иль словом
Их убеждал? Скажи тогда, каким?

Андржеяка

Вот это, школяры, вам антитеза!
Добей его и синтезом, руссин!

Георгий

А синтез был в Грюнвальде.³⁵ В этот день
Мой дед — иль прадед — с прадедом твоим
И прадедом его

(показывает на Забржезинского)

все рыцарство немецкое побили.

Иоганн

А этому тебя уж научил
Твой Товий, твой профессор?

Георгий

А что, коль он? Ты библию читал?
Каким же языком Христос учил народ?
Скажи, когда просвещены они,
Апостолы с побережья Иордана,
Сыны Израиля от вод Генисарета,³⁶
Кто первым был, кто к ним пришел креститься?
То эллин, иудей? иль римлянин? иль варвар?
Как смеешь спрашивать ты? кто учил?
Ты не у них учился, хоть и плохо?

Андржеяка

Клянусь я богом — молодец русин!
Он словом рубит, как мечом.

Немец

Он еретик.³⁷ Костра, сожженья стоит!
Его учить? Ярмо ему на шею!

Георгий

Как жаль мне книг, какие ты прочел!
Они — что бисер пред свинячим рылом.
Ведь смысл всех книг, какие я читал,
Один: не делай ничего другому,
Что бы для себя ты не хотел.
Не рой другому ямы — попадешься сам.

Иоганн

Вот в яме и сиди, надменный смерд!

Немцы

Не выкинуть ли смерда за ворота?

Георгий

Попробуй!

Чехи

Руки прочь — не то мы вам покажем!

Немцы

Эх вы, славяне!

Забржезинский

Славянин и я.

Чехи

Что, швабы? А давно ль мы вас лупили?

(Позади студентов, готовых кинуться в схватку, появляется профессор Глаговский.)

Глаговский

Что тут за диспут, домине, у вас?

Вы в ход пустить готовы аргументы,

Какими и ослы едва ль владеют.

Немцы

Никчемный смерд, руссин, нас оскорбил.

Глаговский

Ах, оскорбил? Но чем и как?

Георгий

Словами острыми я сбил с них, пан профессор,

«Sime superbiam» — по слову римлян,

Высокомерность их. Они ж желают,

Чтоб сбил не на словах я, а на деле.

Глаговский

На это — вето! Домине, идите.

Немцы

Так не оставим мы и с жалобой дойдем

До пана приора...

Георгий

Семь змей увидеть менее опасно,

Чем ябедника одного. Меня карают боги.

Семижды семь их вижу в ваших лицах.

Глаговский

Ты сам откуда? По какому делу?

Георгий

Францишек Скорина, сын Лукаша, купца

Со славного град-Полоцка. Приехал

Семи наук искусству научиться,³⁸
Быть доктором науки медицинской.

Глаговский

И сильно хочешь?

Георгий

Как дожда пустыня
И как голодный хлеба.

Глаговский

Добро! Когда так жаждет человек,
Добьется он. А в чем задержка?

Георгий

Я веры православной, грецкой.

Глаговский

Плохо.

Не это плохо, что ты веры грецкой,
А то, что, коли не изменишь веры,
Доминиканцы³⁹ на порог тебя не пустят.

Георгий

Тогда вернусь я в Полоцк, пан профессор,
Искать такого склада и порядка,
Чтобы учиться мне, не изменяя вере.

Глаговский

Так вере не изменишь?

Георгий

Никогда!

Глаговский

Добро и это! Вера — не торговля,
И бог — не злоты.
Но тут уж я ничем помочь не в силах,
К своей досаде.

(К Товию.)

Что тут у тебя?

Товий

Тут ваших лекций, пан профессор, оттиск.
Прислали поглядеть: все ль здесь в порядке.

Глаговский

Очки оставил дома. Вот беда!
Кто мог бы мне прочесть?

Георгий

Я прочитаю вам.

(Читает.)

«Deus homini sensum dedit cognoscere naturam, opus
magnum ejus, ut glorificaret sapientiam Dei, cum
sensum hominis limitatus est».*

Глаговский

Ты понял?

Георгий

Понял.

Глаговский

Ты согласен?

Георгий

Нет!

Глаговский

А почему?

Георгий

Не разум ограничен — наши знания.
Пчела по капле наполняет соты.
Собрав по капле знания, человек
Сегодня знает более, чем деды.
Когда б сложить нам знания поколений,
У каждого создания дознаться,
Что от природы было взято им,

* «Бог человеку дал разум для познания природы, великого творения своего, чтобы он прославлял мудрость божью, так как ограничен разум человеческий» (лат.).

И разобрать его и вновь сложить, —
Тогда мы новым знаньям
Могли б открыть пути.

Глаговский

Так, значит, опыт — это мать науки?

Георгий

Да, пан профессор, так я полагаю.

Глаговский

Что не католик ты — молился богу,
Не то тебя постигла б участь Гуса...⁴⁰
Работник нужен мне в библиотеку...
И я охотно б взял тебя,
Чтоб ты помог в ней навести порядок.

Георгий

Хоть сторожем поставьте в ней — согласен.

Глаговский

Жить будешь у меня. Иди, проверь с ним это.
(Входит приор. Студенты кланяются ему.)
Чем нас порадуешь, отче приор?

Приор

Князь-кардинал одобрить соизволил
Работу нашу по приему в школу.
Где тут Франциск из Полоцка?

Георгий

Пред вами, отче приор.

Приор

Благодари в своих молитвах князя
И кардинала. Милостью великой
Тебя, схизматика, во исключенье правил,
Он допустил познать науки свет
В надежде, что, прозрев, душа твоя
Причастна станет римской церкви.

Георгий

О, передай ты, сердце, эту весть
Тем, кто меня послал,
Кого я там покинул!

Приор

Указом короля и князя-кардинала
С сегодняшнего дня Франциск Скорина
Меж вами, доmine, как равный между равных.
Виват епископу и королю!

Немцы

Хох! Хох! * Епископу!

Чехи

И королю!

Георгий

Да здравствует настойчивость, мой Товий,
Да здравствует науки ясный свет!

ЗАНАВЕС

КАРТИНА ВТОРАЯ

1506 год. Библиотечная зала в доме Глаговского. Полки, шкафы с книгами и свитками. Старинные сосуды, аптечные весы, мензурки, колбы — все атрибуты средневекового ученого. Камин с античной облицовкой. Около него и поодаль, на рабочем столе, клещи, молотки всех размеров, тиски, котлы для кипячения и плавки. Чуть сбоку — стол, застланный чистой скатертью, с напитками и едой. В комнате — профессор Глаговский в шелковой мантии и бархатной шапочке доктора и несколько по-праздничному одетых студентов. Среди них Георгий Скорина и Станислав Забржезинский. За рабочим столом Товий занят какой-то ювелирной работой. Чувствуется приподнятость настроения в движениях и голосах.

Глаговский

О, юные мои друзья!
Среди семи холмов, на коих Рим,
Славнейших было два:

* Ура (нем.).

Капитолийский с храмом
Юпитера, Юноны и Минервы,
Являющийся сердцем Рима,
И Авентин,⁴¹ куда взошли плебеи,
Когда восстанье поднимали
Против патрициев.
Друзья мои,
Мы братство наше молодое
Назвали Авентином неспроста.
Наш Авентин —
Есть взгорье Разума, приют Науки.
Пусть прочим светом правит Капитолий,
На Авентине мы — цари! Сегодня
Мы славим выпуск новых бакалавров
Семи искусств свободных.
Коль все уж собрались, прошу к столу.

Георгий

Чех Андржеяка опоздал. Но тот,
Кто опоздал, пусть на себя пеняет.

Забржезинский

А кто сегодня тирсофор⁴² у нас?

Георгий

А тирсофором, пане, быть тебе
По праву:
Не перепить тебя здесь никому.

Забржезинский

Тогда давайте тирс, а то за стол не сяду.

Товий

(смеется)

Как раз на этот случай сделан он.

Все

(с хохотом)

Ого! Глядите! И плющом обвит,
И шишка спелая, как нос у Стася.

(Все с шутками садятся за стол, не исключая и Товия.)

Забржезинский

Ну вот я скипетр Вакха⁴³ взял,
Налить прошу ковши, какой кому по вкусу.

Георгий

Люблю я Рим и Грецию, где мысль,
Глубокая, как день, высокая, как небо,
Отважная, как лев, свободная, как птица,
Переплетается с веселостью достойной.
Они, друзья, воскреснут, верю я,
Как старое вино, что, чем старей, тем крепче.
За силу мысли, неподвластной вечным
Законам Кронаса,⁴⁴ осушим первый ковш!

Забржезинский

Ты, Скорина, власть Вакха мне вручил.
Не забирай ее без спросу.

Георгий

На то ведь мы на Авентине, брат!

Забржезинский

Нет, нет, — порядок и питья и боя
За воеводой этих двух боев.
Не то тебя почествую я чаркой
Вот этою, налитой до краев!

(Вынимает из-за пазухи турий рог, украшенный резьбой.)

Георгий

В таком бою сдаюсь я, Забржезинский!
За что ж тогда нам выпить первый ковш?

Забржезинский

Науки кончены... простите, пан профессор.

Георгий

Как для кого. По мне вот, например,
Они едва в начале, друже.

Забржезинский

Что до меня — двух лет вполне довольно,
Чтоб ведать, сколько дьяволов господь

Вместить бы мог на острие иглы.
А сколько я поднять бы мог врагов
На острие шляхетской доброй сабли,
Девчат обнять вот этими руками,
И в чрево грешное вместить вина.

Георгий

Последнее учсть уж невозможно,
Коль речь здесь о тебе.

Забржезинский

За молодость, за счастье и за жизнь
Поднимем первый ковш, когда
Дозволит нам профессор.

Глаговский

Я с вами поднимаю ковш за это.
Любя так пылко жизнь, друзья,
По праву были вы на Авентине.

(Все выпили.)

А ты за что бы выпил, Товий?

Забржезинский

Я протестую, пан профессор.

Глаговский

Я проверяю, доmine, насколько
Здесь, в этих стенах высочайшей школы,
Мы волею владеть вас научили.

Забржезинский

Я повинуюсь, пан профессор, но
В знак все еще не снятого протеста
Жезл Вакха я передаю соседу.

Глаговский

За что же все-таки ты б выпил, Товий?

Товий

Коли дозволено мне, бедному еврею,
В содружестве панов ясновельможных
Сказать, что думаю, — я выпил бы за дружбу

За мир между людьми до окончанья света.
Чтобы не кровью — пóтом землероба
Для блага общаго полито было поле,
Не жгли бы церкви, синагоги, хаты,
А строили бы их, чтоб не палили книги,
А их печатали, чтоб люди жили так,
Как мы о том мечтали и Францишек.

Г л а г о в с к и й

Амины! И это будет, Товий,
Когда не меч, а мир
Прославит слово человека,
Когда не короли —
Философы воссядут на престолы.
Ну что король? Он только лучший воин.
Коль лучший он из лучших, может стать
Он для науки верным меценатом.
У Польши тридцать тысяч королей,
Но для науки Польша — ночь, к несчастью.

Г е о р г и й

Так за зарю в потемках и за первый
Университет, что стал нам колыбелью,
За приподнявшего покров Изиды⁴⁵
И заглянувшего в бездонный кладезь знанья,
Нам крылья давшего, чтоб все мы в мир летели,
За нашего профессора, коллеги!

(Все встали и выпили.)

Г л а г о в с к и й

О, домине Францишек! Я с особой
К тебе любовью обращаю слово,
Любимый ученик. Не хмурьтесь, други.
Он был меж вас как месяц среди звезд,
Как солнце был он разумом
И делом — как пчела.
Полету дум его наш университет
Был тесен. Зарывать талант такой
Я непростительным бы счел грехом.
Во имя тех, кто дал тебе твой разум,

Упорство и крылатость дум, —
Иди учиться дальше!

Георгий

Мне дал их мой народ несчастный.
Во имя
Народа я готов хоть на край света
Идти учиться. Но куда, наставник мой?

Глаговский

Лишь в Падую, в Италию. На свете
Нет лучшей академии, ⁴⁶ Францишек.
Там разума мужи светильником науки
Ночь догматов слепых, ненарушимых,
Сумели разогнать.

Георгий

Пойду, учитель мой.

Глаговский

Сын мой, дай обниму тебя. Я знал,
Что сердце ты порадуешь мое —
И лишь таким ответом.
(Они горячо обнялись и трижды поцеловались.)

Товий

Осмелюсь вам напомнить, пан Францишек,
Что есть там, в Вильне, некая Изольда,
Которая ждет своего Тристана. ⁴⁷

Студенты

Ого, Францишек, за тобой такого
Не знали мы, ближайшие друзья.
Знать, в тихой заводи чертям раздолье,
Как грешнику в монастыре. Ну, хвастай,
И кто она и где!

Георгий

Я, Товий, не забыл о ней. Друзья,
Так сердце я сейчас наполнил счастьем,
Что льется уж оно через края.
И эту радость разделяю я с вами.

То ангел, посланный мне щедрым небом,
Психея красотой она, недаром
Ее жемчужиной в святом крещеньи
Назвали — Маргаритой.

Студенты

Ах вот, ты Забржезинского с собой
Увез из Вильны, чтоб он не украл
Твою жемчужину — ведь он на это хват!

Георгий

• Не украдет. Я в Падую поеду,
И не один. Со мною Маргарита.

Товий

Позвольте, как щенку, мне через год
Пойти за вами по следам...

Студент

А как?

Товий

По розам —
На их тропинках расцветут они.

Глаговский

За счастье доmine Францишка
По полному ковшу!

Забржезинский

Не надобно тут двух ковшей —
Лишь маленькую чарочку в додаток.
(Входит чех Андржеяка.)

Андржеяка

Кто скажет, что я опоздал,
Тот пусть язык проглотит на закуску!
Явился*я как раз в тот миг,
Когда еще ковшей не осушили.
Ковш чеху Андржеяку!
Узнаю после, за кого здесь пьют.
(Все выпили.)

Я знаю, пили вы за белоруса.

Георгий

Благодарю.

(Обнимает его.)

А все ж ты опоздал.

Где был? Что отвлекло тебя, мой друг,
От Тайной вечера на Авентине?

Андржеяка

Не Андржеяка я, а новостей мешок.
За уши потряси меня, Францишек, —
Посыплются орехами они.

Студенты

А хороши те новости иль нет?

Андржеяка

Да, в доброй есть хорошее, в хорошей
Есть доброе. Король скончался в Вильне.
Окончил жизнь свою и тесть его в Москве.⁴⁸
А Глинский Михаил, опальный князь,
Убив недавно воеводу в Гродно⁴⁹
За то, что общему тот делу изменил,
На родине твоей восстанье поднял,
Францишек.

Забржезинский

В Гродно? Воеводу? Как
Его зовут? Ведь мой отец был в Гродно...

Андржеяка

(хлопая себя по лбу)

Ах, голова пустая!..

Забржезинский...

Назвали имя мне, но я не думал,
Что твой отец...

Забржезинский

Где слышал? от кого?

Андржеяка

А разве этого я не сказал?
К епископу послал меня пан приор,

А там фон Шпилер был, гонец из Вильны,
Где Сигизмунда королем избрали.

Забржезинский
Тогда... прощайте! Тотчас еду в Вильну.
Ответит Глинский мне и все его друзья!

Андржеяка
Попасть не просто в Вильну. Тот гонец
Дал крюк. Все города по Белоруси
Востали с ним.⁵⁰ Василий, царь Московский,
Им рать свою уже послал на помощь.

Георгий
А Полоцк как? Ты не спросил о том?

Андржеяка
Затем и опоздал, что узнавал я.
Нет, Полоцк не восстал еще.

Товий

А Вильна?

Андржеяка
* В руках у короля, хотя король не там.
Орду встречать он вышел к Перекопу.

Забржезинский
Тогда скорее в Вильну!

Георгий
А зачем?

Забржезинский
Род Глинского хочу я уничтожить.

Георгий
Род Глинского иль свой родной народ?
Ты Забржезинским стал совсем недавно,
Всего лишь дед твой,
Известно мне, был православной веры.
Он был бы с Глинским заодно.

Еще отец твой
С народом шел своим, пока его измена
Не сбила к шляхте. А куда твой путь?

Забржезинский

Сын Скорины-купца
Не тут бы должен речь вести,
А там, на бранном поле,
К приспешникам своим.
Прощайте, пан профессор!
(Выходит, не прощаясь с остальными.)

Глаговский

О, Польша, Польша! Жаль, что правит
Тобой не разум светлый, а паны
С надменностью, кривой и однобокой!
Среди славян могла б ты стать ядром ореха,
И мощным был бы тот орех
При помощи от братьев...
А так сгубить себя ты можешь
И обескровить,
На радость недругов своих.

Студенты

Да, новостям таким не будешь рад.
Вы нам уйти позвольте, пан профессор.

Глаговский

Ступайте, други, не губите только
В душе своей добра и правды зерна,
Полученные здесь. Тогда почту
И я исполненной свою задачу.
Останься ты, Францишек,
И, Андржеяка, ты...

(Студенты прощаются и выходят. Товий собирает со стола.)

Глаговский

Что рассказал еще посол из Вильны?

Андржеяка

При Забржезинском я смолчал. Князь Глинский
Ворвался в замок ночью. На постели

Снял воеводе голову за то, что тот
Весь план восстанья выдал королю,
И, старый не умри король, висеть бы
На виселице Глинскому...

Георгий

Не только Глинскому, а и отцу,
А может быть, и мне.

Андржеяка

Постой, постой, Францишек! Этот Шпилер
Сказал, что снята голова еще
Купца и мещанина Вильны,
Какого-то там Скорины.⁵¹

Георгий

Кем? Глинским?

Андржеяка

Нет, в битве снята стражей Забржезинских.
Проникнув в замок, ночевал у них он.

Георгий

В раю своем прими его, господь,
Даруй мне радость в смутную годину, —
Ведь за народ, а не во вред ему
Сложил он голову свою,
Мой старый, добрый батька.
Благословите, пан профессор, ехать в Вильну,
Не словом,
А мечом за свой народ бороться.

Андржеяка

Постой. Коль сын ты Скорины-
Покойника, ты должен тотчас
Не ехать, а бежать, лететь — не в Вильну,
А много дальше Вильны, —
Со мною в Прагу. Шпилер ведь привез
Приказ схватить... постой, ха-ха!
Зря напугал я — голова пустая —
Схватить Георгия. А ты Францишек.

Георгий

Георгий я и есть. Францишком я назвался,
Чтобы меня учиться допустили.

Глаговский

Дай рясы мне монашеские, Товий,
Моих гостей, что где-то загуляли,
Одетые в мирян простое платье.

(Товий исполняет порученное.)

Идите к Андржеяке. Завтра утром
Коней я сам подам перед рассветом —
И в Прагу, да как можно поскорей!

Георгий

Не в Прагу, — в Вильну, пан профессор.
На вызов Забржезинского иначе
Ответить не могу. То тень отца взывает.

Глаговский

Народ отца главнее, сын мой.
Что Забржезинский? Лишь условность. Ты
Народа ради одолей ее,
Как ни было б тебе то горько, сын мой.
Поверь наставнику. На поле боя
Один ты невеликая подмога!
Иной и помощи и славы ждет
Народ твой от тебя, Георгий!
О просвещении его заботься, о судьбе.
Ты академию там, в Полоцке, создашь,
Когда добудет твой народ победу.

Георгий

А если будет мой народ разбит?

Глаговский

Народ разбитым быть не может.
А коль отступит он, тогда еще нужней
И голова твоя и светлый разум
Народу твоему.
Верь мне, как своему отцу, Георгий,
Война и время перед королем
Смягчат твою вину, вернешься в Вильну,

Опорой станешь новой ты борьбы,
А может, и победы. В Падую спеши.

Г е о р г и й

Нет. Там еще осталась Маргарита.

А н д р ж е я к а

Тьфу! Новости трясти мне до конца...
Когда Георгий ты, то, может быть, и Юрка?

Г е о р г и й

Одно и то же это.

А н д р ж е я к а

Так к тебе

Из Вильны шла старуха. По дороге
Я встретил — нищую иль богомолку.
Она при виде школяра спросила:
Не знаю ли я Юрку Скорину,
Что года два тому назад пошел сюда учиться.
Ответил я, что Юрку я не знаю,
А есть Георгий Скорина. Спроси его.

Г е о р г и й

А где она?

А н д р ж е я к а

Там, в кухне, пан профессор.

Г л а г о в с к и й

Так приведи сюда скорей старуху, Товий.

А н д р ж е я к а

И я с тобой. Тряси меня дорогой —
Повысыплю еще кой-что, быть может.

(Оба выходят.)

Г е о р г и й

Что старую заставило идти
Из Вильны в Краков? Кто она такая?

Глаговский

Будь мужественным, сын мой. Как-то в Риме.
Часы я видел. Возле циферблата
Мудрец какой-то сделал эту надпись:
«Vulnerat omnes, ultima pesat». —
«Все ранят, а последний убивает».
Будь твердым перед новым испытанием.

(Товий и Анджеяка приводят Арину. Юрка бросается к ней.)

Георгий

Арина?

Арина

Юрка! Вот где повстречались!..

Георгий

Что с Маргаритою?

Арина

Ох, сокол, сокол,
Зачем тогда голубку ты покинул?
Ой, заклевал ее жестокий ворон.

Георгий

Кто?

Арина

Да Адверник. Он, христопродавец,
Сгубил ей жизнь. Дарота отдала
Ему сама твою голубку замуж.

Георгий

«Ultima pesat». — Где же это счастье,
Которым я сейчас был переполнен?
Кто душу так опустошил мою?

Арина

Как плакала она, просила: «Мамка!
Иди, ищи Георгия по свету,
Скажи ему: «Ждала, любила». Все люблю,
Но не судил нам бог и злые люди...»
Как побирушка я пошла, и вот...

Георгий
Скорей, скорее в Вильну, Товий!

Глаговский
Нет, в Прагу! Бог тебе шлет испытанье,
Как Иову.⁵² Мужайся. И в работе
Боль утоли. И помни, даже бог
Не в силах сделать бывшее небывшим.

Георгий
Тогда в стан Глинского,
Чтоб голову сложить
Под саблей острою!

Глаговский
Чтоб враг сказал «спасибо»,
Чтоб проклинал отец, чтобы, ведя на плаху,
Враги смеялись над твоим народом?

Георгий
О, над народом им смеяться я не дам!
Согласен я, наставник... Стисну сердце,
Пойду пешком через Европу. Силу воли
К единственной направлю цели я
Во имя пламенной любви к тебе,
Народ великий мой, страдалец мой великий!
Дай, Товий, ненавистную одежду.
Идем, мой добрый друг!

Анджеяка
Идем, Францишек!

Товий
Я завтра к вам. Сбегу из словолитни.

Георгий
Учитель мой, прощайте. Благодарен
Я вам за труд, за сердце золотое.
(Обнимаются на прощанье.)

Арина
А что сказать мне Маргарите? Если
Дозволит пан, я б отдохнуть хотела.

Глаговский

Прошу, прошу...

Арина

Ну, я тогда пойду.

Георгий

Скажи, что проклиная час, когда
Ее я встретил и когда поверил,
Когда мне выжгло сердце жгучей болью...
Нет, нет, не говори. Скажи, что я люблю,
Что не забыть ее нигде и никогда мне,
Что обойду и землю я и море,
А к ней приду таким, как был, чтоб пасть
К ее ногам и умереть... Нет, нет... не это.
Скажи, что счастья тихого желает
Ей верный Юрка, что готов он сам
Нести мучений крест, чтоб бог ей дал
Минуту светлой радости. Лишь это
Скажи, Арина, ей...

(Она и Андржеяка вышли.)

Непрочно наше счастье на свете,
Как и судьба владений и империй.
Прочна лишь полновесная природа,
Хоть и бездушна. Человек не знает,
Что будет лучше. Беспокойным духом
Он строит пирамиды, храмы. Чудо
Творит и разрушает. Ищет счастья...
А где оно? А по каким законам,
И кто, и до какой черты
Тобой руководит, наш дух тревожный?
(Задумавшись, глядит в окно. Тихо входит Товий.)

Товий

Стучится кто-то, требует открыть
Во имя короля.

Глаговский

Иди и отвори ворота.

Товий

С глаз не прибрать ли что?

Г л а г о в с к и й

Не надо.

(Товий выходит.)

Святая инквизиция, наверно?
Ночные посланцы святой совы,
Увенчанной тиарой римской,
Не выносящей солнечных лучей.
Что привлекло их к моему окну?

(Закрывает окно. Входят фон Шпилер, Иоганн, писец,
приор и Товий.)

П р и о р

Простите, пан профессор, что так поздно
Мы беспокоим вас. Ну, где студенты, Шпилер?

Г л а г о в с к и й

Что это значит, Иоганн Шпилер?

И о г а н н

Епископу как будто сообщили,
Что пан профессор наш сегодня
Собрал тут неких новых бакалавров...

Г л а г о в с к и й

А кто ж о том епископу донес?

И о г а н н

(дерзко)

Католик добрый.

Г л а г о в с к и й

Значит, он не добрый.

П р и о р

Я ж говорил, что это глупость, ложь,
Что Академия под нашим управлением
Опорою католицизма стала...
Не спросите ль про Скорину, фон Шпилер?

Ш п и л е р

У вас живет Георгий Скорина?

Глаговский

Георгий Скорина здесь жил. Сегодня ж
Весть до него дошла, что дома, в Вильне,
Его отец скончался. Он туда
Поехал за наследством. Это все?

Шпилер

А коли так — то все.

Писец

Викарий просит вас явиться в замок.

Глаговский

Будь дома, Товий. Накорми старуху
Да помни про коней. Ну, доброй ночи!

Товий

Все будет сделано, вельможный пан профессор.

ЗАНАВЕС

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Георгий Скорина.

Товий.

Леонардо — командор «браво». ⁵³

Паоло — его помощник.

Джакобе — кухарь «браво».

Джузеппе — его подручный, пьяница.

Фадей Мусатти — вице-приор Медицинской коллегии.

Джульетта — его дочь.

Первый ученый.

Второй ученый.

Альдине — венецианский печатник.

«Браво», ученые, подруги Джульетты, студенты.

КАРТИНА ПЕРВАЯ И ВТОРАЯ

1512 год. Горное ущелье вблизи Падун, в Италии. Лагерь — «браво» — разбойников. Всюду в беспорядке разбросано запасное оружие и пестрые груды бедной одежды. Из-за скалы виднеется шатер командора. Посреди ущелья горит костер, над которым треножник с котлом и вертел с жарким. Возле них суетится Джакобе. Немного поодаль сидит на камне Джузеппе и пробует вино из мехов и больших кувшинов.

Джакобе

Ну, шевелись, спеша, Джузеппе, черепаха!

Наш цезарь может быть с минуты на минуту

С невестою своею и тогда...
Ты слышишь ли, мешок из кожи мула,
К тому же старый... он тебя
Изрежет — уж поверь! — на макароны.

Д ж у з е п п е

Сеньор черпак, весь перепревший в супе,
Ты в тонкое не вмешивайся дело.
Моя обязанность вино получше выбрать
На царский пир, на царственную свадьбу.
Тут нужен тонкий вкус и давний опыт.
Вот это можно?

(Пробует.)

Чуточку кислит.

Подумать может цезарь, что нарочно
Подсунули кислотину в насмешку
Над свадьбой, над женою — и тогда
Ты попадешь в давящую винограда
И претворишься в жмых.

Д ж а к о б е

При чем тут я, ублюдок Вакха?
Ты выбирал вино, ты и подставь
Зад под его пинок.

Д ж у з е п п е

Э, нет! Он знает, чем меня страшать:
Он будет бить тебя, чтоб я боялся.
А ты бы лучше дал кусочек мяса,
Чтоб посмотреть мне, как оно пойдет
С вином вот этим...

Д ж а к о б е

Скажи мне просто: надобна закуска.
Ох уж, пьянчуга, попадет тебе!

Д ж у з е п п е

Мне попадет? Хотел бы видеть, кто
Осмелится задеть храбрейшего из «браво».
Я б горло перегрыз ему! Вот так...

(Сдирает жаркое с вертела и, обжигаясь, грызет его.)

Д ж а к о б е

Брось жареное ты, петух!

Д ж у з е п п е

Я жареное взял? В порыве гнева
Его я даже не заметил.

Д ж а к о б е

Что ж, не заметив, камень ты не грыз?

Д ж у з е п п е

Мне как-то грызть и камень довелось
В Венеции в соборе Марка.

Д ж а к о б е

Ври, ври мне больше, старый ты брехун,
С брехни ведь пошлин не берут.

Д ж у з е п п е

Кто? Это я-то вру?
Клянусь Мадонною! А дело было так:
Охотников раз вызвал командир
Идти в Венецию, в собор святого Марка,
Пристукнуть стражу для порядка и забрать,
Что там найдется. Кто же самый смелый?
Конечно, я. Уговорил двух «браво»,
И двинулись. А ночь была такая,
Что носа собственного не увидишь.
Я чувствую, что черт во тьме нас кружит.
Давай я заклинанья вслух читать,
Каким меня монах однажды научил.

Д ж а к о б е

И помогло?

Д ж у з е п п е

Да еще как! Такое было слово,
Что в пекло сам сбежал бы Люцифер.⁵⁴

Д ж а к о б е

Ну, ну, ври дальше!

Д жу з е п п е

Не веришь, что такие есть заклатья?

Д ж а к о б е

Ну, верю. Сам одно такое знаю,
Что Люцифер из пекла убежит.

Д жу з е п п е

Так вот, пришли. Привратника за горло,
Ключ из-за пояса — и в храм. Там под

престоле

Тайник нашли. А лезть туда бояться.
Но я полез. А черт, видать, заметил,
Что я полез, — и за мои заклатья
Люк камнем и прикрыл...
Я и туда, я и сюда — не выйти.
Лир — сколько хочешь,
Чаш златых — до черта.
А золото! А камни-самоцветы!
И хоть бы лом какой иль даже кол!
Оконце сбоку: голова пролезет,
А плечи — нет. Я камень-то трухлявый
Давай зубами грызть! Вот этот зуб сломал,
А выгрыз дырку, вылез...

Д ж а к о б е

Мне говорили, что тебе тот зуб
Однажды кочергою сломала баба,
Когда ты пьяный к ней полез.

Д жу з е п п е

Да то другой, а этот сам сломал.

(Джакобе только тут заметил, что Джузеппе держит только
косточку: мясо обгрыз.)

Д ж а к о б е

А жареное съел ты все же, гад!

Д жу з е п п е

(притворяясь удивленным)

Съел?

Прости, браток, я даже не заметил.

Д ж а к о б е

Ах, так ты? Значит догрызай и кость!

Д ж у з е п п е

Как? Кость? Она же твердая...

Д ж а к о б е

Грызи!

Ведь камень грыз? Скажу вот Леонардо.

Д ж у з е п п е

А я ему скажу, что пошутил.

Д ж а к о б е

Шутить он тоже мастер: вот прикажет
Тебя на вертел вздеть да и поджарить.

(Слышен звук трубы.)

Вот Леонардо. Легок на помине.

Ты слышишь крики? Это едет свадьба.

Везет невесту цезарь, взятую в бою.

Вот будет пир, что и горам не снился,

Когда их бог лепил. Вина, синьор обжора!

Где розы? Розы где? Труби ответно в рог!

(Хаотичная подготовка встречи. На поднос ставятся два рога
с вином, обвитые розами, кладется хлеб, наливается вино. Джу-
зеппе хватается за трубу. Из-за скалы выходят «браво», воору-
женные, запыленные. Многие перевязаны окровавленным тряпьем.
Они несут на носилках еле живых Леонардо и Джульетту.)

П а о л о

Молчи, сын ведьмы! Видишь, помирают...

Несите в тень. Носилки ставьте рядом.

Пусть души их, хотя бы на том свете,

Брак заключат перед престолом божьим.

Д ж у з е п п е

Что, что случилось?

Д ж а к о б е

Как же вы могли

Подставить под удары командора?

Паоло

Молчи, сын бочки! Крепко бились мы,
Но ведь Джульетту охраняла стража
В два раза нас сильней. Мы уложили всех.
Могли б схватить ее. Она ж в последний миг
Послала пулю в сердце командору —
И со скалы сама... Никак, сломала ногу...

Джузеппе

Зачем же вы сюда ее тащили?
На месте надо было б и прикончить.

Паоло

Так командор велел, покуда был в сознании.
(Леонардо застонал на носилках. Паоло подошел к нему.)
Вина, Джакобе!.. Тяжко, командор?
Вот, вышей!..

Леонардо

Где... Джульетта?

Паоло

Здесь.

Леонардо

Врача!..

И все... все, что имею... дать ему,
Коль вылечит меня он и Джульетту!

Паоло

Я разослал повсюду молодых
Искать врача.

Леонардо

А коль не вылечит меня — его, ее
Живых со мной... в могилу. Дай вина!
(Слышен звук трубы, всё ближе и ближе.)

Паоло

Джакобе, отвечай! Быть может, доктор?
(Джакобе замешкался и получил пинок в зад.)
Скорей, сын бочки с тухлым пивом!

Труби почаще: пусть они в галоп
Летят сюда. Нам дорога минута.

Дж у л ь е т т а
(бредит)

Сюда, ко мне... моя охрана...

П а о л о
Молчите, синьорита. Не терзайтесь.
Не то ножом прикончу вас на месте!
Дай ей вина, Джузеппе!

(Джузеппе исполняет приказание.)

Дж у л ь е т т а
Где же я?

Дж у з е п п е
Не беспокойтесь. Вы на этом свете,
У Леонардо, цезаря и черта, как невеста.
А станете женой — вас ведьмой назовут,
Хотя, признаться, прозвище такое
Пристанет вам, как борову седло.

Дж у л ь е т т а
О пресвятая дева, помоги мне!

(Она снова лишается чувств. В это время разбойники тянут связанных веревками Георгия Скорину и Товия. Оба они измучены, одеты бедно, по-дорожному. За плечами у каждого котомка с книгами.)

Б р а в о
Вот, командор Паоло, чужеземец,
Идущий в Падую. Он, коль судить по ноше,
Имеет к медицине отношение.*

П а о л о
Вы, вижу, чужеземец, доктор?

Г е о р г и й
Я человек, кому связали руки,
Язык заткнули...

Паоло

(замахнувшись саблей)

Отвечай, не то...

Для командора дорога минута.

Он ранен... умирает.

Георгий

Коль хочешь, чтобы скорей шло дело,

Не голову мне рассеки — веревки,

Которыми я связан...

Паоло

Развязать!

(Георгия развязывают.)

Вы доктор?

Георгий

Бакалавр.⁵⁵ Однако понимаю

Я в лекарских делах.

Паоло

Вот командор наш. Вот его невеста.

Спасите жизнь им, — отпущу на волю.

Награду же вы изберете сами.

Георгий

А коль не вылечу?

Паоло

Тогда, простите,

Живого похороним вместе с ними.

Георгий

И как давно он ранен?

Паоло

Час, не больше.

Георгий

Она?

Паоло

Тогда ж, как ранила его.

Георгий

И моего слугу вы развяжите!

Паоло

Не развязать — повесить прикажу,
Коль будешь ты тянуть.

Георгий

Приказ мой выполнять!
Иначе я не шевельну и пальцем,
И сам за жизнь его тогда ты отвечай!

Паоло

Развязывайте и его. Скорей, воробы!

Георгий

Ланцеты, Товий! Кипяток тут есть?
Настой — остановить кровотечение!
А раненых — в шатер. Всех лишних — вон!
И полотенце чистое мне. Живо!

(Его приказания мгновенно выполняются. Разбойники и Паоло выходят на цыпочках из шатра. Видна только спина Георгия и его быстрые движения.)

Джузеппе

Вот это доктор! Заскакали наши,
Как только он смычком повел.

Джакобе

А может, он колдун? Свят, свят...

Джузеппе

Да не крестись ты, дурень, коли кум
Он дьяволу — тем лучше. Леонардо
Воскреснет сразу. Если ты боишься,
Читай свое заклятье — но не вслух.

(Она прячутся за скалой. Через некоторое время Георгий выходит из шатра, вытирая окровавленные руки.)

Георгий

Эй, Товий, где же ты?
(Товий выходит из шатра.)

Товий

Я здесь, синьор.

Георгий

Он вряд ли выживет, хоть и силен
Разбойник этот, как медведь нагорный...
Я выручу тебя. Ты в Падую спеши
И жди меня. А коль меня не будет,
Дойди до Вильны — через год иль два,
Отдай вот этот перстень Маргарите,
И все.

Товий

Я не покину вас, Георгий.

Георгий

Не рассуждать!

Товий

Тогда я в Падую. Найду людей,
Чтоб помогли вас выкупить из плена.

Георгий

Иди! Возьми рецепт — так, для отвода глаз.
Все записи мои и книги передай
Коллегии врачей на сохраненье.
Эй!

(Джакобе и Джузеппе выходят из-за скалы.)
Кто тут старший?

Джакобе и Джузеппе
(вместе)

Командор! Паоло!
(Является Паоло.)

Георгий .

Я в Падую помощника пошлю
За нужным мне лекарством. Прикажи
К дороге вывести его и дай пароль,
Чтоб с ним он мог сюда вернуться. Живо!

Паоло

Мы «браво», мы разбойники, синьор,

О лагере не должен знать никто
Из тех, кто нам и вовсе не известен.

Георгий

Никчемным, значит, был ваш командор,
Не научил вас слушаться приказов.
Пока осматриваю синьориту,
Слуга мой должен быть уже далеко!

Паоло

Джузеппе, завяжи слуге глаза
И к падуанской выведи дороге
Тропой на север: там ты будешь ждать,
Пока с лекарством к нам он не вернется.

Джузеппе

Кто? Я? Ну нет. Зарежьте — не пойду!

Паоло

Но почему?

Джузеппе

В сторонку отойдем.
Иль ты не видишь? Это же сам дьявол!
Наш Леонардо продал душу аду,
И только ранили его в бою,
Как черт уж тут как тут.

Паоло

Зачем же он лечить его принялся?

Джузеппе

Как знать, быть может, срок еще не вышел.

Паоло

А ты слугу заставь перекреститься...

Джузеппе

Он именем и обликом еврей,
И придан вид ему такой недаром.
Креста ведь он не носит. Не пойду!

Пошли Джакобе. Заговор он знает
Такой, что всем чертям не по нутру.

Паоло

Джакобе!

(Джакобе нарочно отошел при начале разговора о проводах
Товия.)

Паоло

Веди слугу синьора!

Джакобе

Как? Мне вести его? Помилуй бог!
Ведь он не доктор... Он — колдун.

Джузеппе

Ты знаешь заклинанье.

Джакобе

Мало ль что!

Паоло

Ну, шевелись! Не то, коли велю,
Сам к черту ты полезешь на рога.

(Пинками подгоняет Джакобе. Джузеппе давится от смеха.)

Иди, слуга синьора, с ним. Я сам
Вас провожу до первого поста,
Чтоб видеть, как глаза тебе завяжут.

(Джакобе, Товий и Паоло уходят.)

Джузеппе

Эх ты, дурак, свинячий хвост, попался,
Как черепаха в суп! Отметим мелом день,
Когда Джакобе чертом втащен в пекло,
Чтоб выпить за душу его на сорочины!

(Выводит мелом на скале римскую цифру I. Свет гаснет и вспыхивает. Зритель видит, как Джузеппе переправляет I на X, потом на XX, а затем на XL. Свет снова гаснет и вспыхивает. На сцене Георгий и Джульетта.)

Джульетта

Скажите мне, Франческо, хороша ли
Отчизна ваша?

Г е о р г и й

Земля отцов моих сурова, но прекрасна.
В ней океан лесов, и даже герцогини
Так не оденутся, как наши чащи —
То в молодую зелень вешних дней,
То в бархат золотистый дней осенних,
То в пухлый снег в сверкающих брильянтах
Морозной ночи — тихой, лунной, звонкой.

Д ж у л ь е т т а

Вы очень любите свой край родимый?

Г е о р г и й

Как не любить его! Известно, звери, птицы,
И те ведь любят место, где живут.
Вот аист... Каждый год летит
Он от зимы суровой к теплым странам,
Там солнце круглый год, еды там вдоволь,
И все ж, когда в родных краях весна,
За много тысяч миль он прилетит туда,
Чтобы в гнезде своем с любимой аистихой
За лето вывести детей
На том зеленом стародавнем дубе,
Где, может, прадеды его в гнездо когда-то
Вплетали первый прут.

Д ж у л ь е т т а

И вас, как аиста, все тянет в Белорусь?

Г е о р г и й

Завидую я аистам. Когда б мне крылья,
Туда бы каждый год летал я. Будут люди
Крылатыми когда-нибудь, я верю.

Д ж у л ь е т т а

Как? Крылья вырастут, иль спят их из воска,
Как некогда Икар? ⁵⁶

Г е о р г и й

Нет, крылья не растут...
Я не напрасно месяц здесь провел —
Трудился больше, чем любой ученый.

Джульетта

Как понимать вас, доктор?

Георгий

Я изучал строение человека,
И каждый мускул мог держать в руках,
Сравнить его мог с мускулами птиц,
Зверей различных. Я узнал
То, что могло б ученого любого
На Западе обречь огню семи костров.

Джульетта

Вы пользовались трупами?

Георгий

Но честно

Их хоронил потом, прочтя молитвы,
Которые предписаны их верой.

Джульетта

И не было вам страшно?

Георгий

Потом мне стало страшно, как увидел,
Что церковь душит знания, что грехом
Зовет не то, что в самом деле грех.
Греховное, звериное, свое
Нам выдает она за чистое, святое...

Джульетта

Отец мой, вице-приор Медицинской
Коллегии, обычно говорил
Своим друзьям, как вы сейчас, Франческо.
Ох, бедный мой отец! Зачем я умолчала
О письмах и признаниях Леонардо?
Он не пустил бы за город меня, к подруге...
Вы говорили с Леонардо?

Георгий

Да.

Джульетта

И что же?

Георгий

Сломить его пока не удалось мне.

Джульетта

А может быть, удастся?

Георгий

Неизвестно.

Душа его в смятении. Нынче так
Он думает, а завтра по-другому.
Сперва за излечение обещал
Отдать мне все, что только пожелаю.
А после в плен забрал и просит выкуп.
Что завтра скажет, богу лишь известно.

Джульетта

Он вас, я слышала, считает чародеем.
И страшно стало мне... А вдруг...

Георгий

Я — чародей? Нет, синьорита, нет, клянусь вам
богом.

Коль чародей я, мы давно бы с вами
Уж были в Падуе у вашего отца
И я в далекой Вильне была бы...

Джульетта

Кто ж в Вильне есть у вас? отец? или мать?

Георгий

Их нет уже на свете, синьорита.

Джульетта

А сестра есть у вас, есть братья в Вильне?

Георгий

Их нет там тоже. Брат уехал в Познань,
Племянник мой у немцев. Замуж сестры
Повышли и рассеялись по свету.

Джульетта

Тогда возлюбленная в Вильне ждет?

Георгий

Нет, и любимая не ждет меня...

Джульетта

Франческо мой, ужель из-за меня
Вас отпустить не хочет Леонардо?

Георгий

Да, синьорита. Я сказал ему
О том, что платою за избавленье
Его от верной смерти я возьму
Лишь то, что вас отпустит он на волю.
Он суеверен, и ему сдается,
Что, коль не выполнит моей он просьбы,
Хотя бы отпустил меня, то смерть
За ним на следующий день придет.

Джульетта

Франческо, долго так не будет.
Он сломит страх свой перед вами
После попойки доброй, и тогда
Меня принудит стать женой, а вас
Изжарит на костре, как чародея.
И лучше... бросить вам меня. Ведь я
Ведь я... люблю вас, мой Франческо.

Георгий

О, бедная Иола!
Покинуть вас беспомощной и слабой
В когтях у зверя, средь пещеры льва, —
Какой ценой я после бы купил
Хотя бы миг один покоя? Нет!
Иль вместе выйдем мы, иль вместе сгинем!

Джульетта

Вы любите меня, Франческо?

Георгий

Синьора, в дни былые у ливийцев,
Среди песков и диких скал пустыни,
Был храм Амону, богу тех песков.
Моя душа — пустыня. Храм Амона

Стоит в ней, раскаленный, как она.
Как капелькой росы тот жар умерить? . .
Я слышу звук трубы. Вернулся Леонардо.
Ложитесь же скорей. Болезнь для вас —
Единственная верная защита.

Провожает ее в шатер. Джузеппе отвечает на зов трубы. Через некоторое время входит Леонардо и устало опускается на камень.)

Леонардо
Что нового, Джузеппе?

Джузеппе
Да ничего. На солнце здесь синьора грелась,
Беседуя о чем-то со врачом.

Леонардо
Сама пришла?

Джузеппе
Нет, он ее привел и вновь увел.

Леонардо
Иди!

(Тот пошел.)
Как мало сил еще во мне:
Прошел полмили и устал. Эй, доктор!

Георгий
(выходит из шатра)
Что нужно командору?

Леонардо
Что, скоро полегчает синьорите?

Георгий
Хотите правду знать?

Леонардо
Да.

Георгий
Никогда!

Леонардо

А почему, бродяга-шарлатан?

Георгий

Который спас тебя от верной смерти...

Леонардо

Простите, доктор. Все же почему?

Георгий

Вот почему: пока душа есть в теле,
Лечить нам нужно тело через душу.
Ее ж душа болит сильнее, чем тело.
Послушайте, я вам добра желаю.
Вы нравитесь мне дикою отвагой
И мукою любви неразделенной.
Я сам любил...
Не вашей южною любовью краткой,
Что, к небу взвившись, тотчас угасает,
А нашей северною, яркой, как пожар,
Что средь снегов бушует...
И я сгубил любимую... Она
Женой другого стала.

Леонардо

Кто первым был убит тобой — она или он?

Георгий

Его я б мог убить. Ее же я
Благословил — любовь моя безмерна.
Любовь такая усмиряет сердце.

Леонардо

Мне душу отравили богачи.
Отец погиб в тюрьме. Моя сестра
Бесчестию подверглась. Сам же я
Едва мог вырваться. И вот я мщу.

Георгий

Мсти, но совсем не так!
Верней и с большим наслаждением мсти!

Леонардо

Как? Научи!

Георгий

Под стяг отмищения зови крестьян,
Зови ремесленников падуанских,
Зови Италию, что богачи на клочья
Порвали и продали чужеземцам.
А это ведь земля, прекраснейшая в мире!
И родина твоя. В ней только бы и жить!
Народ свободы ждет. С его душой, с мечтою
Слей душу ты свою. Лишь в этом счастье!

Леонардо

Я думал сам об этом... Если б мне
Подругой верною была Джульетта...

Георгий

Джульетты душу не возьмешь насильно.
А тело без души — мертвец. Возьми ее
Величием души: пусти ее на волю.
Верни ее отцу. И, может быть, тогда
Ты сердце девушки тем тронешь.

Леонардо

А если нет?

Георгий

Возьми ее геройством — не разбоем.
А нет — то с именем ее умри,
И счастьем сердце ты свое наполнишь,
Оно переживет тебя, и в памяти народа
Навек сольются ваши имена.

Леонардо

Ах, доктор, у меня кипит душа.
Болея, я о многом думал, доктор,
Покуда жизнь моя на волоске висела...
Без нужды кровь чужую лить зарекся
И обещал себе быть добрым, чутким...
А после... с прежней грубостью свернул
На старую дорогу, к той же злобе.

Душа не шла, и всё терзалась, доктор!
Ты легким бризом на душу повеял,
И волны, успокоенные, никнут...
Иди! Возьми с собой Джульетту...
Возьми и золота сколько захочешь...

Георгий

Богатства не хочу. Все золото отдай
На дело новое, заставь служить добру.
На нем людская кровь. Пусть слезы
Утешенных сирот и вдов над этим хлебом,
Который ты им дал, с богатства,
С души твоей людскую кровь омоют.
Я позову Джульетту. Все скажи ей сам!

Джульетта

(выходя из шатра)

Я все услышала. Пришла сказать спасибо.
Во мне нет ненависти, но любовь
Еще не проросла. Растет пока что жалость,
Сочувствие — как тихий, теплый вечер.
Дай бог тебе покой душевный, Леонардо.

Леонардо

Идите доктор, и скорей. Боюсь,
Чтоб тени ада не подняли тины
Со дна души. Джузеппе, дай коней
Таких, чтоб, если б я и захотел,
Не мог бы их догнать. А мне — вина!
(Бросается в шатер.)

Джузеппе

Они оседланы уже. И наготове
Ждут, Леонардо!

Джульетта

Ну, бежим, Франческо!
(Быстро уходят.)

Джузеппе

Ну как не дьявол! Обошел всех нас.
А Леонардо — молодец, ей-богу,

Хоть, может быть, и черт! Жаль, даром сгинул
Джакобе наш. А может, ад отпустит?
(Появляется Джакобе. Джузеппе отшатывается от него.)
Чур, чур меня! Эй, Леонардо! Черти!

ЗАНАВЕС

КАРТИНА ТРЕТЬЯ⁵⁷

1512 год, пятница, 5 ноября. Храм святого Урбана в Падуе. Высокие колонны с чудесной росписью. Мраморные статуи святых в золоте и цветах. Предалтарное возвышение. Перед ним — скамейки и табуретки для тех, кто приходит молиться. Но сегодня обычный день, в храме только одна согнутая горем фигура вице-приора Медицинской коллегии университета доктора Фаддея Мусатти. Немного погодя появляются еще два доктора — Первый и Второй ученые — с книгами в руках.

Ф. Мусатти

Дитя мое, дитя мое, Джульетта!
Когда б мне знать, где косточки твои,
Когда б над ними хоть могильный холмик
Я мог насыпать...

Первый ученый

Salus et pax animae tuae, honorabile doctor! *

Второй ученый

Привет и мир душе твоей, почтенный вице-приор!
Пришли с коллегой мы делить твою печаль,
Беседой дружеской смирить, утишить боль.

Ф. Мусатти

Привет, славнейшие коллеги. Благодарен
На добром слове вам. Оно, как солнце, греет.

Первый ученый

Всего важнее чистота науки...
Пришли мы к вам, преславный вице-приор,
Затем, что прочитали мы те книги,

* Привет и мир душе твоей, почтенный доктор! (лат.)

Которые вам дал на сохраненье
Какой-то иудей... И волосы мои
Поднялись дыбом...

(А он лыс, как колено.)

Это ж ересь!

Ф. Мусатти

А в чем же ересь там, славнейший
из славнейших?

До вас их десять докторов
Коллегии священной прочитали,
И все пришли ко мне, восхищены
И разумом, и логикой, и силой,
Какой владеет неизвестный автор.

Первый ученый

Все это так, однако в том и ересь,
Что в этих книгах никакой нет ссылки
На кардиналов, пап, святых отцов.
Болезни объясняются причиной,
А не карающей десницей божьей...
Книг еретических таких держать
Нельзя в святой библиотеке нашей.

Второй ученый

Я возвращаю полностью и предлагаю
Собрать Коллегию священную, чтоб сразу
Все обсудить...

Ф. Мусатти

Так сообщите сразу же. Пред этим
Коллеге славному назначьте оппонентов.
Предупредите их. А я пока
Еще раз к богу вознесу молитву...

Второй ученый

Известий нет еще о дочке вашей?

Ф. Мусатти

Нет никаких, о, горе мне!

(Ученые почмокали губами и отошли. Мусатти тоже вышел в соседний придел. Вбегают Джульетта и Георгий. Джульетта в изнеможении падает на скамью.)

Джульетта

Ох, сердце выскочить готово! Отдохнем.
Как мы бежали!.. Мне не отдышаться.

Георгий

Мне тоже... Хотя опасность миновала
Еще за городом. Ну, отдыхайте!

Джульетта

Убил бы нас он, если бы догнал?

Георгий

О, разумеется, убил бы.

Джульетта

Вы избавитель мой — и дважды, трижды...
Чем отплатить могу я вам, Франческо?

Георгий

Пристанище мне дать дня на два, на три,
Пока держать экзамен буду я
На доктора. В кармане нет ни лиры.
Очистили разбойники кошель мой
При первой встрече с ними.

Джульетта

Дать вам приют — обязанность моя.
Вы сколько думаете тут пробыть?

Георгий

Дня три. А коли нужно — больше.
Я подыщу себе работу и жилье.

Джульетта

Я не про то. О боже, никуда
Я не пушу вас, и отец не пустит.
Знать о другом хочу. Оставайтесь, друг
Франческо,
У нас вы навсегда, с дипломом вашим
Работы хватит в Падуе для вас.
Учены наши доктора, но вы...
Вас в члены выберут Коллегии священной,

Греметь по свету будет ваша слава,
К вам станут приходить ученики
Со всей Европы...

Георгий

Нет!

Лишь выдержу на доктора экзамен,
Пешком, немедля, в Белорусь пойду.
Там мой народ бороться стал за волю,
И с ним я должен быть.

Джульетта

Франческо, даже и тогда,
Когда страдает близкое вам сердце?

Георгий

Да, даже и тогда, Джульетта...

Джульетта

Но вы потом вернетесь? Буду ждать
Я вас и год... и два... и десять!

(На каждый указанный ею срок Георгий отрицательно качает головой.)

Джульетта

Суров ваш край, и грозен... и далек...
Поймите же, Франческо, вас люблю я...
Готова с вами я идти в снега
Далекой вашей Белоруси...

Георгий

О нет, Джульетта. Вы должны понять,
Что сердце у меня одно, такое,
Какому суждено любить лишь раз.

Джульетта

Об этом вы сказали Леонардо...
Но это уж не может стать преградой...
Она ведь замужем...

Георгий

И я люблю ее...

Чем больше времени прошло с разлуки,

Чем дальше отходил я от ее порога,
Тем больше и росла моя любовь.

(Входит Фадей Мусатти. Джульетта бросается к нему.)

Джульетта
Отец! Отец мой!

Ф. Мусатти
О Джульетта!
Дитя мое, ужели это ты?
Я слышу голос твой, и волосы твои
Под пальцами своими ощущаю.
Я вижу взор твой, о дитя мое...

Джульетта
Отец! Отец!

Ф. Мусатти
Не думал я тебя живой увидеть.
Я знал, что от разбойников в обрыв
Ты кинулась. Я поиски наладил.
Облазил пропасть сам: нигде и ничего.
Где ж ангел тот, что вырвал
Тебя из лап разбойников и смерти?

Джульетта
Вот избавитель мой... и мой убийца.

Ф. Мусатти
Убийца?

Джульетта
Да. Ведь я его люблю!
А он меня не любит. Есть другая.
Остаться здесь не хочет. Уезжает
В далекую... проклятую... свою
Засыпанную снегом Белорусь.

Ф. Мусатти
Как, в Белорусь?

Георгий

Я доктор всех семи искусств,
Сын Скóрины из Полоцка, Францишек.

Ф. Мусатти

Постойте! Ваши записи и книги
У нас. Вы — русский, доктор медицины?

Георгий

Нет, я еще не доктор. Я пришел просить
Высокой чести — здесь держать экзамен
У докторов Коллегии священной.
А книги Товий вынул. Где Товий?

Ф. Мусатти

Слуга ваш, книги сдав, исчез,
Куда — не знаем. Домине Францишек,
Мой дом и я — всё к вашим здесь услугам.
Обнять вас дайте. Честью я считаю
И счастьем вас принять, как сына,
в доме.

Уверен, что Коллегия присудит
Вам степень доктора хотя б сегодня.
Нас поразили разум ваш и знанья,
Что обнаружили вы в ваших книгах.

Джульетта

Отец, он завтра нас покинуть хочет...
Не мучь мне сердце. Задержи его.
Пусть поживет у нас, пусть он узнает...

Георгий

Что вы красивее Роксаны,⁵⁸ что Психеи чары⁵⁹
Вам матерью даны? И я признать
Готов всем сердцем это, синьорита.
Когда б я мог любить, то только вас
Любил бы я...

Джульетта

Никчемные признанья!
Зачем они теперь душе моей?

Что лести фимиам? Вы, вы, Франческо,
Одни нужны душе моей и сердцу.
Франческо, я вас не пушу!

Ф. Мусатти

Джульетта, успокойся. Тут же храм!

Джульетта

Что храм мне! Вот, отец, мой храм!
И он уже готов исчезнуть...

Ф. Мусатти

Джульетта, успокойся. Вижу я —
Собирается Коллегии конвентум.

Георгий

Синьор Фадей Мусатти, не имею
Чем заплатить. И я прошу экзамен
Мне милостью господней учинить.

(Входят доктора, члены Медицинской коллегии, с книгами
Скорины.)

Ученые

Привет вам, доктор, первый между нами.
Бог дочку вам вернул. Привет, Джульетта.
Мы поздравляем вас с великим счастьем.

Ф. Мусатти

Спасибо! Послана мне небом радость.

Первый ученый

И горе, вице-приор. Первый среди первых,
Наш приор у Сицилии корсарам
Попался в плен. Вот вам его письмо.
Для выкупа собрать он просит деньги.

Ф. Мусатти

Все, что у нас есть с дочкой, отдаю
На это дело я.

Ученые

И мы собрали тоже,
Но все ж нам не хватило нужной суммы.

Второй ученый

Выношу я предложение — отменить
Бесплатные благодеянья наши,
Экзамен в том числе, и увеличить плату
За все услуги докторов, чтобы скорей
Собрать нам нужный выкуп.

Ф. Мусатти

Я одобряю. Запишите в книгу,
Как секретарь Коллегии, решение.
В заклад мы запись отдадим банкиру
И выкупим тем приора. Аминь.
Я рад, славнейшие, что вы все в сборе,
Что книги доктора семи искусств свободных,
Францишка Скорины, у вас в руках. Садитесь.
Открытым объявляю божьей волей
Совет коллегии я Медицинской.
Пред вами сам Францишек Скорина.
За много тысяч миль пришел из Белоруси
Он к нам в Италию, чтобы прославить
Коллегию священную и вас,
Славнейшие меж славных докторов.
И просит он, вот этот бедный,
Но просвещенный юноша и доктор
Семи искусств свободных, чтоб ему
Дать степень доктора от медицины.
Еще он просит, чтоб не брали платы
Мы за экзамен и диплом. В дороге
Он зло разбойниками был ограблен.
Теперь послушаем, что скажет он.

Георгий

Прославленные светочи науки!
Далек отсюда мой родимый Полоцк
И Белорусь моя, что на скрещеньи
Великих рек, ее связавших
С Востоком, Западом и Югом.
По рекам тем великим, по морям

Плыла когда-то слава наших дедов.
Их медные щиты слепили очи
В осаду взятого Царьграда. Их мечи
Разили орды дикие Батыя,
Об их кольчуги волчьи зубы
Давно уж крестоносцы поломали.
Но не захватов, не ярма чужим народам
Народ хотел мой. Был он тихим, мирным.
Он Родину любил, и за нее
Вставал он грудью, а ему
С Востока братья помогали.
Так вот, когда они в борьбе с Ордою
Все напрягали силы, враг иной —
Где дерзостью, где ложью — полонил
Мою родную землю... Но
Когда я это говорю, я знаю,
Что вся моя земля —
От Полоцка до Припяти лесной,
От Немана и до Днепра —
Горит огнем восстанья.⁶⁰
Все есть в руках, в душе народа:
Есть сила,
Способная стереть и сдвинуть горы,
Упорство есть, что и волю не знают,
Терпенье есть, какому на кресте
Мог позавидовать бы сам Исус.
И только одного
Враги его лишили — просвещения.
За ним я и пришел.
Я знаю, бог один над нами, и одно
Есть проявление его в природе нашей —
разум.

И разум тот — вне веры, вне границ,
Вне часа смертного, и разделенья
Не знает он на страны и народы.
Он единит людей. И я с открытым сердцем,
С надеждою пришел к вам издаля,
Чтобы зажечь и свой светильник
От ваших алтарей, чей пламень
Зажжен был в глубине веков
Великим Прометеем.⁶¹
Я мог чем заплатить,

Я сын купцов от прадедов и дедов,
Но,
Когда народ восстал, я отдал все ему,
Как мой отец, свое добро и жизнь.
Трудом собирал я плату. И собрал.
Но был разбойниками я ограблен.
Я мог бы золото вам принести, что мне
Давал их командор, когда б покинул
В несчастье человека. Я не мог.
Вот я пред вами. Разрешите мне
Просить вас, славные из славных,
Дать степень доктора от медицины
Единственно по милосердию божью!

Ф. Мусатти

Кто хочет что сказать, пусть встанет,
скажет.

Первый ученый

Противоречье первое с постановлением,
Что было нами принято. Другое:
Магистр Францишек разум человека
Поставил вровень с богом. Между тем
Известно, что наш разум ограничен.

Ф. Мусатти

Что скажете в ответ, магистр Францишек?

Георгий

Я все сказал для тех, кто уважает разум.
Тем, кто не уважает, что сказать?
Бог человеку дал таланты и среди них
Бесценнейший и лучший — разум.
Ни одному из тех талантов
Границ он не отвел.
Зачем бы ограничивал он разум?
На это бог дал волю:
Иль развивай, иль закопай его.
А тот, кто закопал, тот не имеет права
Считать себя пророком,
Советовать всем поступать, как он.

Ф. Мусатти
Dictum sapienti satis est.*
Прошу, коллега, дальше.

Первый ученый
Не вижу также в записях магистра
Я ссылок на святых отцов, истолкованья ими
Причин явлений... ну, хотя б болезней.

Георгий
Как славный оппонент назвал бы человека,
Что на верблюда вместо разной клади
В пути бы погрузил одну лишь воду,
Какой вокруг довольно и в колодцах?

Первый ученый
Глупцом, без всякого сомнения.

Георгий
Так почему же вы, славнейший доктор,
Сочли глупцом меня? Я на верблюда
То погрузил, что мне казалось нужным.
Вода ведь есть в любом колодце-книге, —
Написано их много до меня.

Первый ученый
Тогда вот главное: пока я зорким оком
Сам не увижу, пальцами своими
Не трону опыты, что описал
В своих ученых книгах Скорина,
Докторизации его не подпишу.

Ф. Мусатти
А сколько времени вам надобно на это?

Первый ученый
Ну пять, ну десять лет — не больше.

Джульетта
Простите мне. Ведь коль молчать я буду,

* Для разумного человека сказанного довольно (лат.).

То камень сам возопиет.
У вас учиться, у седого старца,
Пять, десять лет тому, кто больше знает
Со дня рожденья!..

Ф. Мусатти

Замолчи, Джульетта!

Джульетта

Нет, не могу, отец! Когда врагу я пулю
Послала в сердце, он ее извлек,
Чтоб жизнь спасти мне, вылечил его.
Сломала ногу я, когда пришлось
Мне прыгать в пропасть, где от вас,
Пожалуй, и костей бы не осталось.
Он чудом вылечил ее. Взгляните!
Ощупайте-ка пальцами — у вас
Они могилой пахнут. О, Франческо!

Георгий

Напрасно, синьорита, вы обиду
Славнейшему средь славных нанесли.
С высокой башни он глядел когда-то
На свет, и не его вина, коль годы
Своею тяжестью ту башню придавили.

Первый ученый

Вот это доказательство и смело
И убежденно. Я даю согласие.

Ф. Мусатти

Решаем. Кто согласен допустить
Магистра Скорину Францишка
Без платы испытание держать
На докторскую степень в медицине,
Пусть голос свой положит в эту урну,
А тот, кто несогласен, — в эту;
Приступим же во славу Иисуса!

(Пока ученые, как патриархи, кладут свои жребии — причем Первый ученый, очевидно, путает правую руку с левой, — в храм входит

молодежь — подруги Джульетты и студенты. Девушки окружают Джульетту, но она едва отвечает на приветствия. Ее внимание поглощено происходящим.)

Подруги
Санта Мария! Как тебе мы рады!

Джульетта
Я тоже рада вам.

Подруги
Где ты была? Цела. Похорошела.
А слух был, что попала к Леонардо.

Джульетта
Попала... Выжила...

Подруги
Да ты не слушаешь. За кем следишь?
Кто этот молодой, красивый?

Джульетта
Русский.

Подруги
Он русский? И откуда?
(Входят прославленный венецианский печатник Альдине
и Товий.)

Альдине
Ты говоришь, что книги Скорины
На сохранение отдѣл Мусатти?
Что он возьмет их за тебя в заклад,
Пока пойдешь ты выкупить синьора?

Товий
Да, да, синьор! Вы можете поверить.

Альдине
Ну, вера верою, а полтора ста лир...
Народ здесь! Что тут происходит, клирик?

Клирик
(зажигая свечу)
Докторизация, синьор.

Альдине
А чья?

Клирик
Какого-то, я слышал, чужестранца.

Второй ученый
Как секретарь, я урны открываю
С отказами...
(Поворачивает урну. Она пустая.)

А эта с утверждением.
(Из нее вываливаются жребии.)

Впервые решено единогласно.
Факт необычен. В книгу запишу.
(Записывает.)

«Допущен к испытанию на степень доктора наук
медицинских бесплатно по божьему соизволению, едино-
гласным решением всех докторов, пан Францишек, сын
Лукаша, недавно скончавшегося, из города Полоцка, рус-
ский».

Товий
Синьор Францишек, вы? А я достал вам выкуп.

Георгий
Тебе ненужен он?

Товий
Нет. Вот, возьмите!

Георгий
Панове доктора! Я полностью могу
Докторизацию свою вам оплатить.

Второй ученый
О нет! Записано уж в книгу. Амен!

Георгий

Тогда... На выкуп приора возьмите
От Товия и от меня, панове!

Ф. Мусатти

Поступком этим ты нам доказал
Великодушие свое и щедрость,
Что рядом с разумом идут. Я предлагаю
Начать без промедления экзамен.

Второй ученый

Мы доктора творенье изучали
Не меньше месяца, и я скажу,
Что ум его и знания — беспримерны.
В обычном лабиринте заблуждений
Он путь ведет по нити Ариадны,⁶²
Вздывается на крыльях, как Дедал.⁶³
Я сам готов учиться у него и предлагаю
Считать достаточным зачетом эти книги
И степень доктора от медицины присудить.

Ученые

Мы шли на диспут с мыслями, что он,
Неведомый нам доктор, обладает
Полезным знанием. За честь почтем
Принять его к себе мы, как собрата.

Ф. Мусатти

Итак, решаю я.
Приветствую Францишка Скорину
Как равного меж равных, меж славнейших,
Как доктора науки медицинской,
А также и семи искусств свободных
И облакаю мантией его...
Как льются шелковые складки с плеч,
Так пусть и свет науки ниспадает
Со светлых дум его и доброты души.
Земле, его вспоившей и вскормившей,
Среди других земель да будет слава!
Народу, давшему такого сына,

Среди других племен да будет слава!
И разуму его и твердой воле — слава!

(Ученые приветствуют Георгия. Зажигаются свечи. Раздается колокольный звон. Заиграл орган на хорах. Молодежь забрасывает Георгия цветами. Возгласы: «Viva! Viva!» *)

Голос Джульетты
Viva, Франческо!

ЗАНАВЕС

Минск—Несвиж. 1945 г.

* Да здравствует! (итал.)

Родовъ
иъщепъ

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Георгий Скорина — доктор медицинских наук.
Товий — его помощник.
Якуб Бабич — старшина Виленского магистрата.
Юрий Адверник — член того же магистрата.
Маргарита — его жена.
Дорота — ее мать.
Богдан Оньков — член магистрата.
Сторож магистрата — бывший скоморох.
Степан — тоже бывший скоморох, его приятель.
Отец Матвей — легат православной епископии.
Отец Симон — его помощник.
Иогани фон Шпицер — легат католической епископии.
Мардохай — подручный Адверника.
Виленские советники — православные и католики.

Вильна, 1514 год. Зала заседания магистрата. Подпираемые колоннами тяжелые каменные своды и стены расписаны народными орнаментами и гербами городов, с которыми Вильна ведет торговлю. В глубине сцены посредине — невысокое возвышение. На нем столы бургомистра и писца — массивные, дубовые, с вырезанными ножками, и такие же кресла с узорчатыми спинками. На столе бургомистра — фолианты торговых записей, резные ступки с пучками гусиных перьев, украшенные узорами шкатулки, где, может быть, лежат печати, песок для присыпки написанного, чернильницы. Тут же — песочные часы. Над столом — герб города

Вильны, вырезанный на дубовой доске, и по его бокам два киота, православный и католический, потому что члены Виленского магистрата выбирались в равном количестве от православных и католиков. Ближе к авансцене — ряды скамеек, места членов магистрата.

Раннее утро пробивается солнечными лучами через многоцветные стекла стрельчатых окон. За столом бургомистра в креслах спят два не бог весть как одетых человека. Их ноги — одна пара босая, другая в липовых лаптях — удобно разместились на столе среди торговых записей и других предметов. На вырезной спинке кресла, в котором обычно сидит писец, висят лапти, на столе — кадушечка для пива, ковш и остатки от закуски. Очевидно, эти люди, прежде чем заснуть, хорошо выпили и подкрепились. Это бывшие скомо-рохи. Сейчас один из них — сторож магистрата, а другой — его гость Степан. Сторож, тот, что в лаптях, наконец просыпается, потягивается, протирает глаза.

Сторож

Чтоб ты сгорела, с магистратом вместе!
Ну и заснули — что пшеницу сбыли!..
Светло уж, как на ксендзовой макушке,
И скоро может бургомистр прийти.
Степан, проснись — не то распухнешь —
И помоги снять лапти со стола, —
За ним паны всей Вильной правят.

(Степан бормочет что-то, дергает босыми ногами, но не просыпается.)

Не хочешь? Ну так сам сниму.
Хоть я и сторож главный магистрата,
Но от работы не отвык еще.

(Берется рукой за носок лаптя и переносит ногу с ним через стол, приговаривая)

Ты, левый лапоть, лезь сюда, под
стол,

Ты, правый лапоть...

(Останавливается, пристально смотрит на лапоть, покручивая ногой.)

Подожди!

Вот зрелище, ай-яй, не из приятных.
Мужицкий лапоть на столе столицы
Разлегся, как купец степенный.
Пусть покрасуется еще минутку!

(Неожиданно меняет тон, громко кричит.)

Степан! Пожар! Спасайся!

Степан

(вскочил)

Пожар? Где? Что горит?

Сторож

(запевает)

«На горе светлело, светлело,
Комарова хата горела, горела.
Ой, погорело добра немало:
Из паутины платка не стало,
Дубовая чашка меду сгорела,
Мушинная латка мяса истлела».

Степан

(успокоился и начал обуваться)

Чтоб ты и сам сотлел — такой горячий, —
Ишь, бог какою наделил удачей.
Без скоморошества не ступит шагу.
Вот напугал...

Сторож

А что ж нам делать, если не смеяться?
За смех нам, скоморохам, платят,
А слез, брат, у людей своих хватает.
Да с этих слез не разживешься.

Степан

Вижу,

С купцами стал водиться ты, и сам
Купцом задумал стать...

Сторож

Ну, где там!

У мельника потрешься — сам в муке.
Вот так и я: возле купцов потрусь —
Глядишь — и мне кой-что перепадет:
То зуботычина, то плюха, то пинок
В то место, где бог вырастил нам ноги.

Степан

Ну, а порой и чарка в зубы...

Сторож

Ну да, и чарка — хоть не очень часто.
Не так, как в годы давние, в походах
С Михайлом Глинским! Вот тогда
И попили же мы! Как вспомнишь —
Слюна пойдет...

Степан

Так, говоришь ты, пили?
Поход-то и пропили...

Сторож

Как, пропили?
Ну, а Смоленск? А Северские земли?
Кто из-под ляха вырвал их? Постой,
Дошли тут вести к нам, что у Днепра
Московские восстали воеводы,
Что Глинский с ними вновь.

Степан

Не тешь себя напрасной думой, братец!
Царь вывел войско — счета нет ему,
Да воеводы царские, как раки,
Порасползлись сейчас же кто куда,
Забыв, что царь гладил против шерсти.
И Глинский твой, пока не знал, не ведал
Порядков царских, был как человек,
С Литвой и с Польшей бился дерзновенно,
Смоленск вам взять помог.
А после видит, что Москва — держава,
Что не бояре правят там, а царь,
И завилял хвостом перед панами.

Сторож

А ты откуда знаешь?

Степан

Мне раненый боярский сын сказал,
Что, от царя бежав, переметнулся
Твой Глинский к Сигизмунду-королю.

Сторож

Чтоб ноги он сломал! Ну как? Словили?
Повесили?

Степан

Словить словили, да царю досада,
Что голову такую снимут даром.
Уже ее себе поляки просят
И всю вину ему прощают.

Сторож

Не говори об этом тут; не надо
Народ неожиданной вестью волновать.
Ты от кого сюда прибрел, откуда?

Степан

Андрея-знахаря там, в Полоцке, ты помнишь?
Я от него.

Сторож

А где он?

Степан

У реки Бобер

Лечил он воинов московских зельем,
Был ранен сам и вот послал меня,
Чтоб отыскал я Скорину. Слышал такого?

Сторож

Ну как же! Здесь бывает он, и часто
За эти дни. Сегодня,
Наверно, тоже будет.

Степан

Я, значит, вовремя к тебе попал.
Да не узнал тебя, ты стал хромым.

Сторож

Со дней восстанья я, брат, захромал
И бросил скоморошество. Спасибо
Советникам, что взяли в сторожа.
Ну полно, братец, языком болтать.

Давай-ка приберем свинарник этот,
Что после нас остался — не дай бог,
Советники увидят и пан Бабич.
(Прибирают со стола и направляются к выходу.)
А сами мы пройдем ко мне в каморку,
Там где-то завалялся пива жбан.

(Поднимают засов с дверей и выходят. Через некоторое время входят Дарота и Маргарита. Обе женщины в черном, в накинутах на плечи полушубках. Дарота опирается на посох.)

Маргарита

Я ж говорила, мама, — слишком рано.

Дарота

Для тех, кто с делом шел сюда, тому
Не рано никогда. А вот для тех,
К кому есть дело, тем бывает рано.
А мне, чтоб завещать добро и дом
Тебе на этой вот бумаге,
Свидетелей совсем не надо.

Маргарита

Вам с этим не к чему спешить.

Дарота

У смерти ведь не спросишь, и она
Всегда зайти к нам может мимоходом.

Маргарита

Зачем же, мама, думать вам о смерти?

Дарота

Вот и беда, что человек о смерти
Не помышляет. Все ему сдается,
Что будет он и молод, и здоров.
И я не думала про смерть, про старость,
Где и куда я голову склоню...
Я думала, тебя отдавши замуж
За шляхтича Адверника, я буду
Пристанище на старости иметь,
Что на перине буду сладко спать,
А есть на золоте, на серебре...

Маргарита

Зря раны растравляете вы, мама,
Себе и мне...

Дарота

Казнить себя хочу за то я,
Что не послушала тебя
И жизнь тебе разбила...

Маргарита

Не нужно, мама. Толку нет в терзаннях:
Назад ведь не вернешь...

Дарота

Я это знаю.

Коль можно было бы вернуть, то грех
На душу я свою взяла бы, дочка.

(Наклоняясь к ней, шепотом)

Ну, ничего, терпи... Стар твой Адверник
И не кашей бессмертный он... так вот...

Маргарита

Мне Юрку смерть его не возвратит.

Дарота

Другой найдется. Потому хочу
Я передать тебе хоть то заране,
Чего не выманил еще Адверник,
Когда вокруг меня и моего достатка,
Как лис вокруг гусей, крутился он.
Гляди же, чтоб ни лестью, ни угрозой
Он ни клочка не вытянул из скарба —
Уж разве что себе на петлю...

Маргарита

Не вырвет, мама, даже и на петлю.

(Входит Адверник и останавливается в удивлении.)

Адверник

Вот уж не ждал, кого здесь встречу!

День добрый, теща.

(К жене)

Ты ж чего

Тайком от мужа, блудная овечка,
Едва заря, уж выскочила в люди?

Дарота

Она со мной, по моему велению.

Адверник

С веленьями ты опоздала, теща.
Приказы матери до свадьбы в силе.
А выйдет дочка замуж — муж глава.

Дарота

Но я ведь только ей добра хочу.

Адверник

Я знаю... Но досадно стало мне,
Что ты не попросила дозволения...
Зачем вы здесь, коли узнать мне можно?

Дарота

Да по своим делам.

Адверник

Напрасно, теща, от меня в подполье
Свои дела хотите вы запрятать.
Кто, как не я, помочь вам в состоянии
Своим советом добрым?
Вот и теперь... Вас встретил ненароком
И думаю, а что, коль мне
И тещу к доброму пристроить делу?

Дарота

К какому же?

Адверник

Да к золотой реке,
Которая, так через год,
Набить достатком может сундуки,
Да и не маленькие, теща!

Д а р о т а
Какое ж это дело, зять?

А д в е р н и к
Да книги!
Ты знаешь ведь, как мало книг на свете,
Какая в них потребность для ксендзов,
Для шляхты молодой, для школы.
Тут объявился этот... Скорина —
Георгий, а теперь Францишек — доктор.

Д а р о т а
Сын Скорины из Полоцка, который...

А д в е р н и к
Ну да, тот самый, что когда-то
За дочку сватался твою, о чем
Она и до сих пор забыть не может.

М а р г а р и т а
О боже мой!

А д в е р н и к
(восторженно)
Так вот я и хочу
Его в хомут запрячь свой поскорее.
Он магистрату Вильны предлагает
Устроить здесь печатню, словолитню,
Чтоб книги выбивать, а не писать,
Как делают монахи, от руки. Понятно?
Книг сотню, тысячу он за год отобьет,
А книга нужная — доход немалый!

М а р г а р и т а
А ты при чем?

А д в е р н и к
Разумный человек всегда ведь кстати,
И дело это я перехвачу.
Мне только нужен дом отдельный.
Ведь я злых псов готов с цепей спустить,
Коль он посмеет сунуться в ворота.

Дарота

С таким-то отношением едва ли
Он будет ревностно тебе служить.

Адверник

Да ради дела все равно ему,
Кому свое умение доверить.
Свой дом ему ты, теща, передай.
Тебя возьму я в долю.

Дарота

Где ж мне жить?

Адверник

Да у меня. Тебе всегда найдется
И хлеб и угол.

Дарота

Ну, благодарю.

Адверник

А нет — покой в дому гостином,
Где ты жила когда-то, тоже твой.

Дарота

А что, коли сама ему отдам я
Свой дом, Адверник?

Адверник

(смеется)

Нет уж, был конек,
Да весь изъездился. В делах не смыслишь.
Дом — четверть дела. Остальное — деньги.

Маргарита

И много?

Адверник

Много. Что ты можешь дать?

Лишь то, что соберешь ты у костела
С протянутой рукой? Не забывай,
Что ты жена моя навеки.

Заботы жизни — дело не твое.
Иди домой — там дети, там хозяйство.
И знай — вот перед матерью скажу —
За каждым шагом буду я твоим
Следить, как не следил еще досель.

Маргарита

Пойдем отсюда, мать.

Дарота

Постой... Минутку.

(Адвернику)

Ты думаешь, советники твои
Уж так глупы, что лакомый кусок
Без боя отдадут?

Адверник

(уверенно)

Его я вырву!

Не даст епископ без меня согласия,
Так мне сказал фон Шпилер, мой советник.

Дарота

Пойдем-ка, дочка!

Адверник

Как же с домом, теща?

Дарота

Подумаю, прикину, обмозгую.

(Собираются уходить, но входит сторож.)

Сторож

День добрый, пан Адверник. Мардохай
Просил сказать, что новости принес он.

Адверник

К помощнику Францишка, к иудею,
Я человека своего послал.

(В сторону)

Введи его

Налево, в комнатку. Стой, сам иду.

(К теще)

Подумайте же! Стоящее дело.

Сторож

(пропускает его в дверь)

Так... так...

Где пан Адверник — там барыш бесспорный...

(А когда тот скрывается за дверьми, добавляет)

Как там, где падаль, — волчий след.

(Выходит вслед за Адверником.)

Маргарита

(бросается к матери)

Ах, мама,

Я тут останусь, посмотреть хочу

Хотя б глазком одним. Хочу услышать

Хотя одно словечко...

Дарота

Замолчи:

Ты кличешь срам на голову свою.

Маргарита

Я б у дверей приткнулась в уголочке.

Взгляну и выйду, мать...

Дарота

Увидят люди — будет столько звону!

Маргарита

А что я людям? Я пришла по делу.

А мук души моей никто не знает.

Дарота

Муж знает. Что ты, ада хочешь в доме?

Маргарита

И так всегда там ад.

Дарота

Спокойней будь. Кто ведает, каким он

Сюда вернулся? Слышала — он доктор

И книгописец славный. На тебя,
Возможно, и взглянуть он не захочет,
Женился, может быть, давно...

Маргарита

(упавшим голосом)

Согласна я. Пойдем.

Дарота

Давно бы так. Я завтра разузнаю,
Спрошу людей, и, если что такое,
Сама найду вам час и место встречи...
Пусть будет грех тот на моей душе.

(Входит Товий.)

Товий

День добрый вам.

(Смотрит на Маргариту)

Простите...

Дарота

День добрый! Кто ты?

Товий

(Маргарите)

Простите! Будто видел я вас

где-то...

Вы пани Маргарита?

Маргарита

Вас не помню.

Товий

Я—Товий, я—слуга и друг
Францишка Скорины, славнейшего меж славных.
О, как бы пан мой рад был вас увидеть!

Маргарита

(тихо)

Меня он помнит?

Товий

Как верующий бога—каждый миг,

Маргарита

(так же)

И не клянет меня?

Товий

Благословляет!

Дарота

(перебивая)

Давно вы здесь?

Товий

Неделю.

Дарота

(строго)

Что же он...

Товий

Он не хотел покой ее тревожить,
Смирил он сердце. Так он мне сказал:
«Когда б я мог ее увидеть, Товий,
Из уст любимых вновь услышать: «Юрка», —
Все десять лет моих мучений адских
С души моей в единый миг слетели б!»

Маргарита

Молчите!.. Нет... ну что ж вы?

Продолжайте!

Товий

Что ни скажи я, будет все не то,
А он все скажет вам единым взглядом.
Где он увидит вас?

Маргарита

Увидит? Боже!

Дарота

Скажи Георгию, чтоб он зашел
Сегодня же к Дароте в дом, у рынка,
По делу, что касается печати,

И делу срочному. Запомнишь?

(К Маргарите)

Ну, пойдем,

А то сейчас воротится Адверник.

(Она чуть не силой выводит Маргариту. Товий стоит, ошеломленный.)

Товий

Как расцвела она за эти десять лет!
Какая грусть в очах! Мадонна Рафаэля!
Я сам, подхваченный волной неожиданной,
Готов за нею плыть. Прочь, наваждение, прочь!
Развейся по ветру. Нет, не хочу...
Глаза закрою — встанет в ярком свете
Ее души неведомое пламя,
Сияют очи, и слепят, и тянут...
Вот только подойди, рукой дотронься —
Тепло и шелк одежд сожгут тебя...

(Он закрыл глаза, протянул руку, сделал несколько шагов до дверей вслед за Маргаритой и... натывается на только что вошедших Адверника и Мардохая.)

Адверник

Колдуешь, иудей?

Товий

Нет, я молился.

Мардохай

Молился он, вельможный пан Адверник.
Обычай есть у нас: молиться богу,
Задумав дело доброе. Так, значит,
Удастся это дело нам, друг Товий?

Адверник

Согласен доктор нам свой опыт передать?

Товий

На то, чтобы была печатня в Вильне
И магистрат один владел бы ею
С самым Францишком, он согласен. Но...

Дадут ли два епископа согласие
На то, чтобы была она открыта?

Мардохай

А разве надобно еще согласие?

Товий

Ему, как доктору семи искусств свободных
И доктору всех лекарских наук,
На публикацию его трудов высоких
Не надо разрешения властей.
Но с ним трудиться вместе будут люди,
Что подлежат обычному закону,
Который...

Адверник

Не права нужны, а деньги.

Товий

На дело доброе кто их не даст?

Адверник

Не каждый может вынуть их из дела...

Товий

Сперва вам все же нужно разрешение.

Адверник

Я разрешения буду добиваться,
Когда мне доктор слово твердо даст,
Что вместе мы — хозяева печатни.

Товий

Зачем спешить с хозяином, когда
Еще мы не имеем разрешения?

Мардохай

И я скажу, вельможный пан Адверник:
Спешит пусть тот, кого нужда торопит.
Грош ведь не ищет дырки для себя
И за себя ходить не будет в сватах.
И пану доктору, ой, будет нужен грош

На помещение и на бумагу,
На краску, на свинец, на словолитню
Или еще на что-то. Вот тогда
Пусть обещает нам рэб Товий, что
подскажет
Сам доктору, где деньги разыскать.

Товий

Рэб Мардохай, я доктору слуга
И, как слуга, имею полномочье
От имени славнейшего из славных
Сказать, что тот, кто в деле нам
поможет,
Не будет недоволен и окупит
Все хлопоты свои во много раз.

(Входят бургомистр Вильны Якуб Бабич, Богдан Оньков
и еще несколько советников.)

Якуб Бабич

(Адвернику)

День добрый, пане Юрий! Что так рано?

Адверник

Советники и пан Якуб, день добрый!
Пораньше кто встает, тому и бог дает.
Всегда я этой заповеди верен.

Бабич

Совет хороший. Мардохай, ты к нам?

Адверник

Нет, это я зазвал.

Мардохай

Прощайте же.

Адверник

Иди.

Мардохай

Желаю панству я в делах удачи.
(Уходит.)

Баби ч

(Товню)

Пан доктор будет?

Товий

Я думаю, что скоро. Он заехал
К епископу, чтоб дать ему лекарство.

Богдан Оньков

Ты был в Италии со Скориною?

Товий

Да.

Как тень его до Падуи я шел
И с дозволения Юрия собирал
Крупницы со стола его познаний.

Богдан Оньков

Каким там языком науки излагали?

Товий

Он девять знает. Библию, как я,
Читает он на древнеиудейском,
По-гречески он говорит, как грек,
В латыни римских школяров заткнет за пояс.
В немецких городах вел диспут по-немецки,
А все славянские так знает языки,
Как будто ими он владеет с детства.
Там, в Падуе, славнейшие из славных
Великих докторов с ним говорили
И, пораженные познаний глубиной,
Как брата, в мантию его одели,
Профессором остаться предлагая.
Советник цезаря, когда мы были в Вене,
Его просил стать лекарем придворным,
И точно так же было в Чешской Праге.
Всем отказал Георгий Скорина.
Ему сюда скорей хотелось, в Вильну,
Чтоб вместе с вами послужить
Родимому народу.

Баби ч

Что ж, земляка столь славного, панове,
Всегда к себе принять мы будем рады.
Епископ наш согласен будет с нами,
Епископ римской веры нам перечить
Не станет, славе Вильны соревнуя.

Советники

И мы такого ж мненья.
Кто ж враг благому делу?

Богдан Оньков

Тем более народ его уж знает, любит.
Больных к нему ведут, несут все время,
Сам видел я.

Один из советников

Не понял я, какое отношенье
Имеет это все к печатным книгам.

Другой советник

Какая польза нам от этих книг?

Товий

А вот, преславные советники, какая:
Когда в чужих краях мы находились,
Приглядывался ко всему Георгий,
Что пользу принести могло б народу,
Что надо перенять, а что отбросить.
Из див последних, что на свете есть,
Полезнейшее для людей — искусство
Печатать книги.

(Достает несколько печатных книг.)

Вот взгляните сами.

Вот из Венеции, а вот из Праги Чешской,
Вот немцы — Нюрнберг и Аугсбург.⁶⁴
Когда бы пользы не было от книг,
Их не печатали б заморские купцы.

Советники

Известно.

Товий

И не таили б свой секрет под спудом.
Однако доктор наш умом своим
Проник и в эту тайну.

(Пока советники, толпясь, разглядывают книги, Адверник отводит в сторону Бабича.)

Адверник

Ну, пан Якуб, припомни поговорку:
Рука помостит руку — обе чисты.
Так мы с тобой. Я взял от магистрата
Амбары, мельницу и сукновальню.
Взял брадобрейню.хлопоты себе —
А вам доход. Хочу взять и печатню.

Бабич

Еще не решено, как с нею быть, пан Юрий.

Адверник

А кем не решено? Вот этим стадом?
Мы — главари. Как скажем, так и будет.
Через два года (знаешь сам, расходы!)
Доставлю я и прибыль магистрату.

Бабич

Но ведь не согласиться могут...

Адверник

Кто?

А с Глинским вы согласны были?

Бабич

Тс-с-с!

Адверник

Вот то-то «тс-с-с!» Тем, кто не согласится,
Напомни, что за Глинского им всем —
Скажи я только — иль петля, иль дыба.
Молчанье — золото... для них и для меня.

(Входит Георгий Скорина в декторском одеянии. Все встречают его низким поклоном.)

Георгий

День добрый вам, друзья, день добрый!

Советники

Приветствуем тебя, славнейший доктор!
На родину приезд твой в добром здравье
Нас радует отменно.

Георгий

И я рад видеть вас, достойные мужи,
Соратники мои в хорошем деле.
Привет всем вместе вам и каждому особо.
Тебе, Якуб, наш презус магистрата,⁶⁵
Тебе, Богдан, прославленный советник,
Что справедливостью и светлым разуменьем
Склонил к себе сердца родимой Вильны,
И вам, и вам, товарищи мои!

Советники

Привет тебе, всеславный муж Науки!

Бабич

(у дверей)

Иван! Гей, служка!

Неси почетное для гостя кресло!

(Сторож и Степан вносят кресло, обитое красным сукном,
и ставят его у стола бургомистра. Они обмениваются взглядами
и словами: «Этот?» — «Этот!»)

Бабич

Садись, высокий гость наш!

(Скорина садится.)

И вы, советники, садитесь тоже!

(Советники садятся. В это время Степан незаметно для всех
передает в руки Георгию Скорине записку.)

Бабич

Еще два кресла дайте и поставьте
Вот здесь и здесь — для двух легатов
От епископий — греческой и римской.

Георгий

Их нет еще?

Баби́ч

Мы ждем их. Скоро будут.

Гео́ргий

Тогда, простите, я письмо прочту,
Заняться им я не имел досуга.

(Углубляется в чтение письма. Сторож со Степаном расставляют кресла. Адверник собрал вокруг себя группу советников.)

Адверник

(окружающим его)

Ну как, друзья? Надумали вы, где
Могли б добыть мы деньги на печатню?

Советники

Коли немного...

Адверник

В деле неизвестном

Немногим нам не обойтись. К тому же
Не каждый грош вложить в то дело можно.
Тут риск потребен. Вложишь, да не так.
Начнешь с начала — грош тем часом сгинет.

Советник

(вполголоса)

Ну, этот грош пусть сам тогда и платит.

Адверник

(так же)

А есть с чего?

Советник

(так же)

Так значит...

Адверник

Не надейтесь.

Нам надобно такого человека,
Который бы рискнул своим добром,
А магистрат в расходы не вводить.

Советник

А где ж найти такого нам?

Адверник

Свет не без добрых душ. Не только кошелек,
А слава города, столицы быть должна
Для сердца близкой каждому из нас.
Ну, разумеется, дадим тем предпочтенье,
Кто лишний грош имеет в кошельке.

(Входит Иоганн фон Шпилер со своим писцом, а за ним отец Матвей с отцом Симоном.)

Бабиц

Привет сердечный вам, легаты епископий,
От магистрата Вильны. Добрый день!

Иоганн

День добрый вам, герр бургомистр!

Адверник

День добрый вам, герр Иоганн!

Иоганн

(к Адвернику)

Герр Юрий, добрый день!

Отец Матвей

Советникам славнейшим града Вильны,
Что под опекой божьей расцветает,
Епископ передал чрез нас, смиренных,
Свое высокое благословенье.

Отец Симон

Здоровья доброго, Георгий Скорина!

Георгий

Тебя приветствую я, как отца родного.

(Раскрыл ему объятия, но Симон не торопится ответить.)

Отец Симон

Не блудным сыном ты домой вернулся?

Георгий

Нет, отче.

Отец Симон

Ну, тогда, сын мой, привет!

(Обнимаются и целуются трижды.)

Георгий

(впережку с поцелуями)

Ну, как ты, старый?

Гора с горой не сходятся, известно,

А люди сходятся. Так будь здоров!

Иоганн

Сойтись и нам пришлось, герр Францишек,

После разлуки долгой. Полагаю,

Что жизнь тому-сему вас научила.

Георгий

О, разумеется, герр Иоганн. Буду рад,

Когда она и вас тому же научила.

Бабиц

Я думаю, уже начать нам можно. Дело
Всем вам известно. Наш преславный доктор,
Георгий Скорина из Полоцка, просил
Подумать, может ли наш магистрат столичный
Принять на нашу ратушу расходы
Книгопечатанья. Искусство это
За рубежом познал он в совершенстве.
Свой труд и мастерство по переводу
Считать своей он долей просит в деле.
Кто хочет что сказать, пусть говорит.

Иоганн

По праву старшего хочу спросить,
Какую цель он ставит в этом деле,
Какие книги хочет выпускать.
Одно — святыя книги для костела,
И в этом бы могли ему помочь,
Другое — ежели печатать ересь.

Отец Матвей

И мы услышать бы хотели о причинах
Такого новшества. Иосиф Солтан⁶⁶
Апостольское дело развернул,
Как ни один еще владыка церкви.
Во всех монастырях есть книгописни,
Где дьяки, в послушанье богу, множат
И день и ночь священное писанье.
Мы полагаем: то святое дело
Не для мирян с их грешными руками.

Георгий

Сначала вам все разъясню, герр Иоганн.
Когда б я думал бить латынь, зачем бы
Мне покидать и Падую и Вену,
Зачем сюда мне было ехать, в Вильну,
Где вороги мои — и вы и те,
Кто вас послал? Они одежду мне
Порвали бы, как злые псы
Рвут путника, идущего без палки.
Нет, герр фон Шпилер, я не для того
Пешком Европу обошел
Из-за кусочка хлеба,
Читал при месяце в ночи,
Сгубил покой и счастье,
Чтоб вместо хлеба
За пазухою камень
С собой нести для своего народа!
От вашей помощи избави боже!
Хочу бить книги русские для братьев,
Для русского народа. С русской речью
Всесильный бог меня пустил на свет.

Иоганн

Но сам ты знаешь — твоему народу
Потребности нет ни в тебе,
Ни в книгах соблазнительных твоих.

Георгий

Наоборот! Коль их не нужно было б,
Не гнули б спины тысячи дьяков

И послушники горб не наживали б
За перепиской книг. Они не стали б
С таким одушевленьем и любовью
Над каждой буквой, каждою заставкой
Терять, быть может лучшие, дни жизни.
Недаром же, окончив труд достойный —
Евангелье — раб божий Тимофей,
Четви-Минеи⁶⁷ — сын попа Березка,
Иль дьяк Артем из Витебска — псалтырь, —
Свое они смиренно имя ставят
В конце письма, как якорь в тихой бухте
Бросает мореплаватель в конце
Далекого и тяжкого пути.
Смиренье ни к чему бы здесь. Они —
Не просто скромные писцы, а воеводы,
Что против Рима и захватчиков чужих
Еще одну победу одержали
Народу своему. Нет, больше —
Они цари славнейшие, хоть царство
Их не от мира, ибо войско дум
Они в поход пустили — одолеть
Тьму недруга, и злобный нрав злодея,
И ябеду «друзей», и врагов подвохи.
Дать высший герб должны им короли,
Архиепископы их подвиг славить
В проповедях на праздничных служеньях,
Их труд с апостольским поставить рядом!

Иоганн

Издевка это, еретик! Жалею,
Что осквернил я слух, с тобою споря.
Я предлагаю всем, кто римской веры,
Покинуть этот зад немедля. Нет, не будет,
Пока мы, слуги божьего престола
И слуги Рима в Вильне, что-то значим,
Твоей печатни еретичной. Амен!

Георгий

И жаба квакала в болоте ночью,
Что солнце больше не взойдет!

(Иоганн и с ним половина советников надменно выходят из зала.)

Отец Матвей

Мне смелость нравится твоя, Георгий!
Она напомнила мне молодые годы,
Когда один средь десяти сынов у батьки
Не захотел я уходить в монахи,
А в грешный мир пошел. Познал я сладость
И боя жаркого, и доброго вина,
И пламенного женского лобзанья.
Пяти заморским королям служил мой меч,
А мне служила слава. В мирные года
Я преуспел в искусстве совершенном
Письма парсун красивых ⁶⁸ и икон.
И все ж пустой была душа моя,
Душа моя, объятая гордыней!
Оставив свет, пошел я в монастырь,
Чтобы остаток дней отдать «Десятиглаву». ⁶⁹
И каждый раз, когда в священной книге
Заканчивал главу я, мне казалось,
Что я еще одну главу срезал у змея.
И подвиг я свершал, пусть безымянный,
И душу вкладывал в святое дело,
И труд мой был лекарством для души.
Зачем же хочешь ты лишить людей
Величья подвига и наслажденья счастьем,
Зачем ты хочешь камнем иль железом
Нам душу заменить? О нет, не бог,
А враг его внушил такие речи!
И имя этому врагу — гордыня!

Отец Симон

Ты это, поп, напрасно. Не гордыня
И не корысть его рукой водила.

Георгий

Повремени-ка, отче Симон...
Вот у меня письмо от знахаря Андрея,
От половчанина в московской рати.
Он пишет мне: изменой воевод
Разбито войско русское, и Глинский,
Рассерженный растущим самовластьем
Царя Василия, задумал королю
Предаться вновь. Вот это есть гордыня

Всех тех, кто оторвался от народа,
От нужд его. И той гордыни голос
Я слышу от тебя, отец Матвей,
Хоть ты и написал «Десятиглав».
Я дело нужное твое, отец Матвей,
И труд твой книгописный уважаю —
Я чечевицу ем, коль нет бобов, —
Она полезна тоже для народа.
Не для него вы пишете — свою
Довольствуете душу вы, себе
Вы ищете забвенья и отрады.
А Глинскому и вам, отцы святые,
Народ ведь нужен только для того,
Чтоб шел он вслед за вами, как овечка,
Хотя б под нож. Но я хочу другого:
Чтобы отраду творчества во мне
И чтобы щедрый мед трудов моих
Пил не один, а тысячи. Делите
На всех людей все то, что написали
Во всех монастырях, — едва ль по букве
Придется каждому из них на долю.
Хочу, чтоб не монахи, не паны,
А люд простой уразумел науку.

Отец Матвей

Им перескажет поп.

Георгий

А ежели его ксендзом заменят?

Отец Матвей

Пан православный это не допустит.

Георгий

А если пан от веры отречется?

Отец Матвей

В защиту веры встанет сам епископ.

Георгий

«Cujus regio, ejus religio», * — говорят.
Епископ тоже может отойти от веры.

* Чье правление — того и вера (лат.).

Что, не было того? Вам горько слышать,
Что камнем смерти заменяю я
Святых трудов дыхание живое?
Неправда! Это ваше дело — камень,
Пусть самоцвет — но только он для вас.
А для народа чужд он, еле виден —
Ведь в нем нет ни души, ни дум, ни мук
народа.

Вельможи церкви, вы горды и слепы:
На крест латынский, на Голгофу,
Ведете вы народ, хоть вы и против Рима.
Иного жажду я, хочу найти опору
Народу против ереси латынской,
Что к нам пришла, скрываясь под обличьем
Наук своих. Не может человек
Сидеть во тьме невежества, пойдет
Он и на этот свет, коль не дадут другого,
И не заметит сам, как попадет
В стан вражеский, в открытую пасть Рима.

Отец Матвей

Мы и несем науки свет.

Георгий

Одно зерно — народ им не накормишь.
Ты полной горстью сей, да так, чтоб всем
хватило.
Лишь в этом счастье и живая щедрость.

Отец Симон

Ты веришь их словам? Ну и чудак!
Не правда им нужна, нужны им деньги.
И выгода не общая — своя.
О просвещении поют, что птицы,
А книги — пот наш, труд тяжелый наш —
На золото меняют — кто даст больше.

Отец Матвей

Не богохульствуй, не кощунствуй, олух!

Отец Симон

Коли на то пошло, отец Матвей,
Не я кощунствую, а вы — попы!

Их можешь обмануть, но не меня.
Я нагладелся на житие святое,
И не снаружи — изнутри. Я знаю.
Игумены, монахи — пустосвяты.
Имел Христос рабов? А вы — вы села,
Как скот какой-то, держите в ярме
И птичьего вы молока хотите.
Вы за мякины меру в год голодный
Семью селян готовы взять в неволю,
Не хуже, чем паны, дерете шкуры.
Не с вами бог... Возьми меня, Георгий!
Печатный труд я знаю и не даром
Я буду есть твой хлеб.

Отец Матвей

За это слово будешь ты закован
И с клобуком простишься навсегда.

Отец Симон

Возьми его с собою хоть сейчас!
(Срывает с себя клобук и бросает под ноги Матвею.)

Отец Матвей

Вот видите, к чему приводит богохульство?
От зла отыди и содейяй благо.
(К Георгию)

Пока ты не докажешь, что за польза
От замыслов твоих для нашей церкви,
До той поры нет и благословенья
Владычного печатать книги в Вильне.
(Отцу Симону)

А ты, червяк, ползи за мной
И пеплом посылай главу дурную,
Чтоб вымолить прощение у бога
Грехов своих!

Отец Симон

Ползти неловко в рясе. На, возьми ее.
Отдай там пустосвятам!
(Бросает рясу вслед уходящему отцу Матвею.)
Дай мне перо, Георгий!

Георгий

Перо я дам, а только ты напрасно
Ему под ноги, отче, кинул рясу.
Не он давал, не он ее и снимет.
Возьми, надень!

Ну, поняли вы, други,
Что делать нам и где искать спасенья?
Не епископия, а вы и ваша братья —
Опора веры, света для народа.
Не епископия, а вы должны
Больницы, школы самолично строить,
И не епископам, а вам отныне множить
Святые братства, быть главою церкви.
Не так ли, пан Якуб?

Ба б и ч

Должно быть, так.

Георгий

А как же быть с печатней?
На произвол судьбы оставим, или как?
(Советники колеблются в нерешительности.)

А может, вам и вправду ненужны
Ни я, ни знанья, что копил по крохам
Я для своих людей в чужих краях?
(Советники вздохнули, но молчат.)

Быть может, правда, литеры продать
Тому, кто обратит их против
И вас, и веры, и самой Руси?
(Снова молчанье. Скорина ударил кулаком по столу.)

Нет, не дождется враг! Буду умирать
От голода, околевать под тыном,
А не продам им ни одной крупницы,
Что собраны для братской нашей Руси!
Как Глинский, не сбегу, покинув свой народ,
И из земли корней своих не вырву!

Ба б и ч

Ты не сердись на нас, Георгий Скорина.
Сам видишь — не пора. К тому ж Адверник
Доносом нам грозит за Глинского. Однако
Ты Глинского винить бы стал напрасно:

Его сманить сюда хотят нарочно,
Чтоб голову срубить ему, я слышал.

Георгий

А что ж, поверить в это можно:
На хитрость подлую — мастак

«ясновельможный».

Эх, вам бы Глинского предупредить!
Где враг хитер, нужна там хитрость тоже.
Все это вижу я. Подумаю и взвешу,
И после вам скажу, что надо делать.
А мы пока окончим дело. Товий,
Отца Симона отведи к нам в келью
Задворками. А я здесь подожду.

Советники

(прощаясь)

Подумаем и мы. И каждый особливо
К тебе придет и скажет, что решил.
Бунт Глинского — наука. Делай так,
Чтоб правая рука о левой и не знала.

(Все выходят. Георгий остается в глубокой задумчивости. Кажется, что он даже заснул, закрыл глаза. Дверь тихо отворяется, и на пороге появляется Маргарита.)

Маргарита

(тихо)

Ах, Юрка!

Георгий

(поднял голову, но не выходит из оцепенения)

Мар... га... ри... та?

(Он кинулся к ней. Она упала на колени и обняла его ноги.)

Маргарита

Мой любимый!..

Георгий

(поднимая ее)

Встань, встань, страдальца моя, мой жемчуг...
В глаза дай поглядеть и дай услышать

Еще раз это слово, чтобы к небу
Душа моя взлетела...

(Он подводит ее к креслу, сажает, не выпуская ее рук из своих.)

Скажи, любимая, мой месяц ясный...

Маргарита

Что мне сказать тебе, мой Юрка?

Георгий

Ты помнила меня?

Маргарита

И днем и ночью. Я во сне
Твое шептала имя. Я в горячке
Все кликала тебя...

Георгий

А он?

Маргарита

Он бил меня тогда, бил смертным боем,
А я смеялась — было мне так сладко,
Я за тебя терпела...

Георгий

Дети есть?

Маргарита

Есть... двое... Я у бога смерти
Просила, их рождая. Знала я,
Что ты их будешь ненавидеть...

Георгий

Нет.

Они — твои. Могу ль их ненавидеть?

Маргарита

А я могу порой — из-за него...
Мой Юрка, забери меня с собой!
Силен, умен ты. Отыщи закон —
Из ада вырвать тело мне и душу!

Георгий

Надежды не могу тебе подать я,
Надежды верной. Ведь она непрочна,
И может так случиться, что сердцам
Не вынести еще раз горькой муки.
Католиков разводит только папа...

Маргарита

Тогда я убегу с тобою.

Георгий

Тебя с дороги к мужу возвратят.

Маргарита

Тогда... я отравлю его.

Георгий

Ты этого не станешь делать.
Однажды видел я, как женщину терзали,
Что мужа отравила. Возле рынка
Ее живой зарыли. Голова
Была поверх. Безумными глазами
Она вокруг водила.
И в жажде адской языком сухим
Лизала губы. Часовой ходил
И день и ночь широкими кругами.
И мне казалось — это ты!..
Полн возмущенья, ринулся я к ней,
А страж мне руку ранил алебардой,
Вот видишь этот знак?
Опомнился в тюрьме, молился богу,
Чтоб он отвел тебя от этой мысли.
Нет, Маргарита, нет!
Коль ты не хочешь гибели своей...

Маргарита

Мне все равно. Смерть будет лишь спасеньем.

Георгий

Когда моей ты гибели не хочешь,
То потерпи еще хоть краткий срок.

Пойду к епископу, просить его я стану,
Чтоб вам позволил он хоть жить отдельно...

Маргарита

А если нет?..

Георгий

Отдай же детям сердце
И верь и жди, что наше счастье будет.

Маргарита

О, как меня ты мало любишь, Юрка!

Георгий

О Маргарита, нет!
Когда б моей любовью свет был тронут,
Когда б мучением своим добыть я мог
Тебе от горькой муки избавление,
Поверь — свободной ты была б сегодня!
Нет сил во мне таких, и я не бог.
Я горе облегчить могу лишь словом:
Все время помни, как то помню я,
Что не одна страдаешь. Горя больше
У нашего народа, в муках он.
И чтоб лечить его, обязан я
Поехать снова... в Прагу... Так и ты
Все сделай для него, что только можешь.

Маргарита

Ты вновь уедешь, Юрка? Вновь?
Погибну я...

Георгий

Коль любишь, не погибнешь.

Маргарита

Я знаю, что сейчас ты ищешь денег,
Чтобы печатать книги. На, возьми
Все, что имею я. Мое монисто,
Браслеты, перстни, серьги принесу.
Дом, матерью завещанный, возьми.
Устрой печатню в нем. Но только

Не уезжай. Дай быть к тебе поближе
И чувствовать, что ты здесь, рядом...
Пусть это даст мне силы жить...

(Сторож, который, по-видимому, охраняет свидание, появляется в дверях.)

Сторож

Сюда идет Адверник, молодница.
Иди скорее, спрячься там, в каморке,
Пока он не пройдет.

Маргарита

(быстрым шепотом)

Сегодня приходи в дом матери моей
У рынка. Ты легко его найдешь.
Прощай!

(Сторож и она уходят.)

Георгий

(один)

Какую ж гору возложил ты, боже,
На плечи ей, не дав мне сил
И способа свое плечо
Подставить под тяжелый этот камень...

(Входит Адверник.)

Адверник

Вернулся я, пан доктор, чтоб сказать,
Что мы с фон Шпилером решили дело:
Он дал согласие на печатню. Но не даром.
Я деньги посулил. Дам и тебе — с условием:
Печатать хочешь ты по-русски — хорошо.
Но только книги унии. И цену
Я ставить буду, чтоб покрыть расходы.

Георгий

(долго глядит на него и после тихо спрашивает)

А Маргариту
Отпустишь с миром к матери тогда?

Адверник

(меняет тон)

Ты для нее приехал? Книги

Не больше, чем заслонка, чтоб огонь
Распутных дел надежнее укрыть
От взоров мужа. Это я уж знал!

Георгий

Чтоб вывел ты руками палача
Ее к столбу позорному? О нет!
Люблю ее я больше, чем ты думал,
И этой радости не дам тебе увидеть,
Пока ты жив...

Адверник

Вы сговорились отравить меня? Так знай,
Что я, придя отсюда, написал
Текст завещания на случай смерти
Насильственной, назвав в нем двух убийц:
Вас вместе. От суда вам не уйти!

Георгий

С ума сошел ты! Над тобой опеку
Назначить попрошу я короля.
Иди и знай, что волос не спадет
По нашей воле с головы твоей
И что твоей ничто не угрожает чести.

Адверник

(сразу понизив тон, бросается целовать руку Георгия)

Я верю, тезка, верю. Вот спасибо.
Ведь я ее люблю, и ненависть моя
От горестей идет, от чувств сердечных...

(Он быстро убегает. Георгий вытирает замусоленную поцелуем
руку с такой брезгливостью, точно до нее дотронулся слизняк.
Входит Товий.)

Товий

Ты так расчувствовал гадюку эту,
Что он чуть-чуть и с ног меня не сбил.
Бежит и плачет, ничего не видя.
Чем это, пан Францишек?

Георгий

Я приподнял завесу, за которой

Увидел пекло он, что, не дождавшись смерти,
Рок присудил ему живому.

Товий

Спалил бы я и след его!
Я видел Маргариту.

Георгий

Тотчас?

Товий

Утром.

Георгий

Она была здесь только что...

Товий

Так будешь

Ты нынче у Дароты?

Георгий

Нет, не буду.

Мы с Симоном сегодня едем в Прагу.
Ты оставайся тут, пойдя к Дароте.
Я напишу письмо.

(Входит Баби ч.)

Так вот что, Баби ч.

Пророка нет в своей отчизне.
Я еду в Прагу. Там себя продам,
А книги буду выпускать. Создам печатню
Потом сюда перенесу. Будь у Дароты
И завешание ее заверь как надо.
Дом Маргарита отдает, и в этом доме
Поставим мы печатню. С магистратом,
С советниками сговорись, собирай по грошу
На наше дело. С Товием потом
Шли деньги в Прагу. Нет, сутаны Рима,
Печатня будет тут! И свет увидят люди!

ЗАНАВЕС

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Георгий Скорина.

Товий.

Отец Симон.

Иоганн фон Шпилер.

Андржеяка — приятель Георгия.

Марта — его сестра.

Вацлав Сѳва — один из издателей чешской библии
1506 года.

Микулаш Кѳнич — чешский поэт и книгоиздатель.

Рѳб Нохим — помощник Скорины по переводу
библии.

Адам — кредитор.

Штольц — немец.

Вацлав — пастух.

Базильянский монах — немец.

Несколько монахов-базильянцев

1519 год. Прага Чешская. Раскрытая для зрителей с тыла часть двух соседних дворов: двора Андржеяки, у которого квартирует Скорина, и его соседа, немца Штольца. Дворы разделяет низкая ограда, обсаженная кустами, с потайной калиткой. Слева видна часть дома Андржеяки со стеклянной верандой. Обстановка на веранде такая, как на старинной гравюре с портретом Скорины: это мастерская доктора, где он занимается переводом книг. Рядом с верандой вход в дом, а под ним — лестница с перилами, ведущая на балкончик чердачного помещения. На балкончике, на специальных подставках, — подсвечник и несколько

кувшинов. Дом справа — иной архитектуры, видна островерхая угловая башня. На ней — флюгер в виде черного кота и кованая лента с подписью-прорезью по-немецки: «Откуда ветер — оттуда счастье». У башни — такая же лесенка на чердак и на балкончик. С другой стороны башни — широкое окно и вход в дом. Между домами на заднем плане — железная ограда, ворота и в них калитка на улицу. Очевидно, ограда огибает дома, и конец ее виден слева. Только тут она каменная, высотой по грудь, и когда проходит человек, видна только его голова. Во дворе — несколько кустов и деревья в весеннем цвету, погреб и служебные постройки. Все это — в утреннем тумане и лишь постепенно вырисовывается, по мере того как рассветает. Все больше и больше алеет небо. Где-то поблизости, захлопав крыльями, распелся петух... Ему откликнулся другой. На далекой колокольне ударил колокол, и как бы спросонья, неохотно, раз от раза продолжает звон. Тихо раскрылась дверь на правой стороне, и на балконе показалась женская фигура. Видно, как чьи-то руки (сам человек стоит за прикрытой половинкой двери) тянутся для прощального объятия. Наконец женщина выскользнула из объятий, слышен явственный шепот.

Марта

Прощай до вечера, мой милый Иоганн!

Иоганн

(из дверей)

До скорой встречи, Марта. Ты придешь?

Марта

Приду. Андржей, наверно, заночует
Опять в своей печатне.

(Руки невидимого человека еще раз притянули Марту к себе и отпустили. Марта, озираясь, быстро спускается вниз. На последних ступенях она находит свои башмаки, надевает их с разбегу, соскакивает с лестницы и натывается на ноги лежащего человека, голова которого находится под лестницей.)

Марта

(отшатываясь)

Святая мать божия! Кто тут?

(Она смутилась и, снова отшатнувшись, безотчетно кинулась на лестницу, охваченная ужасом.)

Марта

(шепотом)

О, Иоганн, Иоганн! Тут лежит убитый.

(Иоганн появляется в дверях. Но в это время скрипнула входная калитка с улицы. Марта, не успевшая ничего сказать Иоган-

и, соскользнула с лестницы, юркнула в калитку на свой двор, перескочила за кустами на крыльцо своего дома, взбежала по ступенькам, схватила подсвечник... через калитку вошел пастух.)

П а с т у х

Нех бендзе Христус взвелебены! *

М а р т а

(спускаясь с крыльца)

Amen!

(Иоганн, услышав чужой голос, притаился у крыльца.)

П а с т у х

День добрый, Марта.

М а р т а

День добрый, Вацлав. Я сейчас.

П а с т у х

Заспалась ты как будто, госпожа,
А где ж Андржей?

М а р т а

В печатне, как всегда.

П а с т у х

А доктор с ним?

М а р т а

Нет, он сегодня дома.

Уже не спал три ночи он подряд.

Сегодня спит он как убитый.

Иди, буди других. А я сейчас.

П а с т у х

Эх, Марта, Марта...

М а р т а

Что?

* Да будет прославлен Христос! (польск.)

Пастух

Круглеть ты стала.

Марта

(вспыхнула)

Гляди своих коров, пастух!

(Быстро вышла.)

Пастух

(один)

Коровы что? Тут про бычков смекай-ка.

(Разводит руками в сторону то одного, то другого дома.)

Но кто ж из двух мне счастье загубил?

Пан доктор? .. Нет. Он человек почтенный...

Хотя у короля бывают тоже дети,

Не говоря уж про епископов святых.

Что смотрит брат? Слепой он, что ли? ..

(Идет к воротам и натывается на радостного Андржеяку, который тащит внушительную связку книг.)

Пастух

День добрый, Андржеяка!

Андржеяка

Ну, коль не шутишь, добрый день.

Что, разве пастуху не спится?

Пастух

Не спится и тебе. Да жаль, не дома.

Андржеяка

Ну, речь не обо мне. Вот видишь — книги?

Понюхай, краской пахнут!

Вот только что из-под станка.

Пастух

Что краской? Пахнет здесь несчастьем.

Андржеяка

Да что ты, друже? Внюхайся в нее.

И нос не вороти, чертям то на смех.
Письмо святое — вот взгляни...

(Он кладет связку книг на лавку и раскрывает одну из них как раз на портрете Скорины.)

Пастух

Портрет какой-то? Что тут за святой?
Такого я в костеле и не видел.

Андржеяка

Его в костел и плетью не загонишь.

Пастух

Ну, почему?

Андржеяка

Да что ему там делать?
Ведь он святей святого.

Пастух

Да неужто?
Постой! Да это ж пан Францишек!
Неужто и его в святых стал числить
Отец наш римский?

Андржеяка
(смеется)

Папа римский?

Пришел к святым?

Пастух

А я подумал, грешный...

Андржеяка

Что ты подумал?

Пастух

Ничего... я так.

Андржеяка

Скажи — иль дети заикаться будут.

Ты к Марте подбираешься. Не надо
Племянников-заик мне. Откажу!

П а с т у х

Хотел спросить я, почему, Андржей,
За книгами глядишь ты много зорче,
Чем за сестрой своею?

А н д р ж е я к а

(удивленно вскрикивает)

Я? За Мартой?

(Этот возглас слышит Марта, которая гонит корову: за оградой видны рога. Марта заглушает ответ пастуха своими окриками.)

М а р т а

Иди-ка, Вацлав, да займись коровой.
Мне некогда.

А н д р ж е я к а

А что за ней глядеть?

Она сама с глазами тоже.

П а с т у х

(отходя)

Да нет, я так.

(К Марте)

Иду, иду!

(Пастух выходит через калитку за ограду.)

А н д р ж е я к а

(про себя)

Глядеть за Мартой? Что он, где он слышал?
Спросить, что ль, у нее?

(Хочет позвать.)

Эй, Мар...

Да нет... от ревности он это...

Мед снится — дуб высок, да не его и улей...

Пойти порадовать Францишка.

(Андржеяка собирает книги и идет по крыльцу в дом. Через некоторое время, озираясь, вбегает Марта и сразу же бросается по лестнице навстречу Иоганну, который сам спускается к ней.)

Марта

Тут человек убитый, Иоганн.

Иоганн

Убитый, говоришь? Вот наказание!
Я из монастыря вчера шел пьяный.
Кого-то двинул в тьме ночной плечом,
А брань его смирил ударом сабли.
Так то далеко было. Приползти
Сюда не мог он. Не такой удар.

Марта

Погибли мы. Придут, увидят люди...

Иоганн

Постой! Укрыть до ночи. Там монахи
Труп кинут в реку — будет шито-крыто.

Марта

Уж рассветает. Да и брат мой дома.

Иоганн

(огляделся и видит, что в дверях погребка торчит ключ)

Ключ там, в дверях подвала. Видишь, бог
Стоит на страже нашей. Ну, тяни!

Они тянут мертвое тело в погреб и прячут его там. Через
дверную щель входит раб Адам и начинает громко кашлять. На
веранду выходит Анджеяка с книгой в руках.)

Анджеяка

Не кашляй, друг! И так поверим — болен.

Адам

Нет, это я, пан Анджей. Добрый день!

Анджеяка

А, рэбе Адам! Добрый день, когда
Его своим приходом не испортишь.
Ты к доктору? Он спит.

Адам

Пусть на здоровье спит, коли душа

Не чувствует, что к вам беда
Стучит в ворота.

А н д р ж е я к а

Правду я сказал,
Что добрый день ты нам испортишь, рэбе.
Какое ж горе вестником своим
Тебя сейчас избрало?

А д а м

Спаси бог!
Дай половину мне того, что вам желаю.
Купец к вам из Москвы (вай, вай, какая даль!)
Приехал книг у вас купить.

А н д р ж е я к а

Прекрасно!

А д а м

А с ним из Вильны мне письмо прислал
Наш Мардохай. Вы знали Мардохая?

А н д р ж е я к а

Знал одного. Того, что в Вавилоне
Чуть не повешен Гаманюю. Коль твой
Вещает нам беду, то я жалею,
Что он не тот.

А д а м

Нет, нет, не тот!
Из Вильны зять мой, Мардохай, мне пишет,
Что кредиторы Товия сюда
Не выпустят из Вильны, чтоб им сдохнуть!

А н д р ж е я к а

Ну, Товий тут пока что и ненужен.
Для книг заране вырезал он буквы,
Заставки и картинки. Месяц-два
И без него мы проживем. Поздней
Понадобятся золотые руки.
Вгляни: парсуна доктора Францишка.
Ее нам Товий вырезал с рисунка
Отца Симона.

Адам
Хороша! Такой не видел.
А сколько стоит книга?

Андржеяка
Грош литовский.

Адам
Простите, но я слышал, пан Францишек —
Купцам купец. Не верю.

Андржеяка
Почему?

Адам
Будь он купцом, подняв такое дело —
Набил бы свой сундук он золотыми.
Не он бы к нам, а мы б к нему ходили
За помощью все время. И не грош,
А десять грошей брал бы он за книгу.

Андржеяка
А кто бы покупал ее тогда?

Адам
Ай-вай! Купцу какое дело?
Кому нужна такая книга, тот и купит.

Андржеяка
Он так и делает. Дешевле продает,
Чтоб каждый мог купить, кто хочет.

Адам
Пословица такая есть,
Что всяк по-своему с ума-то сходит.
Не понимаю, что вам за корысть.
Долги же отдавать вам надо?

Андржеяка
Надо.

Адам

У бургомистра мы добыли разрешение
Арест на ваши книги наложить.

Андржеяка

Вы что, ума лишились?
Зарезать курицу, что золотые
Несет вам яйца? Вот какой ваш разум!
Ты ж видишь, отпечатали мы книгу.
Купец приехал, скоро будет Товий,
И деньги будут...

Адам

Товий не придет.

Андржеяка

Кто? Товий? Вижу, ты любитель шуток.
Сегодня ж будет тут, коли захочет!
Не знаешь ты его ума, сноровки.
Не зли меня, рэб Адам. Получаешь
Ты первый долг наш — половину суммы.

Адам

И с четвертью.

Андржеяка

Нет, только половину.

А четверть — после, но молчи.
Чтоб никому ни слова!
Не то твою я долю разделю
Меж всеми, кто вослед приволочится
За болтовней твоей, коль дашь ей волю.

Адам

Пусть мой язык тогда отсохнет!

Андржеяка

Amen!

Идите же, рэб Адам. На глаза
Не попадайтесь людям. Нынче в шесть!

(Он выпроваживает кредитора и, закрыв за ним калитку,
возвращается со смехом.)

Отделался! А сколько их здесь за день
Притащатся, едва почуют деньги!
Б... р... р... Ну, пойду будить Францишка!

(Выходит через веранду. Из погреба показывается Марта, за ней Иоганн. Иоганн запирает погреб и отдает ключ Марте.)

Иоганн

Возьми и спрячь. А к вечеру положишь
Там, за воротами, под камень незаметно.
Отца Базилия предупрежу.

Марта

А вдруг что здесь понадобится Штольцу?

Иоганн

Ключа он не найдет. Покуда будет новый
Он делать — день прошел.

Марта

А нету у него ключа другого?

Иоганн

Как будто нет. А может быть, и есть...
Но если он пойдет...
Постой... Какую ж радость дал
Я в руки моему врагу, Францишку!

Марта

Он знать не будет, в мире видит он
Одни лишь книги. Он святой.

Иоганн

Он не святой, он дьявола слуга,
Он грешник. Если б, нам на счастье
Не в Чехии гуситской он работал,
А в Бранденбурге — он бы сгинул,
Как ворог Рима, на костре. Его
В Германию я заманить приехал,
И вот... Я знаю хорошо, коль он,
Законовед известный, труп найдет,
Преследователей за мной натравит
И нас погубит, Марта, злобы полный

Марта

Тогда бежать из Праги надо, Иоганн,
И поскорей.

Иоганн

Он это посчитает
За доказательство вины. А я хотел
С тобою, Марта, в это воскресенье
Венчаться...

Марта

О любимый, о мой Иоганн!
О том мне стыдно было бы просить.
А люди уж косятся. И сегодня
Пастух уж намекнул об этом брату.

Иоганн

Вот видишь, он, Францишек, разобьет
И это счастье наше!

Марта

Что же делать?

Иоганн

Когда б я верить мог, что любишь ты меня,
Что для меня сейчас все сделать ты готова...

Марта

Все сделаю, все сделаю, мой Иоганн!

Иоганн

Тогда... Возьми ты ключ и положи
Меж книгами Францишка Скорины,
И вымажи ему любую кровью шпагу.
А спросят — скажешь: «Слышала я ночью
Какой-то крик и шум. Спустия немного
Прошел Францишек в комнату свою»...

Марта

А ты? Ты тоже слышал? Или скажешь...

Иога нн

Что ночь провел у братьев-базильянцев
И только что пришел. Монахи
Готовы это подтвердить присягой.

Мар та

О, прикажи другое мне. Его
Так обвинить в убийстве не могу я.

Иога нн

Когда не хочешь видеть смерть мою,
А хочешь мне женою быть, иди
И сделай, как сказал я, без раздумья,
Твой грех прощен костелом будет, ты
Еретика поможешь уничтожить.
Иду в соседний монастырь и там
Я буду ждать тебя. Монах Базилий
Тебя туда доставит. Я скажу.

Мар та

Мне не поверят, Иоганн. Он святой,
В его глаза взглянуть я не посмею.

Иога нн

Посмеешь, если любишь. Помни: ночью
Сквозь сон ты слышала и стон, и крики,
И доктора шаги. Не так уж много
Я и прошу. Вот только ключ подсунуть.

Мар та

Так поклянись же мне еще раз, Иоганн,
Вот этим перстнем, на котором клялся
Душою матери, страны своей судьбою,
Что ты меня не бросишь, будешь мужем,

Иога нн

Клянусь я всем святым мне и родным:
Как только тот Францишек Скорина
Очутится в тюрьме — как бы убийца, —
Мы обвенчаемся и в Бранденбурге
Начнем с тобой жить вместе. Амен!

Марта

Amen!

(Уходит.)

Иоганн

(глядит ей вслед и, когда она скрылась, говорит презрительно)
О, чешская овечка!

(Стучит в окно хозяина. Через некоторое время выходит
Штольц с трубкой в зубах и молча останавливается в дверях.)

Иоганн

Герр Штольц, сегодня я у базильянцев
Заночевал и только что вернулся.

Штольц

Мне кажется, шаги я в башне слышал.

Иоганн

О, это крысы там, герр Штольц. Их много
На чердаке. Всё спать мне не дают.
Я выеду по порученью братства
Сегодня в Вильну. Вам товар оставляю
В оплату пищи и квартиры. Хватит?

(Штольц утвердительно кивает головой.)

И, кстати, можете послать за адвокатом,
Сегодня-завтра доктор этот сгинет.
Описывать имущество придется.

Штольц

И в это можно верить?

Иоганн

Как в то, что перед вами Иоганн
Фон Шпилер, рыцарь. Я надеюсь,
Что письма вы заемные купили?

(Штольц молча вынимает грессбук.)

Штольц

Здесь по оценке — как я сам прикинул —
Ему и кредиторам остается
Лишь двадцать марок. Их куда девать?

Иоганн

Отдайте Марте от меня в подарок.

Штольц

(достает деньги)

Отдай их сам, а мне пиши расписку.

Иоганн

Я б не хотел с ней видеться. А деньги,
Что я давал на скупку векселей,
Вы в монастырь снесете, казначею.

Штольц

Герр Иоганн, тут приехал Шульц,
Из Нюрнберга. Доктору бумагу
Привез и несколько заемных писем.

Иоганн

А он у вас? Зовите на два слова.

Штольц

Отправился сейчас он к куму в гости.
Вернуться должен был — и не вернулся.
Видать, подвыпив, там заночевал.

Иоганн

А письма где?

Штольц

Ко мне он спрятал в шкаф.

Иоганн

Для выкупа бумаги казначей
Отпустит деньги вам по моему приказу.
На ней печатать будем мы, герр доктор,
Такие книги здесь для вашей Белоруси,
Что в ней сотрется след отравы.

Штольц

А я хозяином печатни буду?

Иоганн

Да.

Заказчиками — только базильяңцы,
Коль не вернется Шульц.

Штольц

Но почему?

Иоганн

Не говорю, что вовсе не вернется.
Сегодня сразу же его бумаги
Отдайте адвокату со своими.

Штольц

Но я их должен показать Францишку.
Быть может, он заплатит?

Иоганн

Покажите,

Коль есть закон. Прощайте. Я поеду.
Вот и отец Базиль. Он вещи отнесет.
(Штольц идет в дом. Через калитку входит монах.)

Монах

Исусу слава!

Иоганн

Amen!

(Отводит его в сторону.)

Ради бога...

Монах

• Жду вашего приказа, рыцарь.

Иоганн

И под присягой даже подтвердить
Должны монахи ваши, что сегодня
Я ночевал у вас и вышел за ворота
После молитвы ранней...

Монах

Amen!

Иоганн

Снеся порученное в монастырь,
Найдешь ты кума Штольца.

Монах

Понимаю.

Иоганн

Там немец был из Нюрнберга — Шульц.
Коль поздно шел оттуда он вчера,
Закажешь мессу по его душе.

Монах

Пусть успокоит бог его в раю!

Иоганн

Возьми подводу в полдень, и втроем
Мои вы вещи повезете в Вильну.
Но на дорогу нужно взять гостинцы.

Монах

Я понимаю...

Иоганн

На десятой миле
Ждать будут верховые. По дороге
Нагнать вы можете еретиков,
Из тех вот, что спасения искать
Решили в бегстве. Тотчас их ко мне
Доставь!

Монах

Исполню все во имя бога.

Иоганн

(давая золото)

Возьми задаток.

Монах

Так. До встречи.

(Иоганн выходит на улицу. На веранде появляется Марта и
прячет ключ среди книг.)

Монах

(один)

Вот девушка... из тех...

(Поглядывает в сторону веранды.)

Меня просила

Достать ей пару индульгенций.

За кружку пива взял их у монаха.

Отдать бы ей...

(Видит появившуюся Марту.)

Я индульгенции принес. Сойди-ка в тень.

(Отходит за кусты.)

Вот эта — грех большой, а эта — малый.

(Оглядывает ее.)

Ну, ну! На грех какой берешь, я знаю.

Марта

Не для себя беру... а для попа Симона.

Монах

Для русского попа?

Марта

Вот золотой.

Не все ль равно вам, кто грешил —

Поп или дьявол?

Монах

А хочешь, чтоб твои грехи вот также

Той индульгенциею были

Оплачены пред богом?

Марта

Что же сделать мне для этого, монах?

Монах

(протягивает к ней руки)

Не быть упрямой, козочка!

Марта

(отстраняя руки)

Отстань!

(Она повернулась и пошла прочь. Монах облизнулся, посмотрел

и вслед и пошел к помещению Иоганна. В это время на крыльцо вышел Георгий Скорина в докторской мантии, в берете. Из ворот выходит с толстой книгой под мышкой седой и величественный, как патриарх, рэб Нохим и направляется к крыльцу. Марта уходит.)

Георгий

Что рано так тревожите себя,
Почтеннейший рэб Нохим, милый друг?
Привет, привет от сердца!

Нохим

Как рано ни приду, всегда вы за работой,
Преславный доктор, словно жница в поле.
Привет и вам. Пусть бог продолжит годы
И вам и вашему потомству.
Ваш с греческого перевод
Сравнил с древнееврейским я.

Георгий

Ну как?

Нохим

Вы адекватны, доктор. Но сравненья
Вы вводите такие, о каких
То время не имело представлений.

Георгий

А смысл понятно я передаю?⁷⁰

Нохим

Смысл тот же самый.

Георгий

Например, рэб Нохим?

Нохим

Есть в «Книге царств»: ⁷¹ «И сотник их
Царю присягой завязал»...

Георгий

Да, слово «завязал» не то, конечно...
Но смысл доходит, Пусть так остается.
Еще?

Нохим

«И в радость их как бы иголкой ткнул».

Георгий

О, я хотел добавить «и в скулу»,
Чтоб тот, кто прочитает, сразу понял
Всю боли остроту, ее внезапность.
Еще?

Нохим

Вот тут: «Рабы верхом, бояре пеши».

Георгий

А что ж дурного тут? Ведь так и было.

Нохим

Бояр не знала старина.

Георгий

Пусть так,
Но современник знает их. Ему
Понятней станет справедливость кары
Не над печатником с названием неизвестным,
А над боярином, злодеем повседневым.
Я думаю, что в том и наша цель,
Чтоб не мужи науки, не магистры,
А весь народ, еще не просвещенный,
Мог понимать священное писанье
И отличать от кривды правду,
Мог знать ее законы и права,
Какие управляют нашей жизнью,
Чтоб философии науку добронравной
От Аристотеля⁷¹ до наших дней он понял.
И я хотел бы донести те мысли
До каждого, кто ту читает книгу.

Нохим

Какие ж это мысли, доктор?

Георгий

Любить свою Отчизну, свой народ,
Как пташка вольная гнездо свое,

Как рыба — реку, зверь — свою берлогу,
И охранять свой дом, как пчелы улей
Хранят от всех чужих и жадных лап.
Еще есть мысль о нужной всем работе,
Труде, несущем пользу для народа.
Трудиться надо, сколько хватит сил,
Чтоб, умирая, путь, пройденный нами,
Спокойно обозреть и так сказать:
«Да, жизнь моя не стала пустоцветом,
Мои посевы пожинают люди».

Нохим

Лишь в этом смысл и жизни и работы.

Георгий

Давайте подтвердим свой вывод притчей.
Люблю я притчи: в них сокрыта мудрость,
Как в самоцвете — красота и ценность,
Как золото — в земле, ядро — в орехе.
Пройдет и сто и тысяча годов,
А мудрость мудростью. Ее ни тля,
Ни тлен, ни время подточить не могут,
Цари иль сейм бессильны запретить.

(Скорина садится в свое кресло так, как это изображено на гравюре. Рэб Нохим и он углубляются в сличение переводов. Из своего дома выходит Штольц. Он заглянул через кусты на крыльцо и, видно не осмеливаясь сразу идти к Скорине, направляется к погребу.)

Штольц

Для смелости глотнуть пивца?
Как будто я вчера тут ключ оставил?
Нет?! И замок защелкнут? Что за чудо?
Неужто дома я тот ключ забыл?

(Возвращается в дом. За каждым его движением наблюдает со своего балкона побледневшая, взволнованная Марта. В это время быстро входит, вытирая лысину, Адам.)

Адам

День добрый, доктор. Я не к вам.
Я к пану Андржеяку на минуточку.

Штольц

Откуда же у вас мой ключ?
Его я зря все утро проискал.

Андржеяка

Бери, когда он твой, и уноси
Скорее ноги, а не то, герр Штольц...

(Штольц берет ключ, сходит с крыльца. Доходит до пристройки, машинально вертя ключ в руках. Марта пробирается за ним и наблюдает из-за кустов. Это замечает отец Симон и незаметно выходит, как бы задумавшись. Георгий меж тем усаживает гостей.)

Георгий

Вы мне простите, дорогие гости,
Что неожиданно беседа наша
Враждебной силой прервана была.
Я пью за то, чтобы преграду эту
Преодолели ум и терпеливость.

Микулаш Клавдиан

Пью за победу света я над тьмою.

Микулаш Конач

За солнца торжество над темной ночью!
Пойдем отсюда к бургомистру Праги,
Дадим письмо... Оно отсрочит плату.

Георгий

Тем временем я вызволю Романа,
И деньги будут. Наливайте чаши!

(Пока притихшие под тяжестью раздумий гости продолжают беседу, к Штольцу, стоявшему у сарая, подходит Адам; он не дождался Штольца в его доме и вышел во двор.)

Адам

Ну как, герр Штольц, купили дом?

Штольц

Я размышляю... что мне взять полезней:
Печатню с книгами иль этот дом?

А д а м

Листы у вас, а не у базилянцев?
Возьмите же и мой. Проценто́в десять скину.

Ш то л ь ц

Нет, рэбе, скинешь семьдесят. За это
Попотчую тебя я добрым пивом.

(Она идет к погребу, за ним бежит Адам, пытаясь что-то сказать.
Марта схватилась за сердце, к ней кинулся отец Симон.)

О те ц Сим он

Да что с тобою, дочка? Нездорова?

Ма р та

Нет... я здорова. Воспомнила я только...

(Она ищет подходящего объяснения, но не находит ничего, кроме
индульгенций, которые шуршат за ее корсажем.)

Возьмите индульгенции. Достала

Я у монаха-базилянца их

По вашей просьбе для Дароты... в Вильну...

(Отец Симон берет индульгенции, и это отвлекает его мысли, тем
более что за столом он хватил лишнее.)

О те ц Сим он

Ну вот, теперь возможно стало бабе

Хотя б епископа зарезать: грех прощен.

И это вера? Тьфу! Приедет Товий —

С ним перешлю я старой дуре. Тешься!

И все за то лишь, что порою чарка,

Когда душа томилась, от Дароты

И мне нет-нет перепала.

(Прячет индульгенции.)

«За малый грех». «За грех побольше». Тьфу!

(За столом вновь завязывается беседа. Вацлав Соба поднимает
чарку.)

Ва ц л а в Со ба

Сражались под Грюнвальдом мы бок о бок

Против захватчиков немецких, словно братья.

Пью за семью славян, за дружбу в нашем доме.

Георгий
День добрый, Адам. Андржеяка!
К тебе рэб Адам на минуту. Выйди!
(Входит Андржеяка. Адам тянет его в сторону.)

Андржеяка
Как изменился ты в лице! В чем дело, рэбе?

Адам
Тс-с-с!
(Еще дальше отводит его в сторону.)

Андржеяка
Как же это так?

Адам
Да так!
От вас пошел я к Ицке.

Андржеяка
Так и знал!
Болталивее ты бабы. Ну так вот:
Все, что я одному тебе сулил,
Я поделю на сотню Ицек, что придут
Вослед за рэб Адамом...

Адам
Не придут.
Обегал всех. Они листы продали.

Андржеяка
Кому?

Адам
Не говорят. Им запретили.

Андржеяка
Но ты узнал?

Адам
Коль пан мне обещает
На исповеди не сказать ксендзу
И выплатить все то, что он мне должен...

А н д р ж е я к а
Я слово дал. А кто ж сегодня
Отнимет половину?

А д а м
Базильяницы.

А н д р ж е я к а
(задумался)
Да, это сильный враг. Но слушай, брат,
Найди, кому б я мог продать мой дом.

А д а м
Я поищу. И я найду позднее.
(Он постоял, пошел, потом завернул в калитку между дворами
и направился к Штольцу.)

А н д р ж е я к а
Бой начинается. Держись же, Андржеяка!
(В это время к воротам подходит работник, везущий на дву-
колке книги. отец Симон и трое пражских ученых: Вацлав
Сова,⁷³ Микулаш Кбнач⁷⁴ и Микулаш Клавди-
ан.⁷⁵ Отец Симон широко раскрывает ворота.)

О т е ц С и м о н
Прошу, прошу вас, гости дорогие!

В а ц л а в С о в а
Неловко как-то в рань такую...

М и к у л а ш К л а в д и а н
Пан Скорина, давнишний мой коллега,
Издатель, доктор и ученый,
Я думаю, привык. Он за работой.
День добрый, наш собрат преславный!

(Скорина выходит им навстречу. Андржеяка, поклонившись
гостям, выходит.)

Г е о р г и й
Бог милость оказал мне. Он послал
Мужей высоких, всеми чтимых в Праге,
В мой скромный дом. Я рад

Приветствовать вас с добрым утром!
Вас, пан Вацлав, чья библия была
Источником главнейшим, основным
И текстов и печатного искусства.

Вацлав Сова

Приятно слышать, славный Скорина,
От вас хвалу такую и сказать,
Что ваша библия, хоть дочь моей,
Но мать свою далеко обогнала.

Георгий

Привет, Микулаш Конач, друг мой,
Преславной Чехии поэт славнейший!
По вашей «Хронике» и по стихам
Учился я любить великий разум
Великого нам братского народа.

Микулаш Конач

Как мы по вашим книгам, доктор,
Русь Белую, отчизну вашу.

Георгий

Микулаш Клавдиан, и вас от сердца
Готов обнять как медика-собрата
И как издателя, чей труд достойный
Меня волнует до глубин души.

Микулаш Клавдиан

Да, скромность украшает человека.
Но не свершили мы и половины
Того, что вами сделано. Пришли
Мы вас с успехом поздравлять сердечно.

Микулаш Конач

Да, да, почтенный доктор. Посмотрите!
Здесь, в Праге Чешской, за последний год
Мы, чехи, книг почти не выпускаем.
А он пришел... и сколько книг уже?

Георгий

Под два десятка будет,

Микулаш Конач

Дай обниму тебя. К чему нам блеск речей!
Как сына обниму. Мне, старику, приятно.

Георгий

С великим удовольствием, учитель.
Не захвалите только. Поелику
Ничем еще мы послужить не можем
Простому люду на родной Руси.
Вот эти книжки — плод работы нашей —
Приносим в дар. Я знаю, что пан Сѡва,
Возможностей здесь, в Праге, не имея,
Сам библию свою в Венецию повез,
Чтоб напечатать там, и что мужи
Старинной славной Праги в том труде
Ему все помогли. Его следами
И я пошел. Я знаю, что пан Конач
Там, у Гелцля, в Нюрнберге напечатал
Для общей славы чешского народа,
И я — ваш ученик.

Микулаш Конач

Дай бог таких учеников побольше!
Тогда и нам, наставникам, нашлось бы
Что перенять от их ума, искусства.
Взгляните-ка на литеры. Таких
Красивых я нигде еще не видел.
Взгляните, братья, сколько новизны
В печатню ввел Францишек Скорина!
Страницы вот — печатникам в пример —
Пронумерованы, стих от стиха отбит
Чертой двойною, чтобы было легче
Читать и разуметь их сенсум.
Заставки дивные. Издателя портрет!
Откуда мастера такие, сын мой?

Георгий

Помощник мой и друг мой, Товий.

Микулаш Клавдиан

Его здесь нет?

Георгий

Сейчас он в Вильне.

Я сам немного этому искусству
Мог научиться, братья.

Вацлав Соба

«Немного» ваше «многим» мы считаем
Средь очень, очень многих. Предрекаю,
Что на искусных книгах Скорины
Учиться будут и в Европе. Он
Войдет в века примером честных дел,
Любви к труду на пользу просвещения.

Георгий

Моих трудов здесь мало. Отче Симон,
Наставник мой, — вот золотые руки!
Никто на свете так не постигал
Великой красоты и мастерства
Книгопечатанья. Ведь он вложил
В него всю душу.

Отец Симон

(который все время помогал работнику переносить книги)

Не хвали чрезмерно,

Не то ты сглазишь.

(В это время Андржеяка с Мартой вносят поднос
вином и закусками.)

Георгий

Вот мой помощник, третий мой товарищ,
Что все дела ведет нам по печатне.
И день и ночь не спит он за работой,
Мой Андржеяка. Вот его сестра,
Хранитель-ангел наш. Она, как мать,
Снимает с нас все хлопоты по дому.
Прошу садиться всех, друзья, за стол.
Чем бог послал! Хочу отметить праздник
Нашей встречи.

(Андржеяке и Симону)

Вы садитесь тоже!

А н д р ж е я к а

(увидав, что Конач хочет поставить на место книгу, которую он разглядывал)

Позвольте, я поставлю.

(Пока рассказываются и наливают чарки, он ставит книгу и роняет полки ключ. Марта вздрогнула, потому что увидела, что с крыльца направляется Штольц, вышедший из своих дверей.)

А н д р ж е я к а

(нагибается и поднимает ключ)

Откуда взялся этот ключ? Ты, Марта,
Не знаешь, как сюда попал он?

М а р т а

(испуганно)

Я не знаю.

(Входит Штольц.)

Ш т о л ь ц

Гут морген, доктор и почтенные мужи!

Г е о р г и й

Герр Штольц, гут морген! Попрошу к столу.
Садитесь тут, сосед.

Ш т о л ь ц

Но я по делу к вам, герр доктор.

(Андржеяка направляется к нему, держа ключ в руках. Штольц смотрит на ключ, но до его сознания еще не доходит, что это за ключ.)

А н д р ж е я к а

Быть может, мы, герр Штольц, отложим дело,
Поговорим о нем потом?

Ш т о л ь ц

Ну нет!

Иду я к адвокату предъявлять
Заемные листы, что вами, доктор,
Подписаны у разных кредиторов.
Их срок окончился. Коль я сполна
Не получу долгов, то наложу я
Арест на книги ваши и печатню.

Андржеяка
Откуда же листы?

Штольц
Скупил.

Андржеяка
Зачем?

Штольц
Для дела.

Георгий
(гостям)
Прошу, друзья, спокойно подкрепляться.
Простите, я сейчас.
(Выходит из-за стола.)

Микулаш Клавдиан
Костел немецкий,
Я руку узнаю твою, которой
Ты тянешься сейчас к славянской глотке.
Не так давно архиепископ Майнцский
Печатать книги строго запретил
Для Чехии, издателю грозя
Изгнанием из Нюрнберга. В Праге
Его запрет уж силы не имеет,
Так вот они находят ход другой.

Георгий
(разглядывая предъявленные векселя)
Я вижу, здесь все правильно, герр Штольц,
Я оплатить могу их... чрез полгода.
Частично даже раньше. Как попали
К вам в руки эти векселя
С бумажной фабрики из Аугсбурга?

Штольц
Вчера мне их привез герр Шульц
Из Аугсбурга с партией бумаги.
Бумагу я забрал себе, в виду имея,
Что оплатить ее теперь вам нечем.

Г е о р г и й

Но я бумагу оплатить обязан.
Я в Аугсбург по этому листу
Платить послал племянника Романа.

Ш т о л ь ц

Племянник ваш в тюрьме.

Г е о р г и й

Роман? В тюрьме?

Ш т о л ь ц

Шонтнергеру, владельцу, выдан лист
От адвоката в Риге.

Г е о р г и й

(хмуро, подумав)

Сам поеду.

Ш т о л ь ц

Коль не задержит вас до выплаты долгов
Тюрьма, о чем я позабочусь.

А н д р ж е я к а

Возьми же, алчная душа, мой дом.
Возьми в заклад иль просто так, навечно.

Г е о р г и й

Нет, нет, мой друг! Зачем? Ведь он не твой.
Он ваше с Мартой общее владенье.

М и к у л а ш К о н а ч

Мы поручительство готовы дать.

Ш т о л ь ц

К чему? Имущества у вас ведь нет.

А н д р ж е я к а

Иди отсюда, Штольц, иначе
Вот этим я ключом пробью твой череп.

(Тут только дошло до Штольца.)

Микулаш Конач

За лучшего, мудрейшего средь нас,
Чистейшего, как ключ прозрачный, человека,
Трудолюбивейшего между слуг народа,
Печатника, врача — Францишка Скорину!

Георгий

Я так польщен, наставники мои,
Тем, что вы говорите о народе
Моей отчизны. Я прошу на память
По книге взять вас. Выбирайте.
Я напишу на них... Не мог оттиснуть
Я по причинам ясным: «Книга эта
Оттиснута с подмогой братства Вильны,
Богдана Онькова и Бабича Якуба».

(Пока он делает надпись, из погреба выбегают страшно
испуганные Штольц и Адам.)

Штольц

Мой бедный Шульц... Убит он и запрятан
В моем подвале... Ключ мой был у них.
Они, они, проклятые славяне!
Рэб Адам, будь свидетелем... Постой!

(Бросается за ворота. Адам за ним, потрясая руками.)

Адам

Герр Штольц, на черта я тебе свидетель?

(Марта беспомощно опустилась на землю. Отец Симон вновь
наклонился к ней и, видимо, понял, в чем дело.)

Отец Симон

Тебе опять так плохо? Дать воды?

(Марта отрицательно качает головою.)

Ох, девки, девки, будет ли когда
На вашу доверчивость и дурость
Узда надежная?

(Марта заплакала.)

Не плачь! Брат знает?

Марта

Я никому не говорила. Срам!
Уж лучше Влтава!

Отец Симон

Цыц, дурная!

Скажи к кому — и я пойду за свата.

Да только кто? Ума не приложу.

А может, он... Георгий? Что молчишь?

(Марта, ничего не отвечая, встала и, плача, вышла.)

Не может быть, чтоб сын духовный мой...

Хотя... уж лучше б лопнул ты, сынок!...

Да, в тихой заводи чертям раздолье...

(В это время возвращаются Штольц и с ним несколько монахов-базильянцев. Видимо, он встретил их по дороге: они шли искать Шульца, направленные Базилием по приказу Иоганна Шпилера.)

Отец Симон

Разбегалась здесь что-то немчуря.

Напиться б мне теперь!... Кричат они...

Штольц

Отцы святые, вот прошу сюда,

В подвал. Тут кто-то спрятал тело

Покойника герр Шульца. Этот ключ

Нашел я при свидетелях в руках

Соседа Андржеяки на балконе.

А кто убийца, я... нет, я не знаю.

Монах

Идите к ним, а я зайду за шпагой

Герр Иоганна... Возьму и к вам приду.

(Вся толпа монахов вместе со Штольцем вваливается на балкон. Ученые поднялись им навстречу. Подошел отец Симон.)

Отец Симон

Как воронье слетелись. Для чего?

Штольц

Зову в свидетели, отцы святые! Ключ

Из рук твоих я взял, сосед,

Сегодня утром.

Андржеяка

Из моих. А что?

(Монах Базилий со шпагой спускается сверху и присоединяется к остальным.)

Штольц

Вы слышали?

Монахи

Да, да.

Штольц

Ключом закрытый погреб...

Андржеяка

Что, обокрали?

Штольц

Нет!

Андржеяка

Что ж вы кричите?

Штольц

Да там, в подвале, Шульц!

Андржеяка

Ну, значит, он залез и попросил замкнуть.
А кто замкнул, спросить вам надо Шульца.
Мне ж любопытно будет знать, зачем
Он ключ засунул между книг?

Штольц

Герр Шульц убит и в погребе заперт.

Андржеяка

Об этом я сейчас впервые слышу.

Монах

Ты дома ночевал?

Андржеяка

Нет, там, в печатне.

Монах

А кто же дома ночевал у вас?

Г е о р г и й

Я дома ночевал и Марта... в этом доме,
А в доме том... герр Штольц, наверно, знает,
Кто ночевал, кроме него и гостя.

М о н а х

И вы не слышали ни криков, ни мольбы?

Г е о р г и й

Три ночи я без сна. И спал я как убитый.

М о н а х

Где Марта?

(М а р т а входит.)

М а р т а

Тут, отец святой.

М о н а х

Ты знаешь этот ключ?

М а р т а

Теперь я знаю.

М о н а х

Каким же образом он к вам попал?

М а р т а

Его я положила. Утром рано
Узнать хотела, чей. Я ночью не спала
И ничего не слышала. Ну, все?

М о н а х

А слышала — скрипели половицы
И доктор ночью по двору ходил?

М а р т а

Нет, я не слышала, хотя и не спала.

М и к у л а ш К о н а ч

На доктора взводить поклеп вам стыдно!

Монах

Кому, как не ему, в убийстве
Герр Шульца есть корысть? Я предлагаю
Арестовать его и отвести в тюрьму.

(Не дождавшись ответа, он вынимает шпагу.)

Марта

На шпаге кровь...

(Монах растерялся, поднял шпагу. Все видят кровавые пятна.)

Микулаш Клавдиан
Откуда эта кровь?

Монах

Не знаю, шпага не моя. Несите
Сюда вы шпагу доктора. Она —
Увидите — в крови такой же.

(Не медля ни минуты, принесли и обнажили шпагу Скорини.)

Микулаш Клавдиан
На шпаге кровь. Откуда же, Францишек?

Георгий

Не знаю, я ее не вынимал,
Наверно, года три.

Марта

Откуда? Знаю.

Сегодня резала я петуха.
Он вырвался. И шпага тут была —
Хотела я ее почистить, — я схватила
И шпагой доколола. Там петух
Сейчас лежит.

Микулаш Клавдиан
Давайте шпаги!

Идем, отцы святые, в магистрат.
Вы, Вацлав Соба, оставайтесь тут,
Чтоб ничего не трогали, покуда
Не явятся к ним власти. Ну, идем!

(Он выводит всех, кроме Скорини и отца Симона. Марта тоже

порывается идти со всеми, но только для того, чтобы задержать монаха. Вацлав Сова пошел осмотреть место происшествия.)

Марта

Святой отец, минутку...

(Тот останавливается.)

Иоганн где?

Монах

Тю-тю твой Иоганн. Поминай как звали.
Сейчас стремглав он мчится за рубеж,
И ты его уж больше не увидишь.

Марта

А он же клялся, что меня не бросит.
Он обвенчаться обещал.

Монах

Ха-ха!

(Марта возвращается. Она падает на колени перед Скориной.
Он поднимает ее.)

Марта

Простите мне, Францишек, что хотела
На вашу честь я посягнуть!

Георгий

Кто научил тебя? Не Иоганн?

Марта

Он.

Георгий

И шпага... Иоганна?

Марта

Его. Но я

Вас умоляю... Вы ему не мстите.

Отец Симон

(хлопнув себя по лбу)

Ах, старый я осел! Что я подумал!
Прости и мне, Георгий, заодно.

Георгий

За что?

Отец Симон

За дурость головы моей.

(Входит Вацлав Сова. Марта вышла.)

Вацлав Сова

Все обошел, проверил я, продумал,
И я пришел сказать тебе: Георгий,
Ты должен сразу выехать из Праги.
Не для того так круто заварили
Здесь базильянци кашу, чтоб отстать.
Они добьются — будешь ты в тюрьме.

Георгий

Но докажу свою я невиновность.

Вацлав Сова

Я в том уверен, но пока да что
Они растащат всю печатню, книги,
А имя чистое обмажут дегтем.
Сам посуди, покуда нет приказа
Не выезжать, ты можешь делать все.
Ты выехал. Они пришли с приказом.
Но нет ответчика, и надо ждать
Суду поры, когда приедешь ты.
А ты тем временем достанешь деньги.
Мы ж дело выясним с убийством Шульца.
Суду докажем правду без тебя.
Что лучше — иль в тюрьме пробыть год-два
И, врагов разбивши на суде,
Прийти сюда, чтоб не найти ни щепки,
Или пробыть на воле, накопить
Побольше сил и средств, чтоб двинуть дело
И в руки врагу его не дать?

Георгий

Конечно, дело тут всего важнее.
Поеду в Аугсбург, потом и в Ригу,
Романа вызволю, добуду деньги...
Так, отче Симон?

Отец Симон
Да, благословляю.

* Георгий

А там... приедет Товий, частью суммы
Заткнет он глотку Штольцу. Остальное —
На тайный перевоз печатни в Вильну
И этих книг... И всей бумаги,
Какую можно будет вам купить.
А в Вильне все по моему приказу
Уж должно готово быть для дела.
Я ждал лишь Товия.

Вацлав Сбова
Спеш! Коней достану.

Георгий

Да я готов, мне не впервые ехать,
Идти иль плыть — ведь вся земля мой дом,
А разум — скорб: покормит он, напоит.
Да только вот что, отче Симон... Товий
Доставить может весть от Маргариты...
Коли такую, что мне нужно знать...

Отец Симон
Найдем, кто мог бы сообщить тебе.

Георгий

Благодарю. Пусть ей доставят книгу
Вот эту. Здесь, на первой из страниц,
Христос венок на деву возлагает.
Заставка. И она поймет.
Свет огрубел. Оратаи потребны,
Чтоб распахали сердца целину
И плевелы сожгли огнем науки.
Она рождается в тяжелых муках,
И эти боли слышим мы. Пускай же
Нас утешает мысль о том,
Что будет свет и сгинет тьма!
Благослови в дорогу нас, отец!

Отец Симон

Во имя бога нашего. Аминь!

(Скорина и Вацлав Соба уходят. Отец Симон подошел, выпил чаалом чарку, сел и постукивает пальцами по столу, на котором стоят песочные часы. Свет на некоторое время гаснет — отец Симон сидит в той же позе, но из часов, которые он поставил перед собой, вышел весь песок: прошло добрых полсутки.)

Входит Товий — как был с дороги.)

Товий

Ну, вот и я! Здоров будь, отче Симон!

Отец Симон

(удивленно и обрадованно)

Ты, Товий?

(Поднимает руку и крестит его.)

Ну, во имя отца, и сына, и святого...

(Вспомнив, что перед ним иноверец, останавливается.)

Тьфу!

Товий

Крести уж до конца, мне все равно!
Там, в Вильне, друг, мои единоверцы
Меня на суд тянули в синагогу,
Чтоб надо мной проклятие читать...
Я вырвался, один кафтан остался...
Вот чудак! Ужель разумный бог
Осмелится делам перечить добрым?
А доктор где?

Отец Симон

В Неметчину поехал, чтоб ей пусто!

Товий

В Неметчину? Зачем? Повез,
Быть может, книги на продажу?

Отец Симон

За книгами и за печатней нашей
Сейчас сюда, брат, немцы приходили
И базильянцев лютая орда,
А с ними Штольц, сосед. Скупили
Они на нас заемные листы.

Товий

Я так и знал, что вы тут сели в лужу.

Отец Симон

Чему же радуешься ты, болван?

Товий

Тому, отец, что в Вильне кредиторам
Не дал ни грошика, хотя в колодки
Меня забить уже хотели. Всё
Привез сюда! Гляди, брат-отче!
Мех серебра, мех золота, а вот
Подарки Маргариты — кольца, броши...
Дароты даже золотые сер...

Отец Симон

Дароты? Стой, пока я не забыл.
Возьми вот это для Дароты... глупость,
Из Рима — индульгенции. Прощает
Ей папа несвершенных два греха.

(Он с явным отвращением вытаскивает из кармана за уголок
индульгенции и передает Товию. Тот берет их и прячет.)

Товий

Ого! Она справлялась и о них.
Вот видишь, отче, спутали богов мы.
Ты Езусу помог, а я — Христу.

Отец Симон

Я сколько раз просил...

Товий

Ну-ну, не буду.

Отец Симон

Убив кого-то, базильянце труп
Подкинули в подвал соседу Штольцу,
А ключу-лику спрятали меж книг
Георгия, как будто он — убийца.

Товий

И небо гром не ринуло на них?

Отец Симон

На этот раз стерпело. Словно братья,
Взялися чехи суд и дело кончить.
Пока же, чтоб не быть в тюрьме,
Георгий спешно должен был уехать
И приказал нам: тайно ото всех
Шрифты и книги переправить в Вильну.

Товий

Ну что же — в Вильну, так уж в Вильну,
Хотя там мне довольно круто будет.

Отец Симон

Что в Вильне?

Товий

Ничего. Там все готово.
Дароты дом нас ждет. Но ждут и псы
Цепные. Первый же из них — Адверник.

Отец Симон

Как Маргарита?

Товий

Цветок ты видел, отче, в день осенний,
Когда под заморозком все увяло,
А он один, живой едва ль не чудом,
Все к солнцу тянется и лепестки
В лучах купает поздних и прощальных?
Вот это — Маргарита, отче Симон.

Отец Симон

Ее ты видел?

Товий

Только раз.
Муж к матери ее не отпускает.
Ее парсуну я намалевал.

(Достает медальон и показывает.)

Ночи напролет сидел я за работой,
Она ж, как диво дивное, стояла
В глазах и в памяти. Ой, отче, отче,

Ты знал ли боль, мучение и сладость
Любви, от всех укрытой, безнадежной? ..

Отец Симон

Ты что — сдурел, иль был таким с рождения?
Молчи, опомнись. Как ты мог об этом
Подумать! ..

(Взволнованно ходит взад и вперед.)

Про Романа ты слыхал?

Товий

Иван, брат старший, сам поехал в Ригу,
Чтоб выручить Романа. Взяли немцы
Заложником там, в Полоцке, его.

Отец Симон

Что выдумал, безмозглый! Ты?! Он любит!
Не ел с дороги? Стой! Покличу Марту.
(Он выходит, возмущенно бормоча что-то под нос.)

Товий

Я выдумал? .. Любовь, как рок,
Пришла сама пыланием пожара,
И душу мне, и сердце охватила,
И горе стало радостью моей.

(Входят Анджеяка и Штольц.)

Анджеяка

А, Товий? Добрый день! Где доктор?

Товий

А что?

Штольц

Вот вызов в суд, арест на всю печатню.

Товий

Дай поглядеть.

(Берет и, не читая, рвет на клочки.)

Францишек уж далеко.

Арест снимаю я вот этим. Видел?

(Показывает привезенные деньги. Входит отец Симон.)

Отец Симон
Там... Марта мертвая... лежит...

Андржеяка
(растерянно)

Как? Что ты?

Отец Симон
(глядя на Товия)
«Мученье, боль и сладость
Любви, от всех укрытой, безнадежной...»

Андржеяка
Кто?

Отец Симон
Иоганн!

Штольц
Иоганн на дороге в Вильну.

Андржеяка
Я догоню его — и вырву сердце
Сам из груди его волчиной!..
(Быстро убегает. Занавес тихо опускается, скрывая искаженные
горем лица отца Симона и Товия.)

ЗАНАВЕС

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Георгий Скорина.
Маргарита.
Арина, ее бывшая мамка.
Товий.
Отец Симон.
Скоморох.
Якуб Бабиц.
Иоганн фон Шпилер.
Роман — племянник Георгия.
Петр Мстиславец — юноша, ученик Скорины.
Прося — любимая им девушка.
Старуха — женщина в тюрьме.
Начальник тюрьмы.
Судья.
Сторож.
Ян — епископ Виленский.
Мартын Субачович — зять Дароты.
Микола Чупрына — ее племянник.
Монах.
Гости Скорины и две «тени» в саду.

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Полукруглая камера в тюремной башне небольшого провинциального городка в Германии. Мрак в окнах камеры разрывается время от времени далекой молнией, и тогда доносятся приглушен-

ные расстоянием раскаты грома. По ним можно догадаться, что гроза понемногу надвигается на городок. В свете молнии вырисовывается убогая обстановка камеры: стол, две табуретки, солома на полу, католическое распятие с небольшой лампадой в простенке между окнами. Над распятием — вбитое в стену массивное кольцо, к которому прикована цепью старая седая женщина, одетая в лохмотья. Она, скорчившись, лежит на соломе, вздрагивает и крестится при вспышке молнии. Посреди камеры на табуретке сидит Георгий Скорина. Он погружен в размышления и тихо как бы говорит сам с собой.

Георгий

Вот вспыхивает свет в тьме отсыревших туч.
Все озарив на миг, он тотчас угасает...
Кто высек из кремня его и погасил?
Иль прав был Гераклит: ⁷⁶ весь мир наш — свет,
Единый из всего, никем не сотворенный —
Ни богом, ни людьми, — что был и будет вечно.
Воспламеняется он сам собой и гаснет
В согласии с законами своими,
Неведомыми человеку. Тайна тайных!
Когда ж взлетит за тучи разум наш,
Когда же с шеи он тяжелый скинет камень,
К которому людьми же и прикован,
Благословляющими тьму и ношу горя?
Скалу я как-то видел. На нее
Зерно упало в трещину глубоко
И разломило камень, ставши дубом...

(Новый удар грома. Старуха перекрестилась, звеня цепью.)

Старуха

Спаси меня, пан Езус, за молитвы
Моих родителей...

Георгий

(оторвался от своих дум, поглядел на нее)

Боишься смерти?

Старуха

Боюсь, пане.

Георгий

Кто ты? Католичка?

Ты в рай и в пекло твердо веришь?

Старуха

Во все, что ксендз нам говорил, я верю.

Георгий

Не бойся смерти. Смерть — нам избавленье.

Старуха

А может, там такие ж, как и тут,
Земные судьи? Может, не поверят,
Что на земле не делала я злого?

Георгий

За что же бросили тебя в темницу?

Старуха

Как будто ведьма я. Не бойся, человеке,
Какая ж ведьма я?

Георгий

Я не боюсь. Я вижу.

Старуха

Пырнула дочь моя епископа ножом. . .
К нам каждый год он ездил за побором,
Брал двух волов, овечек и себе
Брал девушку, какая приглянулась.
И выбор на мою Сусанну пал. Позвали
Меня к канонику. На кухне задержали. . .
Ее покликали. Прошел и час. . . и два. . .
Как кружит чибис над своим гнездом,
Во тьме блуждала я. . . Сама не помню,
Как нож я подняла, когда ее связали.

Георгий

При чем же колдовство?

Старуха

И я скажу: при чем?

Георгий

А что ж они?

Старуха

Да говорят, что я нарочно дочку
К епископу отправила, чтоб кровь
Его на зелье взять, что нож
По воздуху я ей в постель послала,
Что не было при ней ножа, что после
В крови его мне вынес змей треклятый.

Георгий

А как же ты сюда попала?

Старуха

Люди

Мне помогли отсюда убежать.

Георгий

А что же с дочкой случилось?

Старуха

Я не знаю.

Она у них. И, может быть, господь
И покарал меня за то, что не осталась...
Искала правды я, спасти хотела дочку...
Скорей бы суд!.. Я на себя вину возьму,
Сусанна будет жить. Неужто сердца
Им не дал бог?

Георгий

Должно быть, бог скормил их сердце волку.
Епископу одно попало невзначай.
Судить тебя, должно быть, в замке будут?

Старуха

Сказали — не сегодня суд, так завтра.

Георгий

Коль не сегодня — завтра, говоришь ты? Та-а-к!
Ты не боишься лютеран?

Старуха

Они же помогли мне... Свят, свят, свят...

Георгий

Еще помогут. Ты ведь им нужна,
Против епископа свидетель ты. Эй, сторож!

Сторож
(входит)

Что нужно?

Георгий

Скоро ли ее должны,
Не знаешь ли, к епископу отправить?

Сторож

Соседка беспокойная, как вижу.
Коль не гроза, отправили б сегодня.
А так, пожалуй, завтра рано утром.

Георгий

Зови ко мне начальника тюрьмы!

Сторож

Он тут как раз. Недолго и позвать.
(Выходит.)

Георгий

Ну, слушай же, что я ему скажу...
Нужна тут хитрость. И, коли удастся, —
Вооруженных не страшись людей,
Что ночью нападут на твой конвой:
То — избавители.

Старуха

Спаси вас боже!

(Скорина достает и зажигает серную спичку. Она скоро гаснет.
Входят начальник тюрьмы и сторож.)

Начальник тюрьмы

Меня вы звали? Что вам нужно?

Георгий

Известно вам, что доктор я?

Начальник тюрьмы
Известно.

Георгий
Так вот, она умрет сегодня ж, если вы...

Начальник тюрьмы
Того не дай нам бог. Ведь за нее
В ответе я своею головою.

Георгий
Латынь вы знаете?

Начальник тюрьмы
Не знаю.

Георгий
Так вот рецепт лекарства по-латыни.
(Пишет и отдает.)
Пошлите сторожа... кого-нибудь...
К аптекарю, что у костела справа,
Где я заночевал.

Начальник тюрьмы
Пошлю.
(Передает рецепт часовому.)
Пойдет помощник.

Часовой
Я исполню все.
(Выходит.)

Георгий
Да, вот еще. Пришлось читать мне в книге,
Что где-то в Кельне, ночью, в бурю;
Такой был случай. Содержали
В тюремной башне ведьму...

Начальник тюрьмы
Так, как мы.

Георгий

Она почувствовала близость смерти.
А ведьмы смерть страшна: сам дьявол
За жертвою своей приходит в бурю,
А вслед за ним гроза и гром идут.

(Близкий удар грома. Молния. Башня задрожала. Начальник тюрьмы крестится.)

Был там монах, он всем успел сказать,
Что слышит крыльев Вельзевула шорох,⁷⁷
Что чует запах серы.

(Начальник тюрьмы невольно начинает принюхиваться.)

Дал совет он,
Не медля ни минуты, эту ведьму
Отправить из тюрьмы — иначе
Сгорит тюрьма до основанья. Понял?

Начальник тюрьмы
Я понимаю, доктор. Но скажите,
Не чует нос ваш, что здесь серой пахнет?

Георгий

Я потому вас и позвал, что чую
И серный дух и крыл как будто шум...

Начальник тюрьмы
Пойду к судье. Пускай ее отправит
Скорей от нас подальше. Часовой!
(Входит часовой.)

Садись вот тут, а я пойду к судье...
Глаз не спускай с нее, крести, коль надо.

(Начальник тюрьмы быстро выходит. Часовой усаживается на табурет, поставив его около двери.)

Георгий

Послал к аптекарю?

Часовой

Послал.
Скажи теперь мне, чернокнижник...

Георгий

Я светлых книг знаток и созидатель.

Часовой

Я слышал, как какой-то базильянец
Судье однажды про тебя сказал,
Что ты и чернокнижник и убийца.

Георгий

А ты всегда монахам веришь?

Часовой

Черт им верит!
Однако, доктор, разъясни-ка мне.
Вот люди говорят, что близко царство
Распятого за нас на тысячу годов,
Что замки будут скрыты, и не станет
Ни богачей, ни бедных... Правда это?

Георгий

Коль люди захотят, то будет правдой,
Коль перестанет делать человек
Другому то, чего себе не хочет.
Ведь не хотел бы ты на месте быть старухи?

Часовой

Избави бог! Ведь это ж ведьма!

Георгий

А может ведьма крест святой носить?

Часовой

Конечно, может — для отвода глаз.
Монах сказал, что это и не крест,
А кость летучей мыши. Мы не видим —
Затем, что нам глаза отведены.

Георгий

А в чем тогда ты разницу находишь
Между монашенкой и ведьмой?

Часовой

Ни в чем. Вот наша аббатиса
С любовником сбежала. Монастырь
Покинула. Ну чем не ведьма?

Георгий

А коли так, то почему ж тогда
Не сжег епископ этот монастырь?

Часовой

А я б их сжег! Плодят одно распутство.
Служить в монастыре пришлось мне как-то.
И столько в нем монахов рыжих было,
Что население рядом стало рыжим.
Я б приказал: женить их по закону,
Чем позволять людям им в грех вводить.

Георгий

Ты приказал бы и не тратить деньги,
Добытые слезами, кровью, потом,
На роскошь в украшении костелов?

Часовой

Да, приказал бы. Богу все равно ведь,
Крест золотой там или деревянный.
Ведь был и сам он распят на кресте
Обычном, деревянном. Сам ведь он
На тайной вечера ел деревянной ложкой
И воду пригоршней из Иордана пил.

Георгий

(подсказывает)

Рабов ведь не имел он? ..

Часовой

Не имел.

Георгий

(подсказывает)

И он богатств себе не собирал? ..

Часовой

Наоборот, велел раздать богатство
И есть в поту свой хлеб...

Георгий

(подсказывает)

Как ест епископ?

Старуха

Наш пот кровавый ест — зерна сто бочек,
По два вола берет, гусей, овечек
Без счету, а себе для блуда
Последних дочерей...

Георгий

Скажи, старик, мне.

Коль сам ты богом был бы, ты кого бы
Отправил на костер: старуху эту
Или епископа?

Часовой

Бог сам рассудит.

Меня в грех не вводи.

Георгий

Постой!

Тебе ведь ведомо, что папа Юлий
Мечом свое земное царство ширил,
С мечом же и погиб. Апостол Петр
В рай не хотел и допускать такого.
Тот на апостола пошел с мечом,
Накинулся: «Давай дорогу!»
Ты знаешь ведь, что папа Лев Десятый⁷⁸
Богаче был любого короля.
Он сам открыл дома распутства в Риме,
И тысячи семейств уничтожает
Гнилая хворь, посеянная им.
Навряд католиком ты был бы, если б знал
Про это все...

Часовой

Куда б тогда я делся?

Георгий

Ты б к Лютеру⁷⁹ пошел.

Часовой

А он что скажет?

Георгий

Вот то же, что и ты. За это,
Когда б услышал то судья или епископ,
Ты завтра же сгорел бы на костре.

Часовой

За что? За то, что повторил
Я лишь слова Христовы?

Георгий

Вот за это.

Часовой

Да как же это так? Выходит...

Георгий

Выходит, что когда ты жаждешь царства
Распятого за нас, когда ты душу
Не хочешь в адской утопить смоле,
Не помогай тому, кто божьим словом
Скрывает дьявола дела, прикрыв крестом
Вампира сердце — всех грехов гнездо.
Не дьяволу помощник будь — Христу,
Не на костер невинных, а на волю
Веди — и душу тем свою спасай!

Часовой

Давно про это сам я думал, доктор.
(Прерывая их дальнейшую беседу, входят судья
и начальник тюрьмы.)

Судья

Клянусь святым Францишком, я тревожить
Себя не стал бы по такой погоде,
Когда бы не епископа приказ
К утру доставить ведьму. Звездочет
Какой-то гороскоп ему составил,
Что будет жить еще он сто годов,
Когда ее сожжет он завтра утром.
Монах им прислан.

Отцепить ее!

(Старуху освобождают от цепи, которой она прикована к стене.
Случайное совпадение: как раз в эту минуту раздается оглуши-

тельный удар грома. Испуганный начальник тюрьмы пытается вытолкнуть старуху.)

Начальник тюрьмы
Скорей ее отсюда, а не то —
Тюрьма вся рухнет в пекло, пан судья!
(К часовому)
Ты едешь с ней.

Часовой
Я старшим не поеду.

Начальник тюрьмы
Монах с тобой поедет. Сын мой тоже.
Он передаст ее епископу.

Часовой
Я еду.
Ну, до свиданья, доктор!

Георгий
Добрый путь!

(Старуха, гремя оковами, поклонилась Георгию, что-то шепча одними губами, и он ответил ей кивком. Начальник тюрьмы вынужден был идти вслед за заключенной. Судья, преодолев свой суеверный страх, остался.)

Судья
(пытаясь шутить)
Видать, судье и самому придется
В тюрьме сидеть, пока не минет буря.

Георгий
«Не отрекайся от тюрьмы, сумы», —
Так говорят у нас на Белоруси...
Неужто ваша совесть спит спокойно,
Отправив без вины на казнь старуху?

Судья
Дед и отец мой судьями служили.
Они, как заповедь, мне передали:

«Суди всегда лишь в пользу богачей, —
И будешь правым пред людьми и богом».
Так и судил я — случая не знаю,
Чтоб я ошибся. Сам пойми —
Богатый прав всегда: не украдет он —
И своего хватает, не убьет —
Уж разве жизнь и деньги защищая;
Не присягнет он ложно — нет нужды.
А бедный? Не украл — так украдет;
Сегодня не солгал — солжет он завтра;
Не виноват, за что сегодня судят, —
Давно б его я раньше осудил,
Когда б попался он, за то же преступленье.
Зачем же душу совесть будет мучить?

Георгий

Так, значит совесть так в тебе заглохла,
Что уж ничто ее не убедит.

Судья

В твоём же деле до сегодня
Не знал я — кто ты: бедный иль богатый.
Затем и не судил я...

Георгий

А сегодня?

Судья

Ну, а сегодня знаю я,
Что кредиторами описана печатня
Там, в Праге Чешской, у тебя; что ты
Заступников богатых не имеешь;
Что на тебя монахи точат зубы
За книги, что им всем не по нутру.

Георгий

А ведомо ль тебе, судья,
То, что, согласно всем законам,
Меня судить ты не имеешь права?
Что половчанин я и доктор?

Судья

Знаю.

Георгий

Не знаешь разве ты, что половчане
Немецкого купца любого закуют
И сделают с ним все, к чему
Твой суд несправедный меня присудит?

Судья

И это мне известно.

Георгий

Ну и что?

Судья

Вот и хочу я кончить полюбовно:
Что ты мне дашь, коль выпущу тебя?

Георгий

Не более того, что сам добуду
С тебя судом за все убытки в деле,
За время, что в тюрьме я потерял.

Судья

Ого! А что, коль позову я
Монаха-базильянца? Он докажет,
Как дважды два, что чернокнижник ты.

Георгий

Ты говоришь — печатню описали?
Когда одна в том списке будет книга,
Которой нет у папы в Ватикане,
Не говоря уж о святых славянских, —
То на костер пойду спокойно я.

(Входит начальник тюрьмы.)

Начальник тюрьмы

Там от епископа пришли гонцы,
Пришли сюда, вас дома не застав.

Судья

Проси сюда их!

(Входят Роман и Товий.)

Г е о р г и й

Ты, Роман! Ты, Товий!

Р о м а н

Здоров будь, доктор, славный Скорина!
Здоров будь, пан судья! Прими приказ
Епископа, что нас сюда прислал.

Т о в и й

Сам виленский епископ шлет приказ
И кардинал, славнейший среди славных,
Его премудрости придворному врачу
Незамедлительно к нему явиться,
Затем что наш епископ захворал.

С у д ь я

(совершенно растерянный, читает бумагу)
Придворному врачу... от кардинала...

Т о в и й

(отводит Георгия в сторону)

Георгий, друг, скачи немедленно в Вильну.
За отравление мужа Маргарита
В тюрьме. Ее судья — фон Шпилер.

Г е о р г и й

Или́, или́! Ламá савахвані! *

С у д ь я

Прошу, простите нас, почтенный доктор,
За наше неучтивство, непристойность!

Г е о р г и й

Скорей коней мне дайте!

С у д ь я

Я сам найду коней вам. Сам!

З А Н А В Е С

* Боже мой, боже мой! Для чего ты меня оставил! (грам.).

КАРТИНА ВТОРАЯ

Зал суда во дворце князя-епископа Яна Виленского. Посредине — судейское кресло, обитое красным бархатом, украшенное резьбой и золотом. Справа — кафедра советника, а за ней — длинный стол для монахов-писцов. Слева — отгороженное невысоким барьером место для подсудимых и свидетелей. Трое дверей ведут в соседние покои. Убранство комнаты богатое и подчеркнуто пышное.

Утро. В зале — советник епископа Иоганн фон Шпилер и монах-писарь.

Монах

(докладывает Иоганну)

Вдова Адверника, чье имя Маргарита,
Твердит одно и то же: что она
Весь этот день Адверника, супруга,
Не видела, и где он был, не знает;
А знает только, что едва живым
Он был откуда-то к ней привезен
И умер вскорости, не приходя

в сознание.

Иоганн

Но почему ж она из дома убежала,
Как только умер муж?

Монах

Упорно утверждает, что, великим
Объята страхом, не могла она
Остаться у покойника, и в дом
Бежала к матери, но мать уж не застала.
Дарота мертвою была. И Маргарита
Осталась там.

Иоганн

Не удалось найти
Людей, которые бы подтвердили,
Что от Францишка Скорины дары
И письма приходили к ней из Праги?

Монах

Таких людей мы не нашли.

Иоганн

Быть может, с Товием она встречалась?

Монах

Нет, за последний месяц — подтвердили
Нам это все — она чуждаться стала
И Товия и матери своей.

Иоганн

И все ж она! Кому же, как не ей,
Смерть пана Юрия была на пользу?
Злочинства корень там, где плод его.
Под пыткой была она?

Монах

Пытали.

Иоганн

Ввести ее ко мне! Сам учиню
Я ей допрос. А после... после
Пошлю ее на дыбу.

Монах

Приведу.

(Уходит.)

Иоганн

(один)

Нет, герр Францишек Скорина, сломяю
Любовь в ее душе я адской мукой.
Жаль, не увидишь сам. А я б хотел,
Чтоб ты был тут, чтоб видел, как ее
Здесь в землю будут зарывать живую.
Тогда бы отдал нам ты книги и печатню!
(Монах возвращается.)

Монах

Там баба, некая Арина, просит
Пустить ее...

Иоганн

По делу...

Монах
Маргариты.

Иоганн

Пусти!

Монах

(раскрывает двери)

Входи, Арина!

(Входит Арина, совсем старая, седая.)

Иоганн

(монаху)

Иди и опишь приготовить суду
Имущества Адверника, Дароты.
Нам надо знать, какая часть его
Придется после казни Маргариты
На долю нашего высокого суда.

(Монах поклонился и вышел.)

Иоганн

(Арине)

Что скажешь, бабка?

Арина

Пришла я, чтоб сказать высокому суду,
Что Маргарита невиновна в отравленьи
Адверника.

Иоганн

А кто ж виновен?

Арина

Я.

Иоганн

Тс-с-с! Иль с ума сошла ты? и на душу
Свое берешь убийство? Нам известно,
Что мужа Маргарита отравила
С любовником своим, со Скориной.

Арина

Душа моя погибла все равно,
А смерть принять иль так, иль этак
Приходится, так уж пускай
Часть мук приму на этом свете —
Зачтутся там.

Иоганн
Живешь у Маргариты?

Арина

У брата Юрия-покойника живу.
Покойный Юрий у него в гостях
В последний вечер был. Ему всегда
Брат подносил во здравье ковш,
И в этот ковш я всыпала отраву.

Иоганн
За что?

Арина
За брата. Брат ему был должен,
Отдать не мог, и на правеж, под палки,
На смерть его хотел послать пан Юрий.
Ему я сделать это не дала.

Иоганн
Где брат его?

Арина
Далеко, не догонишь.

Иоганн
А кто отраву дал?

Арина
Высоко, не достанешь.

Иоганн
Свидетелей, знать, нету у тебя?

Арина

Сама свидетель я. Дозволь присесть мне.
Уж голова моя пошла вся крúгом.

(Она опускается на табурет. Иоганн берет ковшик, черпает воду и, отвернувшись, сыплет в него какое-то зелье.)

Арина

А Маргариту больше уж не мучьте.
Ведь ничего она не знала...

Иоганн

Мы выпустим ее. Вот, выпей
Водицы ковшик и иди домой.
Сама помрешь. Зачем старуху мучить?

(Арина берет ковшик и медленно выпивает его.)

Арина

Вот так Адверник пил, а я следила.
И с той поры, что б ни пила, ни ела, —
Во рту мне горько... И сейчас мне горько.

Иоганн

Брат-писарь!

(Монах появляется в дверях.)

Проводи ее за дверь.
Ты видишь, клонит старую ко сну.

Арина

Да, сон... Спать не могла спокойно,
Пока был брат... и Маргарита
Терпела муки... А я сейчас засну.

(Монах выводит Арину. Иоганн быстро ополаскивает ковшик.)

Иоганн

Засни.. последний... лишний мне свидетель!

(Монах пропускает в дверь Маргариту. Она едва заметно, но лицо ее светится высокой духовной красотой.)

Иоганн

Ну что, вдова, житье без мужа легче?
И слаще во сто раз?

Маргарита

Когда б не навели ночь злую злые люди,
Моя бы жизнь была зари яснее.

Иоганн

Идут за утром полдень и жара,
И коль ты не признаешься...

Маргарита

Но в чем?

Иоганн

Что Скорина прислал тебе отраву.

Маргарита

Как не понять — не сердцем, головой, —
Что за вину его люблюю я сама бы
Возмездье приняла с улыбкой светлой,
Чтоб вызволить его из тьмы несчастья.
Где сердце ты найдешь такое, чтоб оно
Свою любовь само же растоптало
И очернило солнце, что ему дает
И жизнь и счастье? Чувствую я, знаю,
Что ты... ты — вестник смерти. Но Георгий
Не виноват уж тут ни помыслом, ни словом.

Иоганн

Безумная! Когда б его вот так
Просили б выдать не тебя, а бога,
Чтоб сохранить не жизнь, а только книги, —
Он с головой бы выдал вас на муки.

Маргарита

Ты лжешь! Ведь сердце у него святое,
Оно как солнце, — где ж тут тени быть?

Иоганн

К чему твое упорство? Скорина
Сам осужден на смерть там, в Праге Чешской,
Убил он человека.

Маргарита

Он не мог

Иль не был человеком тот, убитый.

Иоганн

Я получил письмо...

Маргарита

Когда б и сам ты видел, — не поверю.

Ведь сердце чувствует: близко он, придет.

Молюсь лишь об одном: коль умереть

Мне суждено, пускай он не приходит!

Иоганн

Брат Герман!

(Появляется монах.)

Вывести ее!

Монах

На дыбу?

Иоганн

Нет, это смерть ее ускорит. Не хочу!

Пусть подождет суда вон в том покое.

Монах

Их эксцелленция судить навряд ли сможет.

С приезжим лекарем сидят они...

Иоганн

Сидит?

Монах

И даже ходит.

Иоганн

Вот как?

Новый лекарь!

Монах

Издалека и, видно, знаменитый.

Иоганн

Суд через полчаса. Судить я буду сам.

(Монах поклонился и вывел Маргариту.)

Иоганн

(один)

И осужу и уничтожу!

(Выходит. Некоторое время сцена пуста, позднее выходит епископ Ян Виленский в сопровождении Георгия Скоринь.)

Епископ

Я, доктор, знаете, готов поверить,

Что вы присутствием своим свершили чудо.

Я силы чувствую, хочу ходить...

Георгий

Я рад, что вашей светлости полегче.

Епископ Альберт, пациент мой, также

Воспрянул духом, стал ходить.

Епископ

А что с ним было, сын мой?

Георгий

Несчастный случай. Девушка одна,

Годов пятнадцати, поранила его...

Епископ

Ишь, старый он сатир... не оставляет...

Какие ж применили вы лекарства?

Георгий

Я к тем принадлежу, кто ищет связи

Меж телом и душою, мой отец.

Она ведь есть всегда, и в равной доле.

Вот хворь придет, покинут силы тело —

Душа тоскует, никнет, вся в тревоге.

Наоборот, как только человек

Душой стал смутен, омрачен, печален —

И тело вянет, хворостью объято.

Епископ

Так чем же душу вы развеселили
Отца Альберта, сын мой?

Георгий

Добрый делом.

Я гороскоп ему сложил чудесный.
И отпустил он девушку, простив ей.
Тогда заметно стала заживать
На теле у отца святого рана...
Ну, разумеется, я клал примочки...

Епископ

Так вера нам потребна для души.

Георгий

И добрые дела для сердца, — ведь без них
Мертва и вера...

Епископ

А, кстати, Лютер⁷⁹ с этим несогласен.
Богоотступник он, даров не признает.

Георгий

Зато идущий вслед ему забрал
Богатства, что костелы накопили.
«Кум-тихоход» — его так Мюнцер⁸⁰ дразнит —
Повиснул тушею меж небом и землей.
Он — богу свечка, черту — кочерга.

Епископ

Ха-ха! Чудесно! «Черту — кочерга».

Георгий

Повеселели вы? Я рад. Так поддержите
Веселость духа добрым делом.

Епископ

Каким же, доктор?

Георгий

Сегодня день суда. И, вероятно,
За справедливостью пришли к вам люди.

Епископ

Мне не хотелось бы судами заниматься.

Георгий

Но в свете большей радости ведь нет,
Как отыскать в несчастье справедливость.

Епископ

Хотелось бы мне вас благодарить
Хоть чем-нибудь, сын мой, и за лекарства
И за советы добрые. Побудьте
Тогда и вы со мною. Эй, писец!
(Епископ ударил в ладоши, появился монах.)
Какие же дела в суде сегодня?

Монах

Покойницы Дароты завещанье
На дом ее.

Епископ

Свидетели все здесь?

Монах

Все здесь, святой отец.

Епископ

Зови сюда!

(Епископ садится на трон. Монах вводит Мартына Субачовича и Миколу Чупрыну, зятя и племянника Дароты, и Якуба Бабича.)

Епископ

Кто предъявляет иск по завещанью? ⁸¹

Монах

Дароты зять по Ганне, Субачович,
И сын Богдана Чупрыны Микола,
Ее родной племянник.

Епископ

Кто домом тем владеет по сегодня?

Монах

Пожизненно дом отдан Маргарите.

Епископ

(к истцам)

Чего же вы хотите?

Мартын

Мы с вашего хотели б дозволения,
Чтоб дом, имущество и вещи тещи нашей
К нам отошли. А Маргарите хватит
Наследства и по мужу.

Епископ

А Маргарита где?

Микола

Она в темнице.

Епископ

За что?

Микола

За отравление мужа.

Епископ

Кто может что-нибудь о ней сказать?

Баби ч

Позвольте мне сказать об этом, ваша светлость!

Епископ

А, Вильны бургомистр! Ну, говори.

Баби ч

Покойница Дарота — мир ей вечный! —
Дом Маргарите и ее потомству
Законно завещала в магистрате.

Мартын

(достает бумагу)

Но ведь у нас другой есть testament. *

* Завещание (польск.).

Баби ч

Подписан кем?

Мар т ы н

Никем. Иль теща не умела,
Иль рука ее...

Геор г и й

(поднимается и берет бумагу)

Ну, дай! Рука чужая.

Баби ч

Рука чужая тут не только в тестamente...

Мар т ы н

А ты святой? Небось, не защищал бы,
Коль не было б в том доме словолитни.

Геор г и й

Печатня не его.

Ми ко ла

А чья ж?

Геор г и й

Моя!

Святой отец, рука тут не Дароты.
Ее я руку знаю. Ведь не раз
Она мне письма посылала в Прагу.

Мар т ы н

Известно, хвора я была, рука дрожала.

Епи ско п

Вот слушай — бог послал свершить мне дело
И доброе, и вам по сердцу, доктор.
Пиши, писец: «Тот дом оставить
За Маргаритой и ее детьми.
А из наследства больше никому,
Лишь ей одной».

(Мартыну)

Возьми бумагу

И доктора благодари: он спас
Тебе язык и руки от секиры.
Идите!

(Все поклонились и вышли.)

Видите — немного покривил
Душою я, но сделал все ж неплохо.

Георгий
Не покривили вы душой, епископ!

Епископ
А может, Маргарита виновата,
Что мужа извела отравой?

Георгий
Нет!

Монах
О ней как раз на очереди дело.

Епископ
Пускай уж судит Иоганн. Я устал.

Монах
Разумное решение, ваша светлость.

Георгий
Вас, княже-отче, богом я молю:
Еще одно вы сделайте усилие
И сами это дело рассудите.

Епископ
Я доверяю Иоганну. Знаток
Юриспруденции и твердый человек!
(Входит Иоганн в судейской одежде.)

Иоганн
Я вижу, вы здоровы, ваша светлость.

Епископ
Благодаря ему. Искусный лекарь,
Наш виленчанин, кстати — Скорина.

Иоанн

Его я знаю.

Георгий

Его я тоже знаю, ваша святость.

Епископ

Вы, видимо, и ранее встречались?

Георгий

И не однажды. Вот я потому
Прошу вас делом Маргариты
Заняться лично.

Иоанн

А я прошу вас вспомнить про здоровье.
Не доктор тот,
Кто хворого готов замучить,
Чтоб только самому...

Епископ

Чтоб только?

Иоанн

Любовницу свою от смерти вырвать.

Епископ

Любовницу? И сами вы не промах!
Ну что ж, полюбопытствовать позвольте,
Каков ваш вкус.

(Монаху)

Введите Маргариту.

(Монах выходит.)

Иоанн

В веселом настроении ваша светлость.

Епископ

А потому, что пищевод в порядке.
Кто не хворал, тому и не понять,
Как мучаются люди по неделям.
И вдруг мне после ваших зелий, доктор,

Открылся свет, и больше уж не нужно
Прислушиваться к каждой передышке.
(Вдруг лицо его корчится от предчувствия боли.)

Ну вот, вернулось. Словно бы ножом
Мне кто-то внутренности режет...

Иоанн

Так вот цена его лекарств! Позвольте
К постели довести вас, ваша светлость!

Георгий

Не думайте о боли. Боль утихнет.
Глотните это, отвлекает мысли.

(Дает епископу лекарство. Тот выпивает.)

Епископ

Вот отлегло... Сын мой, вы чудотворец!
Я постараюсь думать о другом...
О чем бы?

Георгий

О суде.

(Вводят Маргариту. Она идет с поникшей головой,
с опущенными глазами.)

Епископ

Ну, подойди поближе.

(Маргарита поднимает глаза и видит Георгия. У нее вырывается:
«Юр...», и, если бы не подбежал Георгий, она упала бы на пол.
Пока Георгий приводит ее в чувство, епископ переговаривается
с Иоанном.)

Епископ

Хоть в чем-нибудь она призналась?

Иоанн

Клещами у таких не вырвешь слова.

Епископ

Нашли отраву? Все вы доказали?

Иоганн

Нет, к сожаленью. Но кому ж другому
На пользу смерть Адверника была,
Как не ему и ей? Я полагаю...

Епископ

Постойте, Иоганн! Доктор был ведь в Праге.

Иоганн

Тут был его помощник Товий.

Епископ

А вы его подвергнули допросу?

Иоганн

Вы помешали. Вашим он приказом
Отправлен в Прагу был за Скориной.

Епископ

А, помню. Мне советовал то Бабич.

Иоганн

Она — убийца и блудница! Смерти
Позорнейшей она давно достойна!

(Георгию не удастся привести Маргариту в чувство, и он поворачивается к Иоганну. Сначала он говорит тихо, как человек, который все потерял, но затем к его голосу примешивается гнев и нежность.)

Георгий

Идите, полюбуйтеся вы, герр Иоганн,
Смерть-избавительница к ней идет.
Вот жертва ваша, рыцарь правосудья!
Нет, рыцарь ордена Вампира, что когтями
Вцепился в тело близких к нам народов.
Скажи, потомок подлости отцовской,
Чем эта женщина могла вам навредить?
Одна у ней вина: она меня любила
Еще до той поры, как вышла замуж.
Пятнадцать лет она огонь носила
В нежнейшем сердце — и огонь не гас.

(Маргарита приходит в чувство и, не двигаясь, слушает слова
Георгия. Заслушался и епископ.)

И я огонь носил. И сердце закаляли
Мы в том огне. А ты, ты знал его?
Ты зверь, герр Иоганн! И тебе он чужд.
Что может зверь понять в подобном чувстве,
Которое внушает твердость слабым,
А твердому дает геройства крылья;
И делает раздумчивого мудрым,
А мудрого до гения возносит;
Рабу дает свободу, рвет преграды
И горы в прах способно растереть,
Само при этом оставаясь слабым
И чистым, как криница?

Епископ

Мне кажется, я слышу «Песнь песней». ⁸²

Маргарита

О, Юрка мой, да я вдвойне страданья
За это бы могла перенести!

(Георгий обнимает Маргариту и подводит ее к епископу.)

Георгий

Судите нас обоих, ваша святость,
Но только за любовь, а не за злое.
Высокая любовь злодейство исключает.

Епископ

(монаху)

Дай дело мне!

(Он медленно разрывает бумаги и отдает Иоганну.)

Возьми, герр Иоганн.

Уж коли их судить, то кто ж тогда
Не заслужил четвертованья?

(Входит Бабич.)

Бабич

Прошу прощения, святой отец.
Там, в магистрате, я нашел письмо
В руках у жизни окончившей Арины.

Епископ

Читай, писец!

Монах

(читает)

«Свидетельствую я, Дарота,
Вам, кто письмо мое увидит иль услышит,
Что смерть Адверника — моя вина.
За что? Сегодня нас господь рассудит.
Никто, кроме меня, не знал, не ведал
И замысла и самого поступка.
Две индульгенции святейшего престола
Я прилагаю — в них прощение грехов:
Здесь, в малой, за убийство палача,
В большой — за смертный грех самоубийства.
Amen!

Кто прочтает иль услышит, — пусть
От сердца к небу вознесет молитву,
Чтоб шло скорей выздоровленье панны».

Епископ

(прошептал молитву)

Вот видишь, Шпилер, кто была Локуста?
Иди же. Радуюсь тому я, доктор,
Что к делу черному не прикоснулся.

Георгий

Тогда благословите, ваша святость,
Ее на брак со мной и довершите
Тем дело доброе...

Епископ

Благословляю.

«Ubi tu, Caius, ibi equo Caia».*
Но не всегда такой я добрый. Только
Сейчас до дна мне выпить довелось
Добра святую сладость. И могу
Теперь я отдохнуть. Жду вас. Прощайте.

Георгий

Прощайте, пресвятой отец, спасибо!
(Монахи под руки выводят епископа.)

* Где ты, Кай, там и ты, Кайя (лат.).⁸³

Маргарита

А помнишь, Юрка, в Полоцке читал ты
Про край сирен сладкоголосых,
Про край любви? Ведь мы к нему пришли...
Какою долгой, трудною дорогой!

Георгий

Все, все я помню, звездочка моя!
Дай руки мне.

Маргарита

Болят, болят они.
Ах, Юрка, все во мне болит,
И только сердце у меня ликует,
И мне легко, как будто в небо
Взлетели мы, и никого там нет,
Есть только ты да я,
Да наше счастье.

ЗАНАВЕС

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Большой красивый сад, деревья, отягощенные плодами. Ночь. Из окон дома льется свет, слышны музыка, пение: там идет свадьба Георгия и Маргариты. По другую сторону виден угол какого-то строения. В нем то разгорается, то погасает огонь. И когда огонь разгорается, через открытую дверь виден печатный станок и темная фигура человека, который плавит металл. Это Товий работает в печатне и словолитне. Невдалеке от печатни — стог сена. Зарывшись в сено, спит сторож.

(Гости в доме поют «величание».)

Как у нашего боярина Георгия,
Слава!
Появилась, явилась радость светлая,
Слава!
Прилетела на широкий двор лебедушка,
Слава!
А за нею сизый сокол, сизый сокол,
Слава!

Белая лебедушка по дворику похаживает,
Слава!
Белую головушку поглаживает,
Слава!

(Под эту песню на крыльцо, что ведет в сад, выходят из дому молодой парень Петр Мстиславец⁸⁴ и любимая им девушка Прося.)

Прося
(смущаясь)
Зачем идти? Еще увидят...

Петр
Да кто увидит?

Прося
А хозяйка.

Петр
Ей только на тебя сегодня и глядеть!

Прося
Да нет, я так... Куда же мы пойдем?

Петр
Туда, под яблоню. А ночь-то, ночь какая!
Эх, Прося!

Прося
Что?

Петр
Сегодня спать не буду.

Прося
А завтра будешь окуней ловить
И путать литеры, а Товий будет
Тебя будить щелчком по голове...

Петр
Ты видела?

Прося

А скажешь, нет?

Еще при том все дружно хохотали.

Петр

Так это он шутя. Вот совладаю
Я с ремеслом, и тот же час... в Москву.

Прося

В Москву тебя не пустят.

Петр

Ко князю нашему в Мстиславле скороход
Явился тайно из Москвы, сказал,
Чтоб князь людей своих послал сюда
Науку перенять, которой нет в Москве,
А после их в Москву послал. Им волю
Там обещали дать, и деньги, и работу...
Они просили с семьями послать...

Прося

Семья твоя большая?

Петр

Ты да я.

Прося

Какая я тебе семья?

Петр

А почему?

Прося

Да, может, за тебя не отдадут?

Петр

Ну нет!

А если нет, тебя я украду,
Схвачу вот так и понесу!

(Поднимает ее на руки, а она притворно отбивается.)

Пр о с я

Пусти, пусти, Петрусь, дурной! Увидят!

(Но он уносит ее в глубь сада. Из печатни выходит Товий.)

Т о в и й

Се-мен, го-го! Эй, где ты, сторож?

Не слышишь, что ль?

(В ответ ему из стога слышится храп.)

Да нет, заснул...

Хватил, видать, чрез меру. Пусть уж спит.

Мне все равно уж некуда податься...

(Садится на скамейку под яблоню. Из дома доносится песня.)

Г о с т и

(в доме)

Наши пчелочки пороилися,

Дай им, боже, сад добрый,

Наши рѣдные породнились,

Дай им, боже, век долгий!

Нашим пчелочкам мед солоденький,

Дай им, боже, сот полный!

Нашим родненьким час веселенький,

Дай им, боже, лад добрый!

Т о в и й

Гуляют, пьют, поют они на свадьбе,

Мне места не оставили в кругу

Своих друзей и чувств своих счастливых.

А я ведь должен радость их делить,

Как я делил их муки и страданья!

Но у меня свои есть муки в сердце —

Так много их, что через край уж льются.

Я не хочу ее. Я понимаю,

Что это невозможно. Я хочу

Забыть тот поцелуй, и первый и последний,

Что Маргарита мне дала тогда,

Когда я вызволил ее от смерти.

Сам обвинил себя я в отравлении

И, если б не позвал епископ, не послал

За доктором, я — мертвый — в этот час

Спокойно их благословляя бы счастье...
Ну, надо убегать, иль я сойду с ума...
(На крыльцо выходят Маргарита и дружка.)

Маргарита
Дай выйдем в сад, обвеет там прохладой,
А то в покоях душно...

Дружка
Ох, господи, колечко потеряла...

Маргарита
Иди и поищи!
(Дружка возвращается в дом. Товий прижался к дереву, под которым сидел.)

Маргарита
(сходит с крыльца)
Куда же Товий делся?
Бедный хлопец!

Товий
(отрываясь от дерева, идет ей навстречу)
Я тут. Нет, не пугайся.

Маргарита
Что ж не идешь ты в дом, чтобы с людьми
Повеселиться, Товий?

Товий
Не могу...

Маргарита
Неужто и мое и Юрки счастье
Не трогает тебя? Не верю.

Товий
Поверь мне, Маргарита, я готов
За каплю счастья твоего и Юрки
Всю кровь свою отдать! Я защищаю
Его и тем, что я его... не вижу.

Маргарита

Я не пойму...

Товий

Сам не пойму я тоже,

Ты видишь, что я руки сжал, сковал,

А то они... тянуться станут к счастью,

А счастье мне не суждено.

Маргарита

Твоей сестрой я буду.

Товий

Утолить

Не сможет облачко земли великой

жажды.

Ты прикажи идти мне на край света,

Не то я, как Иуда, удавлюсь.

Маргарита

Тогда иди — на сколько сам захочешь, —

Чтоб сердце успокоить...

Товий

Руку дай!

Маргарита

Возьми на счастье, на покой души.

(Товий притянул ее к себе и поцеловал ее в лоб.)

Товий

Прощай же, облачко!

Маргарита

Прощай и помни,

Что для тебя всегда открыты двери

Жилища нашего. Пойду скажу

Георгию, что нас ты покидаешь.

(Товий ничего не в силах сказать в ответ; она поднимается на крыльцо и скрывается за дверью. Товий смотрит ей вслед.)

Товий

Вот облачко и растворилось в небе...

(За его спиной появляются две «тени». Они накидываются на него, зажимают ему рот и тянут в кусты. Слышен шепот.)

Первая тень

Рэб Мардохай, готово!

Вторая тень

Не задуши, пока над ним

Проклятия не прочитали.

(Через некоторое время возвращаются Петр и Прося. Прося останавливается под яблоней и прикладывает холодный листок к щеке.)

Прося

Лицо охладить, горит, наверно...

Все догадаются, медведь!

Петр

Медведь, люблю я мед. Чем виноват я,

Что губы у тебя как мед. И не могу

Пройти я мимо, чтоб...

(Притягивает ее к себе. Она отворачивает голову.)

Прося

Пусти! Увидят!

Петр

А кто придет сюда? Ведь там веселье.

(Долгий поцелуй. Молодая пара не замечает, что на крыльце из дому вышли Георгий и Маргарита.)

Георгий

Чудак! Зачем мне не сказал он? Товий!

(Испуганная Прося начинает бить Петра.)

Прося

Ну вот, ведь я сказала, что медведь!

Георгий

Кто здесь?

Петр

(сияя от удовольствия, что его бьет любимая девушка и что таким образом сразу решится судьба его и Прosi)

Я, пане доктор, Петр Мстиславец!

Маргарита

А кто с тобой?

Прося

(испуганно)

Я, пани, Прося.

(Она еще раз угощает Петра тумаком.)

Не говорила я тебе, скажи,

Что в срам меня введешь? Не говорила?

Георгий

Что делаете тут?

Петр

(давясь смехом)

Она меня лупцует.

Георгий

(усмехается)

А ты?

Петр

Сбирался пасть вам в ноги —

Ведь вы ей, как отец, — хочу просить,

Чтоб отдали ее мне в жены.

Георгий

(смеясь)

Неужто так понравилась лупцовка?

Вот видишь, Маргарита, не всегда

Семь бед идут, как гуси, чередою.

Бывает, и семь свадеб вслед идет.

Ты, Петро, хлопец неплохой. Есть руки

И к мастерству способность. Засылай

К ней сватов как положено, чин чином.

А Просю надо пожурить. Ведь девке

Не следует в сад ночью выходить.

Прося

Я с Петрусем.

Георгий

А что Петрусь? Не хлопец?

Прося

Да, хлопец... и бедовый...

Георгий

Ну, вот видишь.

Прося

А только не такой он, как другие.

Георгий

Что значит, не такой? Он лучше?

Прося

Да, лучше.

Георгий

И пригожей всех других?

Прося

Пригожей. Надо мною вы смеетесь.

Георгий

Так вот, Петрусь, не посылай ты сватов.
Ты самый лучший, самый ты пригожий.
А Прося, хоть сама не из плохих,
Да ночью в сад идет без дозволения.

Петр

Ну, этот грех придется ей простить.
Сам подбивал...

Георгий

Вот и толкуй тут с вами.

(К Маргарите)

Как ты об этом думаешь, голубка?

Маргарита

А так: уходит Прося пусть домой,
Петрусь же свата доброго пусть ищет.

Георгий

Аминь. Иди домой, девчина!

(Прося взбегает на крыльцо и не может удержаться, чтобы не
дать тумака Петрусю: «А все из-за тебя, бедовый!»)

Ты, Петр, не видел Товия?

Петр

Не видел.

Георгий

Он где-то здесь. Иди и поищи.

Петр

Иду, иду.

(Выходит, крича)

Эй, Товий!

Георгий

Куда он убежал, не понимаю.

Маргарита

Я знаю.

Георгий

Так скажи.

Маргарита

Не будешь злиться?

Георгий

За что?

Маргарита

Нет, все же обещаю заранее.

Георгий

О, Ева! Обещаю.

Маргарита

Он... Он любит.

Георгий

Он любит? Товия я знаю, как себя.

Он — дружба, труд, он — разум, даже —

ловкость.

Когда они потребны для другого,
Для дела чистого и всем на пользу.
Но с девушкой его я не встречал,
И ты... ты ошибаешься, голубка.

Маргарита

Не знаешь ты людей, мой Юрка. Ты
Себя лишь видишь в каждом человеке,
Как будто зеркало перед тобою.

Георгий

Я вижу и люблю в нем человека.
Любить людей — я большего не знаю,
Мой ангел, наслажденья.

Маргарита

Но ведь меня ты тоже любишь, Юрка.

Георгий

Так то тебя. Ведь вот сказала Прося...
Кого же полюбил он, интересно?

Маргарита

Ты не сердись — он полюбил меня.

Георгий

Тебя? Ну вот, кого еще б он мог
Здесь полюбить, как не тебя?

Маргарита

Вот ты и злишься, Юрка. И напрасно...

Георгий

Я не хотел бы этого. Мне стыдно.

Маргарита
Но я ведь одного тебя люблю.

Георгий
Я это знаю.

Маргарита
Нет, не знаю — верю!

Георгий
И верю. Только мне так стало больно.
Ты знаешь ведь, какая рана в сердце
Пятнадцать лет болела, ныла,
И наболела так, что даже тень,
Ее коснувшись, душу мне тревожит.

Маргарита
Чуднѳй ты!

Георгий
Да, чуднѳй... А думы...
Когда порой случается мне видеть,
Как буря ломит дуб и как с небес
Сверкает молния, я думаю, что небо
Любовь, землей отвергнутую, хлещет.
Любовь большая в ненависть большую
Претворена. Иначе быть не может.

Маргарита
О, если так, тогда пускай
От нас уходит друг твой Товий!

Георгий
Пускай уходит! Стой, откуда знаешь,
Что любит он тебя? Сказал он?

Маргарита
Нет, то сказала сердце мне. А в этом
Уж женщина не может ошибиться.

Георгий
Пускай идет! Ему же легче будет.

Я знаю сам, что значит быть вблизи
Того, кого ты любишь безнадежно.

Маргарита

Ну, успокойся, Юрка, полно. Сядь.
Скажи, меня ты помнил? И всегда?
Не забывал и за работой даже?

Георгий

Про то тебе расскажут книги. Герб
На каждой ты заметила,⁸⁵ должно быть?

Маргарита

Спросить хотела я: откуда он?
Король тебе пожаловал его?

Георгий

Там солнце с месяцем. Они
Земному королю ведь неподвластны,
Они дворцов превыше и костелов.
Ты помнишь, мы с тобой когда-то
Перед сердцами нашими клялись
Последнее запомнить расставанье
И верить в то, что встретимся мы снова,
Как солнце с месяцем на зорьке ранней.
И в герб я взял себе вот эту веру,
Не подчиненную ни королю, ни богу, —
Пусть мне простит он! Месяц в том гербе —
Святая суть души, ты, Маргарита,
Мой месяц ясный. Я хотел, хочу,
Чтоб эту мысль мою читала ты и те,
Что, может, через тысячу годов
Увидят книги моего тисненья.

Маргарита

Как любишь ты меня, о милый мой,
И как тебя люблю я!

(Она прильнула к Георгию. Из кустов выглядывает Петр, но
отворачивается и говорит в сторону.)

Петр

Я Товия не видел, не нашел.

Г е о р г и й

Иди, в нем надобность отпала.

(Петр Мстиславец уходит в дом.)

М а р г а р и т а

(по-женски чувствуя неловкость оттого, что их видел Петр)

И нам пора уж...

Г е о р г и й

Посидим еще.

Мне хочется сказать тебе сегодня,
Что прибыло во мне namного силы,
Когда сюда приехал и ступил я
На землю дедов, прадедов своих.
На ней я основал свою печатню,
Когда закончил я борьбу с судьбой
За первую свою, единую любовь.
Нужны мне будут силы. Ведь случайно
Болезнь епископа пролом в стене,
Во вражьем стане, сделать помогла,
И без усилий мы проникли в крепость.
Враги опомнятся, начнут вновь наступленье.
И мне хотелось бы, чтоб ты, мой месяц ясный,
Была со мной и думами и сердцем,
Чтоб мог в душе твоей я черпать силы,
Как утомленный воин, пьющий воду
Прохладного и чистого ручья.

М а р г а р и т а

И мыслью и душой до самой смерти
С тобой я неразлучно, Юрий.

Г е о р г и й

Но ведь и Товий...

М а р г а р и т а

Позабудь о нем!

(Открываются двери на крыльцо, и веселая, подвыпившая компания гостей во главе с отцом Симоном вываливается в сад. Среди них и Роман, и Бабиц, и советники.)

Отец Симон

Пойдем искать их! Гости им — не шутка!
Князь и княгиня скрылись, а бояре
Перепились, упав под лавки в ряд.
Кому ж кричать, что хмель сегодня горький?
Постойте! С Товием заморский свет затейный
Мы приготовили на праздник. Дайте свечку!

(Ему дают свечку. Он поджигает пороховой фейерверк, фонтан-искромет. В его свете все видят Георгия и Маргариту.)

Отец Симон

А, вот они! Ловите голубков!

Георгий

Зачем ловить? Дадимся сами в руки,
Плененные и дружбой и весельем.

Отец Симон

Эй, в хоровод, все в хоровод, девчата!
Эх, ряса мне мешает, я бы сам...

(Свадебная песня девушек. В общий пляс вступают выскочившие скоморохи.)

Скоморох

А вот и мы, лихие скоморохи!
Когда-то обещали, князь Георгий,
На свадьбе твоей мы петь, плясать
И досыта попить хмельного меду.
Тебя с молодой княгиней величаем,
Житья, здоровья, деток вам желаем!
А скоморох, что бог: что скажет, то
и будет.

Так поддержите скоморохов, люди!

(Пляска и дудки скоморохов. Женщины и мужчины в вывернутых кожихах обсыпают зернами Георгия и Маргариту. Поджигают плоски, образующие герб Георгия Скоринны.)

Скоморох

Чтобы жить,
Как венки вить,
Чтобы дело вести,
Что лапоть плести,

Чтобы золото, как зерна, рассеять,
Чтоб горелку с медом пить— не выпивать,
Чтоб, как месяц со звездами, быть с друзьями,
Чтобы пить, гулять и есть всегда лишь с нами.
Пану Юрию и пани Маргарите
Чаши полные вы, чашники, несите!

(Чашники разносят ковши и кубки с горелкой и медом.)

Гости

Горько! Горько!

ЗАНАВЕС

Минск — Несвиж,
1946—1947 гг.

БЕЛЫ
НАСЛ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Георгий Скорина.
Маргарита Скорина.
Отец Симон.
Товий.
Руфь.
Петр Мстиславец.
Прося—его жена.
Юрочка—их сын, 5 лет.
Коперник.
Дьяк из русского посольства.
Скоморох.
1-я баба.
2-я баба.
Дед.
Гонец из Познани.
Ежка Стефанович—слуга Ивана
Скорины.
Сигизмунд—король польский.
Альбрехт—герцог прусский.
Иоганн фон Шпилер—рыцарь.
Габерлянд—купец, немец.
Якоб Корба—купец, немец.
Барон.
Моисей—ростовщик.
Лазарь—ростовщик.
Старшина иудейской общины.
Епископ.
Ксендз—немец.
Ксендз—поляк.

Паны-советники.

1-й крестьянин—немец.

2-й крестьянин—немец.

3-й крестьянин—немец.

Слуга Сигизмунда.

Слуга Альбрехта.

Гонец из Вильны.

Хлопец.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ

1529 год. Вильна. Одна из комнат в доме Скорины. По стенам — шкафы с книгами и рукописями, с разными приборами для опытов. Отдельные приборы стоят на камине и на столиках. В углу — богато украшенная икона, наполовину закрытая расшитыми полотенцами. Перед нею горит лампада — не столько для бога, сколько для надобности отца Симона. Он сидит за столом без подрясника, в белье из льняного полотна, с кожаным ремешком, охватившим волосы, как обычный мастеровой, вытравливая и вырезая какой-то узор на медной дощечке. Время от времени он подогревает колбу с едким составом на огне лампы.

Он напряженно работает, напевая себе под нос.

Отец Симон

«На реках вавилонских
Тамо седохом и плакахом!..»
Заплачешь, коли дети сатаны
Из рук работу вырвут и на чарку
К субботе не сберешь и за неделю.

(Входит Прося, жена Петра Мстиславца, ведя за руку красивого пятилетнего мальчика.)

Прося

Там, отче Симон...

Отец Симон

Что тебе, голубка?

Прося

Там травы бабы с дедом принесли.
Из Лугового. Доктора же нет.

Отец Симон

Пускай сюда несут. А только чем
Заплатим, Прося? Пусто в кошелье,
Как на току в Петровки у крестьян.
Крест, что ли, отнести мне к Мардохая?

Прося

Крест? И в заклад? И это поп сказал?
Ты очумел, отец святой, сошел с ума?

Отец Симон

(спокойно)

Нет, горлица, я не сошел с ума.
У Мардохая есть золотая чаша,
Что прислана епископом в заклад.
И знаешь, как он оценил ее?
Не по искусству хитрому рисунка,
И не по изваянию Голгофы,⁸⁶ —
По весу лишь и плотности металла...

Прося

Все ж это грех тягчайший...

Отец Симон

Грех? Возможно...

Иль нет? С серебряниками Иуды,
Быть может, этот крест составил сплав.
Их было тридцать кругленьких. Казна
Синедриона,⁸⁷ жадность иереев —
Основа сплава... Даже римский меч...
Кто поручится, что не влит металл
И в этот крест, не раз сменившись в плавках?

Прося

И слушать не хочу. Оденьте-ка подрясник,
А я лампаду засвечу. Про вас и так
Плетут бог весть что... Юрка,
Покличь сюда и бабушек и деда.
Да не «агу-агу», а низко поклонившись:
«Пожалуйста, прошу вас, заходите!»...

Юрочка

Ну хорошо. Я постараюсь, мамка.

Отец Симон

(одеваясь)

Дитя, оно всегда святое,
В нем чистая душа, без грязи, без обмана.
А золото иль камень — без души,
Они в руках людей — лишь добавленье.
Зло множит зло, добро творит добро.

Прося

А как растенья? Травы? Может, их
Напрасно доктору собирают. Ведь души
В них нет.

Отец Симон

У них другая сила.

Возьми хоть лук... Нет, древнюю иконку,
Всю почерневшую, со стертой медью.
Хоть три епископа над нею пой три дня,
Молясь о чуде: «Обновись, икона!»,
Она все будет черной. Но натри
Ее ты луковым, брусничным соком —
И засияют краски как живые.
Вот сила трав... Она сильнее
Молитвы трех священников, поверь мне.

(Юрочка вводит старух и деда с охапками цветов.)

Юрочка

(с поклоном)

Пожалуйста, я вас прошу, входите.

1-я баба

Расти, сынок!

2-я баба

Родителям на славу.

Дед

И людям на хвалу.

1-я баба

Ну, добрый день!

2-я баба

Здоровье в дом.

Дед

Христос вам в хату.

Прося

Здоровы будьте, милостивцы наши.

1-я баба

Так вы с попом, с киотом, со Христом,
А я все думала — молиться ль, не молиться,
Когда цветы рвала.

2-я баба

Я воробьиной ночью, при грозе,
Сбирала травы ото всех болезней,
Ведь, говорят, наш доктор — чернокнижник.

Отец Симон

Кто говорит-то?

1-я баба

Поп наш.

2-я баба

И наш ксендз.

Отец Симон

Они в плохих и добрых книгах смыслят,
Что поросенок в благовесте.

Что там?

Цвет-живосил? Чтоб кровь остановить.
Полынь — от живота, от лихорадки — вереск.
От ломоты в костях, сухотки и простуды —
Сбирайте корень валерьяны, аэр,
Кору крушины, лишай на дубе,
Иван-да-Марью, все такие травы,
Что ваши бабки столько лет собирали, —
С молитвой, без молитвы, кто как хочет...
И чтобы поп и ксендз уняли болтовню,
Я вот при вас святой водой цветы
Здесь окроплю крест-на-крест. Вот, смотрите!

Дед

Вот, вот... Я ж бабам говорил: «Не верьте!
В глаза наплюйте тем, кто скажет злое
Про доктора Францишка... Чернокнижник
Добро не станет людям приносить, как он,
Свое им не отдаст, копить богатство будет».

Отец Симон

Разбогател он — лишь на квас без соли!
Сбирайте больше трав, еще давайте,
А мы заплатим вам недели через две...

2-я баба

Я несогласна. Воробьиной ночью
И без молитвы... Столькими трудами...

Отец Симон

Коль без молитвы — все равно пропала.
Цветы я освятил. Не хочешь — забирай.

Дед

Тыфу! Сена наберешь — и все твои грехи
Святой водицей смоем. Подожди!

2-я баба

Придется, видно. Только ты уж, поп,
Святой воды не лей без дозволения.

Дед

Пришлось мне видеть, как топили ведьму...

2-я баба

Ты сам ведьмак! Кто посылает хворь
На скот и человека? Злые духи.
Умилостивить надо их, не гневать.
Порой молитвой только помешаешь.
Да велика ль и сила-то в молитве?
(Выходят. Прося с сыном провожает их.)

Дед

(беззвучно смеется)

Ты видишь, отче? Как ее взорвало.
А мне не нужно денег. Я за внука,

Его ведь вылечил пан доктор. Я готов
И жизнь отдать — не только труд.
Так будьте все здоровы.

Отец Симон

«Да велика ли сила-то в молитве?»
И баба даром в мощь молитвы
Не хочет верить. Да и как ей верить?
Вот освятили хату, даже храм,
Перун ударил — и горит, как свечка.
Молили, чтоб купцу был путь счастливый —
Разбойники ограбили его,
И в первом же овраге, догола.
Закажет человек обедню о здоровье —
И, не дождавшись до конца, от боли стонет.
Уж не пустое ль наши все молитвы?

(Вбегает взволнованный Петр Мстиславец, за ним
Прося.)

Петр

Вот радость, отче Симон. Ну и радость!
Уж, видно, «вспомнил бог царя Давида». ⁸⁸

Отец Симон

Царя-то вспомнил, нас с тобой не хочет.

Петр

Нет, вспомнил нас с тобою царь Руси.

Отец Симон

Он нас не знает — и не может вспомнить.

Петр

Как, нас не знает? Тот, кто наши книги
Взял в руки, с тем уж мы знакомы.

Прося

А как об этом ты узнал, Петрусь?

Петр

Московское посольство едет в Краков,
Через Духов монастырь справлялся дьяк о нас.

Велел сказать, что к нам зайдет сегодня.
Где пан Георгий?

Отец Симон

Где ж быть ему, как не в суде. Крючки
Его обсели пятый год, как сплетни,
Добро вытягивают до гроша
И кровь до капли.

Прося

(глядя в окно)

А вот они идут — и пан и пани.
Веселые, смеются... Дай-то бог,
Чтобы окончился их суд по правде!

Отец Симон

Чтоб у суда добиться правды, нужно
Всю землю повернуть кверху ногами,
Верней — поставить с головы на ноги.

(Входят Георгий и Маргарита. Юрочка бежит им навстречу. Георгий поднимает его на руки.)

Георгий

Как скачешь, крестник?

Юрочка

Хорошо.

Георгий

Тебе

Мы с тетей Маргаритою коня...

Медового... купили.

(Дает ему пряник.)

Прося

Не стоит баловать его, пан доктор.

Скажи спасибо дяде, Юрка.

Юрочка

Спасибо, пане дядя, за коня.

Георгий

Смотри, кума, поссоримся с тобою
За это «пане». Титул не у места.

Отец Симон

Поздравить с чем, Георгий?

Маргарита

Как всегда...

Георгий

Крючки судейские, когда найдут поживу,
Как и обычные крючки, ее не кинут,
Пока не обглодают до костей. Но нет!
До короля дойду, а справедливость
Я их заставляю уважать!

Маргарита

А вот на мой, на бабий разум, Юрий,
Я б отступилась. Пусть их суд сгорит!
Ведь, знаешь, Субатович слал Анету:
Мириться он готов на половине.

Георгий

Имущество не наше, а детей,
Детей Адверника, и лишь с него
Им нужно было б требовать. Их доли
Дароты падчерице с ее сворой
Бревна гнилого я не дам.

Маргарита

Дать, разумеется, не стоит... Отче Симон,
Вы потолкуйте с ним... Две головы —
Два разума. Как ни прошу его,
Чтоб взял он, дела ради, у Ивана
Хоть триста золотых — всего лишь триста!
А из моей он доли взять не хочет.

Георгий

(мягко)

Давай не будем говорить об этом,
И так перед тобой в долгу я как в шелку.

Шли хорошо дела у нас — я брал
И не успел отдать — суды все взяли,
Мое, твое. Нет, Маргарита, больше
Не будет так. Пока я не верну
Тебе твой вклад — и медного алтына
Я у тебя не стану брать, хоть в яму
Сажали б кредиторы. Отче Симон,
Готова ль для «Лечебника» гравюра?

Отец Симон

(подает доску)

Я все цветы повытравил, подрезал,
А вот целебный ключ — Вифезду с Иисусом. ... ⁸⁹
Не поднимается рука.

Георгий

А почему? Целебные ключи
Известны издавна. И пастухи нередко
Находят их — вся божья тварь стремится,
Поранив грудь или крыло в бою,
К таким источникам. И часто птицы
Слетаются, сползаются туда.

Отец Симон

Вот это я и вырежу на меди:
Орел крыло подбитое купает,
Иль нет — подставил под струю крыло,
Другое поднял к небу — мол, дай час,
Я вылечу крыло, взмахну им
И в небо ринусь! Это вот картина!
Пусть человек почует мощь земли,
Воды целебной мощь, что действует века,
А не случайно, как Вифезды чудо.

Георгий

Что ж, может, ты и прав. Зря отступил
От принципов я тех, что был готов
В дни юности оборонять и жизнью.
По-твоему будь, отче Симон.
«Вифезду» прочь. Христос пускай пророчит.
Орла в одном углу с одним колодцем,
В другом углу с другим колодцем — стадо,

И этим мы достигнем равновесья...
Ты, Петр, справляешься с отливкой букв?

Петр

Уж половина есть. Свинца не хватает...

Георгий

Берут для ядер... Всё на смерть людскую...

Отец Симон

Купцы поедут, может быть, в Москву...
А кстати, Петр, что новости твои?

Петр

Тут дьяк приехал из Москвы с посольством,
Он ищет нас чрез Духов монастырь.
Вас спрашивал, меня, искал печатню
И обещал прийти.

Георгий

Пускай приходит.

Москва немало книг у нас купила.
Жаль, что сегодня нечего ей дать
Из нового. Но, верно, час придет...

Петр

(выглянув в окно)

А вон и послушник. Он к нам.

Георгий

(Маргарите)

Встреть, милая, его и приведи сюда.
Ты, Прося, приготовь нам закусить
Чем бог послал...

(Маргарита и Прося выходят.)

Отец Симон

А мне идти кончать свою работу?

Георгий

От близких нету тайны у меня,

И, если дьяк московский не имеет
Служебных тайн, останься и послушай.
(Входят московский дьяк и Петр.)

Дьяк

Желаю здоровья и лада в доме,
Преславный доктор, брат, Георгий Скорина.

Георгий

Благодарю на добром слове, брат московец,
Как звать, не ведаю...

Дьяк

Иван, сын Федоров,⁹⁰ посольского приказа
При князе Сукине-Романове в дьяках...
Мне велено, как буду здесь проездом,
Наведать дом твой, передать поклон
От князя Глинского, Михайлы.

(Кланяется.)

Георгий

За честь спасибо князю, а тебе за труд.
Прошу садиться, гостем будешь.
А это — отче Симон, друг мой близкий,
Помощник мой в печатном трудном деле.

Дьяк

Благословите, отче Симон.

Отец Симон

И днесь, и присно, и вовеки.

Дьяк

Искусство книжное — другое дело,
Которое скрестило нам дороги.

Георгий

Прости, мой друг, здоров ли князь Михайла
И каковы успехи?

Дьяк

(встает)

Судьба его высоко вознесла:

Он сватом стал московскому царю.
Племянницу его наш государь великий
Взял в жены.⁹¹ Князь Михаила первым был
При разговоре о делах посольства.
Зашла там речь и о твоей печатне.
Припомнил князь, что сам с тобой встречался,
Как и с отцом твоим. А государь Василий,
Хваля твой труд, велел с тобой о книгах
Нам повести при встрече разговор.

Георгий

Приятно мне вниманье государя.⁹²
Я рад служить царю Руси — ведь этим
Служу и моему народу.

Дьяк

А книг уже оттиснули вы много?

Георгий

Прошу я, отче Симон, показать,
А мне дозволь заняться по хозяйству.

(Отец Симон молча раскладывает книгу за книгой. Георгий вышел, чтобы и в самом деле скоро вернуться со скромным, заранее подготовленным угощением.)

Дьяк

(отцу Симону)

Мы ведаем, Георгий Скорина
В краях латынских был, два имени имеет.
Митрополит Московский наказал
Дознаться, не печатались ли книги
При помощи иль при участии Рима?

Отец Симон

Скажи его преосвященству, дьяк,
Что принял Рим немалое участие!
Мы книгу каждую печатали тут с боем,
Костела подлости одолевали,
Фанатиков латынских злые козни,
Подкопы тайные и явные глумленья.
И книгу каждую мы из зубов
У аспиды и василиска⁹³ римской веры,

Как душ своих спасенье, вырывали.
Епископы в посеребренных митрах
Не помогали нам — ни Виленский, ни Минский.
Простые люди помогли: дьяки, попы,
Мещане веры русской, мужики...
Не знаю, нравится ли это все владыке
Московскому и всей Руси, а нам
Такое недоверие обидно.

(Скорина возвращается с угощением.
За ним — Маргарита.)

Георгий

Что ж, чем богаты, тем и рады.
Прости нам, гость, убогость угощенья, —
Оно от сердца. Я прошу за стол.

Дьяк

Не стоило вам хлопотать, хозяйка, —
Сыт вашей ласкою...

Маргарита

Нет уж, прошу вас,
По чарочке, чтоб не ломать обычай.
Вас, отче, и тебя, Петрусь, прошу я
Примкнуть к беседе нашей.

Дьяк

Что ж, раз уж пить судьба, поднимем чарку
За князя-государя всей Руси,
Василия Ивановича. За здравье
И долгий век на радость православным!

(Выпили.)

Георгий

Другую чарку пьем за просвещение,
Чтоб каждый человек хотя б святое слово
Мог прочитать, уразуметь...

(Выпили.)

Отец Симон

И с пользой
Не только для себя, а для всего народа,
А в крайности — хоть не во вред ему!

Дьяк

«Ученье — свет, а неученье — тьма».
Народ сложил пословицу не даром.
А может быть, учение во вред?

Отец Симон

Учен епископ, ксендз, учен и воевода,
Да их приказами у нас в подполье
Четвертый год закрыты под печатью
Печатный наш станок, наборы литер
И книг стоп тридцать, дьяк. Видать,
Есть разные науки и ученья:
Одни дают нам свет, другие — тьму.

Георгий

А ты подумай: может, не наука
Повинна тут, а ученик плохой.
Науку злую добрый сам отринет,
Не будет пить он из зловонной лужи.
А добрая наука и для злого
Полезна, как узда коню порою.
Наука — кораблю и гвоздь, и парус.
Как без гвоздей корабль не сколотить,
Так без науки и корабль всей жизни
Течь может дать и вовсе развалиться.

Отец Симон

Не вижу что-то доброго в науке...
Вон там, в Неметчине, из корабля
Державного крестьяне стали «гвозди»
Тянуть, так тотчас головами их
Паны назад все гвозди те забили,
И замки как стояли, так стоят.

Георгий

Нет, отче, так, да и не так. Однако ж,
Не очень мы любезны с гостем нашим.
Оставим споры до другого раза.

Дьяк

Нет, пане доктор, споры мне по праву.
Мы в нашем царстве пристально следим —

Что там, в Неметчине. Врагом иль другом
Она нам станет в этой новой вере?
При католичестве она жестоким
И лютым зверем нам была. Детей
Кидали рыцари в огонь во Пскове,
Топили, вешали и стариков и женщин,
Крестом свои злодеяния осеняя.
Хотели б мы, чтоб человек надежный
Забрался б к ратманам былым в берлогу
И там дознался бы по самой сути,
Что сменено: безбрачье и одежда,
Иль сердце и намеренья. Быть может,
Вам доведется быть в земле немецкой —
Прошу вас, приглядитесь русским оком...

Георгий

Охотно соглашаюсь я, тем боле
Что и меня Неметчина тревожит.
Племянник там, и он у немца служит.
Порасспрошу его, а по пути обратном
Заедешь ты сюда — и все узнаешь.

Дьяк

Чужой земли не ищем мы. Дай бог
Собратъ свое, помочь своим соседям,
Которых рыцари в бездолье ввергли...
Посольство наше едет к королю,
Чтоб вызнать, как относится он к немцам.
Племянник с дядею различной веры
И разные имеют убеждения,
Но оба двери в море наших предков —
В Балтийское — плечом подперли,
Ливонским рыцарям поддержку обещая.
Об этом речь потом. Но все ж,
Что можно королю сказать в защиту
Печати вашей — русской, православной?
Просить потребовать от имени царя
Вам не чинить препятствий?

Георгий

При случае замолвить слово можно,
Но требовать не стоит. Сам добьюсь

Я королевского суда. Я — доктор.
Прошу при возвращении в Москву
Не миновать меня и дом мой скромный.
Уверен я, печати будут сняты
С моих станков по воле короля,
И я смогу продать вам, русским, книги
Иль просто так послать — вот с Петрусем,
С Петром Мстиславцем. Он ведь, кстати,
В Москву стремился по делам печатным.
Сюда он послан князем был Мстиславским,
Когда и сам тот думал об отъезде
К Василию, московскому царю.

Дьяк

Пример достойный. Воля будь моя —
Печатню я б там приказал построить.

Георгий

И я так думаю. Пошлю Петра
Я к князю Глинскому: ⁹⁴ пусть он договорится
О разрешении печатню строить.
Мы с Симоном покончим тут с судами,
Запрет с печатни снимем, с наших книг,
Разыщем Товия — и в добрый путь —
В Москву! Она, быть может, станет
Нам родиной — другою, настоящей!

Дьяк

Дай бог! И вот вам клятва на кресте,
Что к этому сам приложу я руку.
Содействовать вам буду без обмана,
От всей души, покуда я живу.

Георгий

Спасибо, брат Иван, спасибо.
Теперь, жена, есть почва под ногами
Надежная. Теперь твою всю долю —
Нет, нет, не всю — лишь часть — возьму из дела,
Чтоб правдой иль неправдой — все равно —
Распутать узел с этими судами,
А не распутать, так рассечь. На память
Возьми, мой гость, две этих книги.

Вот первая, а вот последняя. Их мало
В продажу пущено, не купишь. Я
Зову последней эту книгу, веря,
Что мы в Москве их выпустим немало.

Дьяк

Спасибо за подарок дорогой.
Звонит к вечерне Духов.⁹⁵ Мне пора.
Пока мы в Вильне, я еще не раз
К вам загляну, чтоб сердце усладить
Беседой мудрой вашей.

Маргарита

Прошу вас. Будьте гостем дорогим.

(Все провожают дьяка, кроме Проси, наводящей порядок в комнате.
Первым возвращается Петр.)

Петр

Ну, Просечка, иди собирать
В путь дальний своего Петра.

Прося

Как? Одного? А как же я и Юрка?

Петр

Но прежде чем отправиться с семьей,
Потребно одному идти, дотолковаться.

Прося

(плача)

Один? Один ты не пойдешь. Я не пушу
И не отстану ни на шаг. Я знаю,
Тебе бы лишь уйти! Мы надоели,
Ты нас не любишь...

Петр

Не зли меня ты бабьим плачем, Прося.
Ну посуди сама: пошли дорогой
С тобой и Юркой мы пешком в Москву, —
Любой шляхтук иль арендатор панский
Напустит гайдуков в глухих местах,
На дальний хутор уведет и свяжет!

Запишут именем крестьян сбежавших —
И адом станет жизнь для нас надолго.

Прося
А одного не словят?

Петр
Пусть они
Попробуют! А словят — убегу.

Прося
А убежишь — убьют. Я несогласна!
Нет, никуда с тобой мы не поедem.
Да провались оно совсем!..
(Возвращаются Скорина и отец Симон.)

Георгий
То вы как голубки, то в ссоре. Середины
Не видно... Молодость! Из-за чего ж сейчас
Вы ссоритесь?

Прося
Я одного его в Москву, ей-богу, не пушу.
Вы как хотите, кум!

Петр
А с ней и с сыном
Поехать так вот, сразу — риск большой.

Георгий
Так не сегодня ж ехать... Всё мы взвесим,
Вас от набегов шляхты оградим
Охранной грамотой, купеческим обозом.
Эх, как бы только нам достать те книги,
Что зря лежат все время за печатью!

Петр
А я достану! С Симоном не раз
Обдумали мы, как...

Георгий
Ну как?

Петр

Через трубу.

Мы начали, сказать по правде, дело.
Взгляните вот сюда. Вот лаз,
А вот и книги. Рукописи с ними.
Когда б вы не мешали нам порой
Своей работой, мы б не только книги,
А и шрифты давно б снесли наверх.
Жаль, что станок в трубу не пролезает,
А то б я и его достал!

Георгий

(рассмеялся)

Да, — «Мне отмщение, и аз воздам!»⁹⁶
Сильна обида — велика и хитрость.
В другое время это б не годилось,
Теперь же — да простит нас бог!
Вот, Петр, и плата за года работы,
И Просино приданое. Простите,
Что мало. Большого я не имею.
Дам к Глинскому письмо. И если совесть
В нем не погасла вовсе — обеспечить
Начало дела нового мы сможем.

Отец Симон

Внизу стоят два сундука шрифтов,
Облеплены печатями. Сломать?

Георгий

Печать ломать закон нам запрещает.
Пусть постоят. Письмо к Ивану брату
Я в Познань напишу сейчас. Пускай
Нам на расходы триста золотых
Из дела вынет: на шрифты, бумагу.

Маргарита

(входит)

Георгий... Юрка... Не пугайся — к нам
Гонец из Познани. Иван... брат... умер!

Гонец

Мир дому вашему, преславный доктор!

Простите мне, что с вестью я дурною
Явился и печалю ваше сердце.
Скончался ваш Иван. Заимодавцы
Арест уж наложили на добро,⁹⁷
Которым обладает Якоб Корба.

Георгий

Роман где?

Гонец

В Риге. И за ним послали.

Георгий

Что ж! Суждено еще перенести
Мне испытание судьбы. Иду.

ЗАНАВЕС

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Тот же год. Познань. Дом купца Габерлянда. Иоганн фон Шпилер один, читает письмо.

Иоганн
(злобно)

Ну судьи в Риге! Поручить им можно
Лишь пень стеречь — и то б он убежал.
Того гляди, что выпустят на волю
Змеиное отродье...

(Вбегает Моисей, брат Мардохая из Вильны, и за ним его
свойка Лазарь Варшавский.)

Моисей
Герр Иоганн! Он приехал. Добрый день!

Лазарь
Приехал утром сам Георгий Скорина
Из Вильны. Добрый день, преславный рыцарь!

Иоганн
Каков ваш иск?

Лазарь
Четыреста двенадцать,
Четыреста двенадцать, славный рыцарь,

Что занял брат его Иван в Варшаве.
Их нам вернуть обязан он, Францишек.
В темнице сын Ивана, как известно,
А их имущество в торговле — нераздельно.

Иоганн
Все это глупость, Лазарь. Вы куда
Должны бы были иск направить,
Когда б Францишек в Познань не приехал?

Лазарь
Ну разумеется, герр Иоганн, в Вильну.

Иоганн
А что, когда б его там не нашли?

Моисей
Мы подождали бы его приезда.

Лазарь
Зачем нам ждать? Искать его нам нужно
Везде, куда успел он убежать.

Иоганн
Вот именно, куда успел сбежать.
Вы понимаете меня, надеюсь?

Лазарь
Та-ак! Понимаю. Но, герр рыцарь,
Теперь все это стало бесполезно,
Ведь нам известно: он приехал в Познань,
И с нынешнего дня он здесь.

Иоганн
А был он здесь вчера?

Моисей
Нет, не был.
Еще не знали мы, что он не в Вильне.

Иоганн
А кто вам может заглянуть под череп:

Что знали вы вчера и что сегодня?

Могли еще вчера вы знать, что он,

Ответчик ваш, не в Вильне?

Моисей

Да.

Лазарь

Могли.

Иоганн

Могли вчера не знать вы, как, куда
Исчезнул он, чтоб не платить долгов?

Моисей

Могли не знать, конечно.

Лазарь

Да, могли.

Иоганн

Могли вчера просить вы короля,
Чтоб свой он выдал вам указ:
Где б ни нашли сбежавшего от платы
Купца и мещанина Скорину,
Пока не уплатил он — взять в тюрьму?
Указ от Сигизмунда короля
Поможет вам достать мой старый друг.
Я дам письмо... А сам стараться буду,
Чтоб он не смог вам сразу заплатить
И не платил возможно дольше.

Лазарь

Позвольте. Я не понимаю, нам
Какая же корысть в таком гешефте?

Иоганн

А та, что спрятанное в складах Корбы,
С процентами, с надбавкой — вашу долю —
Я дам приказ отдать вам, и убытку
Вы не потерпите. Сбирайтесь в Краков,
Чтоб быть через неделю здесь с указом.

Л а з а р ь

Мы съездим, рыцарь. Льстим себя надеждой,
Что там, у пруссов, в Бранденбурге, все
Наладите своим вы веским словом
И защитите наши интересы.

И о г а н н

Я слово дал — оно верней меча.

(Лазарь и Моисей, кланяясь, выходят. Иоганн ударил
в ладоши.)

Герр Габерлянд! Придите на минутку!

(Входит хозяин.)

Г а б е р л я н д

К услугам вашим я, герр Иоганн.

И о г а н н

Известно ль вам, почтенный Габерлянд,
Та доля из наследства Скорины,
Что Якоб Корба держит у себя?

Г а б е р л я н д

Полтысячи и двести золотых,
Коли считать по самым низким ценам...

И о г а н н

По описи взял? Или был свидетель?

Г а б е р л я н д

Без описи не примет Якоб Корба.

И о г а н н

А запись ту нельзя ли уничтожить?

Г а б е р л я н д

Нет! Якоб — честный немец. Не пойдет
На это он, хотя бы весь товар
В его распоряженьи мог остаться.

И о г а н н

Гипербола! А кто от Скорины

Введен в то дело был еще при жизни
Покойника?

Габерлянд
Слуга Ивана Ежка.
Ну и Роман, Иванов сын, что в Риге.

Иоганн
И в Риге и в тюрьме. А этот Ежка,
Он предъявляет иск?

Габерлянд
На пятьдесят
Столбцов монет — литовскою чеканкой.

Иоганн
Пускай удвоит иск и подтвердит,
Что вам Иван отдать обязан
Все, что останется, когда погасим долг
Варшавским иудеям, Корбе, Ежке,
Чтобы Францишку даже не осталось
На корку хлеба, если сядет он
В познанскую тюрьму. Идите
И выполняйте то, что я сказал.
(Габерлянд выходит.)

Иоганн
(один)
Выскальзывал не раз ты, Скорина,
Лишь потому что не был я тут близко
Иль силы не имел. Но раз уж я судья,
И коль останусь им — сидеть тебе в темнице!
(Выходит. Сцена на некоторое время пуста. Потом приходят
Георгий Скорина и Якоб Корба.)

Корба
Преславный доктор, умер герр Иван
Столь неожиданно, что привести
В порядок дел торговых не успел.
Меня он вызвал с Габерляндом и при Ежке
Душеприказчиками объявил,
Пока из вас, родных, кто не приедет.

Георгий

Наследник у него один — Роман.
А у меня нет склонности к торговле,
Иванова наследства не приму.
Останьтесь сонаследниками все
До возвращения Романа. За труды
Не будете в обиде вы, герр Корба.
А кто у вас судья?

Корба

Фон Шпилер Иоганн.

Георгий

Фон Шпилер? Иоганн? А скажите —
Он в вызове моем не принимал участия,
Совета не дал вам иль Габерлянду?

Корба

За Габерлянда не ручаюсь. Мне же
Ни слова не сказал, как я ему.

Георгий

Сходите же за Габерляндом, Ежкой.
(Корба выходит.)

Георгий

(один)

Здесь, может быть, стечение обстоятельств,
А может быть, и западня. Ну что ж,
Не в первый раз бороться мне с судьбою.
А что использовать он этот случай
Захочет, — тоже ясно мне.
Он злобой ослеплен ко мне и к делу,
Которым озарил я жизнь свою.
Но что он замышляет? Как юрист,
Запутать может дело о наследстве.

(Достает заемные письма.)

Заемные листы Ивана Маргарите.
Которое из них? Где меньше сумма?
На двести тридцать золотых. Ну, так!

(Садится, пишет.)

Душеприказчикам Ивана Скорины

И в суд познанский. Я, Францишек Скорина,
Иск учиняю по наследству брата
От имени супруги, Маргариты.

(Входит Ежка Стефанович.)

Ежка

Паночек мой, ай-ай, как хорошо,
Что ты приехал! Ручку! Как, не хочешь?
Иль рассердился? Уж наговорили!
Ну и народ тут, пане — все злодеи,
Где могут, рвут. Гляди-де в оба,
Махай, как на осу над медом.
Не углядишь — пропало. Дни и ночи,
Как верный пес, имущество стерег я.

Георгий

И многого уже не углядел?

Ежка

Да, человек правдивый я, простой,
Всегда был предан пану Скорине,
Как пес...

Георгий

Ты Ежка?

Ежка

Ежка Стефанович.

Георгий

Как умер брат Иван? Хворал он долго?

Ежка

Нисколечко. С купцами поругался
Из-за цены на шкуры. Обманули.
Промеж собою сговорились немцы
Давать лишь полцены. Пришел сердитый,
Хватался все за сердце пан Иван.
Потом меня покликал, приказал
Позвать скорее Корбу, Габерлянда
И, все доверив им, велел послать
За вами поскорей и за Романом.

Георгий

Чем Габерлянд склонил к себе Ивана?

Ежка

Он тоже оптовик. И выручал не раз
Ивана займами, как и Иван его.

Георгий

А честности какой?

Ежка

Купец, известно.

Там, где нельзя без честности, он чист,
А где сорвать возможность есть — сорвет.
И оком не моргнет.

Георгий

И ты?

Ежка

Что я?

Паночек милый, я ведь лишь слуга.
Мне б только вырвать то, что пан Иван
Сам занял у меня.

Георгий

А сколько?

Ежка

Коп пятьдесят, не больше. Значит, сто
Литовских грошей малых...

Георгий

Есть расписка?

Ежка

На пятьдесят как будто есть.
А остальное... есть свидетель.

Георгий

Но кто свидетель?

Е ж к а

Габерлянд.

Г е о р г и й

А ты свидетель Габерлянду?

Е ж к а

Да.

Г е о р г и й

На сколько?

Е ж к а

Пятьдесят.

Г е о р г и й

Послушай, Ежка...

Е ж к а

(нагло)

Зачем же мне свое терять?

Всегда ль найду такой я случай?

Г е о р г и й

Послушай, Ежка, то, что делал ты, —

Могилы ограбленье, святотатство.

Крадешь ты вещи, что велел покойный

Тебе хранить, тебя считая честным

Товарищем-слугой, христианином.

Но и не в том твой самый главный грех.

С купцами ты сам их грехов набрался.

Не упрекну тебя, и сам признаю

Не пятьдесят, а сто коп за тобой.

Е ж к а

Вы признаете?

Г е о р г и й

Да!

Е ж к а

Так в чем мой грех?

Г е о р г и й

Ты в городе чужом, среди чужих людей
Не сам лишь по себе — народа представителя,
Ты половчанин, славянин, сын Белоруси.
Свою еще мог запятнать ты честь,
Но честь народа, Полоцка, Руси
Пятнать не смеешь, чтоб не мог сказать
Поляк иль немец, Корба, Габерлянд:
«Немного стоит совесть половчан —
Купил же Ежку я — и за бесценнок!..»

Е ж к а

А мне ведь здесь недолго оставаться.

Г е о р г и й

Уедешь ты — останется бесславье
И принесет тебе его любой,
Кто вслед тебе поехать может, даже
И сын твой в старости твоей. Нет, Ежка,
Не стоит кучка денег этой славы.
Что Корбе обещал ты?

Е ж к а

Ничего.

Г е о р г и й

А Габерлянду что? Одну расписку?

Е ж к а

Все, что он подсчитает, скажет, пане!
Не признавайте долга без расписок.
Покойник ничего без них не брал.
Кому был должен он и кто ему,
Записывал он в книгу каждый день.

Г е о р г и й

Где книга?

Е ж к а

У меня.

Г е о р г и й

Они не знают?

Е ж к а

Нет.

Г е о р г и й

Прекрасно. Спрячь ее до дня суда.
Тогда предъявишь. Габерлянд скажешь,
Что ничего бесчестного не будет.

(Входят Корба и Габерлянд.)

К о р б а

Ах, Ежка тут, а я его ищу.
Вот и Георгий Скорина. Известный
Наш доктор. Это — Габерлянд,
Мой друг, второй душеприказчик
Покойного Ивана.

Г а б е р л я н д

Считаю честью быть знакомым с вами.
Вам Ежка все уже сказал?

Е ж к а

Сказал.

Г а б е р л я н д

Так вот расчет, какой суду сегодня
Мы подадим, чтоб разделить наследство.

Г е о р г и й

Быть сонаследником никто меня не звал.
Мой брат Иван платил долги исправно,
И мне хотелось бы, чтоб к кредиторам
Причислена была одной из первых
И Маргарита Скорина.

(Подает свой иск.)

Г а б е р л я н д

Принять не можем больше. Тут и так
Не хватит для расплаты...

Г е о р г и й

Что ж, я тогда направлю это в суд.

Г а б е р л я н д

Не хватит денег, поглядите сами.

Георгий

Взглянуть хочу я на одно:
Какую цифру здесь поставил Якоб Корба?

Корба

Ни злота. Разве что за пропитанье
Жене бы надо тридцать золотых...

Георгий

Хочу я руку вам пожать, герр Корба.
Два честных человека на суде —
Наполовину выиграно дело.

(Глядит на список.)

Бен Мардохайм, Моисей и Лазарь...
А эти здесь при чем?

(Незамеченными входят Иоганн фон Шпилер
и Моисей.)

Иоганн

При том, купец Францишек Скорина,
Что ты сбежал из Вильны, чтоб долги
За брата не платить. И есть приказ
Под стражу взять тебя, пока не будет
Заплачено вот этим иудеям,
Которым в Познани был должен пан Иван.

Георгий

Хочу приказ я видеть королевский.

Иоганн

Он будет через день иль через два.
Арест накладываю превентивно.

Георгий

Судья фон Шпилер, это самочинство
И злостное законов нарушение.
Клянусь, оно вам даром не пройдет!

Иоганн

Эй, стража!

(Ландскнехты арестовывают Георгия.)

ЗАНАВЕС

КАРТИНА ВТОРАЯ

1529 год, через несколько месяцев. Королевский дворец в Кракове. Зала суда. Никого еще нет, только проходят писцы. Через некоторое время слуга с низким поклоном вводит двоих ученых в докторском одеянии. Это — Николай Коперник и Георгий Скорина.

Коперник⁹⁸

Нет, как известно, худо без добра.
Нас случай свел — пусть и в судейском зале.
О славе ваших дел я слышал не вчера,
Мне много доброго о вас порассказали.

Георгий

О добром деле слух идет к ушам,
Но славу ту всегда присвоить могут.
Жаль, власть имущие — не меценаты нам
И разуму дать силу не помогут.
Вот вы — каноник.

Коперник

Хуже доли нет:

Сбирай епископу поборы, десятины,
А мысль о звездах, о путях планет
Прячь далеко, на самые глубины.
Я вас, собрат, поправить бы хотел:
Примером вы однажды взяли чудо
О солнце, о Навине,⁹⁹ что посмел
Остановить его. Я спорить буду.
Не мог сдержать Навин и даже бог
Светила бег хотя бы на мгновенье, —
Иначе бы совсем сломать он мог
Вселенной вековечное строенье.
И день и ночь слежу я двадцать лет
За ходом звезд, за солнцем в мироздании
И я хочу сказать вам: сущий бред —
Обычной астрономии писанья.
Нет, не земля, а солнце — центр живой
Орбит планетных, сферы Птолемея,¹⁰⁰
Вокруг него путь пролагают свой
Земля, планеты, — к солнцу тяготея.

Скорина

Тогда ученье церкви пало разом.

Коперник

И пусть живут наука, опыт, разум!

Слуга

(входя)

Его величество, сам герцог Бранденбургский!

(Входит Альбрехт¹⁰¹ со своей свитой и епископом.)

Альбрехт

(епископу)

Ничем святой я церкви не обидел:

С епископом делю я королевским

Владенья Ордена, и он мне стал вассалом.

Епископ

Сняв свой духовный сан?

Альбрехт

Его в том воля.

Признайтесь — папа сам и церковь ваша

Дела земные ближе держат к сердцу,

Чем нужды веры, — веру загубили.

Мечтая о владычестве над миром,

И нас могли бы ввергнуть вы в погибель.

Епископ

А вы, престол и власть свергая папы,

Пример даете черни вас низвергнуть.

Альбрехт

Они низвергли б нас и без примера,

Коль Реформацию мы б опоздали

Возглавить сами... что до вашей просьбы,

То передайте папе — я охотно

Отдать могу один собор в Крулевах

И часть земли епископу его,

Когда он даст мне слово — не входить

В раздоры, споры с королевской властью

И властью герцогской, моей. Аминь!

Епископ

Я сам поеду к вам.

Альбрехт

Вы сами?

Дам вдвое. Духовник вы короля,
И с вами мы поладим. А скажите,
Вон там каноник с доктором в беседе,
Я их встречал у дяди. Кто они?

Епископ

Я познакомлю вас: один — племянник
Епископа-собрата, наш каноник —
Коперник Николай, другой — Георгий,
Известный доктор полоцкой земли.

Альбрехт

Георгий Скорина. О нем я слышал.

(Епископ посылает монаха, и тот приводит ученых.)

Епископ

Я вас хотел бы герцогу представить.

Альбрехт

(Георгию)

Про вас пришлось мне слышать столько раз
И столько всякой похвалы, что мне
Хотелось бы от всей души просить
Приехать в Крулевец и в Кенигсберг.
Есть у меня там иудей — печатник, доктор,
Его я в Кракове нашел случайно
Лет пять иль шесть тому назад. Не очень
Он дело развернул... Да нет, не то.
Он — иудей. Когда б вы согласились...

Георгий

Позвольте мне подумать, ваша светлость.

Альбрехт

Заранее скажу вам: ваши мысли
С моими схожи (но в разумной мере).
Не постою за платой. Будет дом

И выдачи на опыты любые.
А мне нужны: работа, знания, честность.

Георгий

Позвольте мне подумать, ваша светлость.

Коперник

Одно позволю сделать замечанье:
Коллега Скорина — муж славный, муж ученый
И принципы имеет. Ими он
Не поступился пред угрозой, горем...
Согласны ль, ваша светлость, твердость эту
Всегда вы уважать?

Альбрехт

О, безусловно.

Найдем дорогу общую мы в том,
Что принципов ничьих не унижает.
А вас я попрошу с бароном
Всемерно уточнить условия ваши.

Слуга

Их милость королевская!..

(Входят Сигизмунд¹⁰² и несколько панов-советников.)

Сигизмунд

...Меж тем

Решим дела. Свидетели по ним
И челобитчики давно нас ожидают...

Один из советников

Уж столько дней они...

Сигизмунд

(увидев Альбрехта)

А, это герцог!

Альбрехт

(подходит)

Свое свидетельствую уваженье
Вам, сюзерен и родич. Как здоровье?

Сигизмунд

Благодарю. Неплохо. Плохо то,
Что рыцари твои, как злые псы,
Которых с цепи ты спустил,
Именья у границы разоряют.

Альбрехт

Коль Кретинген, король мой, вы имели
В виду, то там ксендзы,
Отставленный и нынешний, за землю
Чуть-чуть носов друг другу не отгрызли...

Сигизмунд

Когда б одни носы... а то участки!
А в Кейре?

Альбрехт

Что там в Кейре, я не знаю.

Сигизмунд

Пошлю для справедливого раздела
Двух представителей моих. Ты шли своих...
Пусть проведут расследование ссор,
Уговорят и успокоят.

Альбрехт

Ладно.

Сигизмунд

А что до ваших дел с епископом, то я
Хотел бы, чтобы ранее вы сами
Пришли к согласью с ними, ксендз-епископ.
Не может королевство наше брать
Улаживанье ссор меж всеми,
Кто от костела к немцам отшатнулся.

Альбрехт

Любой на вашем месте самодержец
Взял первым бы себе именья церкви.

Сигизмунд

А как же «божье богови» тогда?

А л ь б р е х т

Вы — кесарь на земле и только на свое,
Земное, вы б претензии простерли,
Когда бы отрешили — не от бога,
А от попов — леса, поля и воды.

С и г и з м у н д

Для Польши было б то, племянник, рано...
Достаньте дело доктора Францишка.
А ты, племянник, в путь!

(Альбрехт и его свита выходят. Францишек хочет что-то сказать,
но его перебивают.)

Я знаю, доктор... Запиши, пан писарь:
«Тот вывод подтвердить, что пан епископ,
Ян Виленский, по делу дал: наследство
По матери, Дароте, — Маргарите,
Супруге доктора и детям Маргариты,
Чтоб Собачович и никто другой
В имуществе ее уж не совали носа
Под страхом смерти».

Г е о р г и й

И чтоб судебные издержки заплатили,
Как дело начавшие незаконно.

С и г и з м у н д

Ты припиши, пан Кишка. Как другую
Из Познани решить мне вашу просьбу,
Еще не знаю я.

Г е о р г и й

Как первую — и так же справедливо.

С и г и з м у н д

Тут дело с немцами. Их обижать
Не следовало б, доктор. Нам нужны
По городам купцы, ремесленники.

Г е о р г и й

Знаю.

Но, как я полагаю, государству
Всего нужнее все-таки закон,

Для всех людей единый, справедливый,
Который бы боялись нарушать.

Сигизмунд

Они перечат: мол, закон нарушен...
Мол, следовали мы за ним по букве,
Не отступив «ни семо, ни овамо». ¹⁰³

Георгий

И все же столько дней держать в тюрьме...

Сигизмунд

Случайность, доктор, недоразуменье.
Они отслужат вам, лишь только случай
Представится. Да, вы просили
Шесть тысяч гульденов? Не можем
Мы присудить того. Как наш Совет?

Советники

Вне всякого сомненья, ваша светлость...

Сигизмунд

Пусть будет так...

Георгий

Склоняю я главу
Перед решением, светлый наш король.
Но я прошу вас и Совет припомнить
Когда-нибудь слова Францишка Скорины:
Некрепко царство, где чужие стали
Своими в прирубежных городах.
Во время войн такие города
Для врага — свои, а для своих — чужие.
Еще слабее царства, где чужие
По слову короля своих важнее,
Где своеволие их поддержано законом
Во всей стране: то глиняное царство.

Сигизмунд

Ищите золотое — не перечу.

Георгий

Король, такого, к сожалению, нет!

Сигизмунд

Паны-советники, мы кончили сегодня.

(Копернику)

Монетным делом мы займемся завтра.

(Свита и король выходят.)

Коперник

Я часто думаю, коллега, — человек
Напрасно мнит себя вершиной мироздания.
Он не вершина и не корень — сердцевина,
Порой дуплистая до полной пустоты,
Гнилая, слишком слабая. . .

Георгий

О нет,
Нет, пане многотимый! Человек
Есть то, чем сделали его другие люди.
Учить. . . Учить его, как надо жить,
Как уважать себя, других, своих,
Чужих людей — и близких и далеких, —
Вот что достойно званья человека.

ЗАНАВЕС

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Корчма вечером. Группа крестьян за пивом.

1-й крестьянин

Мы все надеялись на лучшее, сосед,
Когда кресты на площади собрали.

2-й крестьянин

А что, иль меньше спеси и у них?
Ты ж видел — рыцари прошли наверх
И даже не взглянули.

1-й крестьянин

Те-то двое?

Я одного узнал: старик фон Шпилер,

Купец. У нас он покупал щетину
И с нас щетину драл еще до крестоносцев.

2-й крестьянин
Не приказали встать. Ну да и ладно.
Так выпьем же за новое, соседи!

3-й крестьянин
За старые болячки: за поборы,
За сборы, панщину...

2-й крестьянин
Но не за десятину...
(Входит русский скоморох с медведем.)

Скоморох
А, здравствуйте, мейн герры! Гутен таг! *
Их — то есть я, и мой медведь, герр бэр,
Зашли повеселить почтенное собрание.

Крестьяне
Гут, ** гут... Литвин?

Скоморох
Мы рус. И я и Мишка.

Крестьяне
Гут, русишен! Давай.
(Собирается молодежь.)

Скоморох
А ну, Мишук, не посрами земельки нашей,
Герр немцам покажи, какие мастера
С тобою мы. Как бабы — по-немецки фрейлен —
На женихов глядят, получше выглядят.
(Медведь ломается, подняв лапу.)

А вот и он! Лицо красotka прячет,
Через плечо глядит. Вот усмехнулась,
Лицо закрыла фартуком, а глазки —

* Господа. Добрый день! (искажен. нем.)

** Хорошо (нем.).

Туда, сюда. Ох, как она следит,
Чтоб мать не видела, отец бы не заметил.
Нихт муттер, нихт и фатер.
Кус мир, майн готт. * И, ах... упала!
А ну, Мишук, покажь нам, как их женки,
Как ихние Маргреты, за водой идут.

Крестьяне

Гут! Гут!

Скоморох

Идет за вассер. ** Утро. Хочет спать...
Эх, провались, вода! И неохота,
А надобно. Ведь свекор — гад сердитый,
Свекровь на печке — ну что пес цепной.
Забрала коромысло. Ведра ищет.
Цепляет их. Споткнулась на крыльце,
И загремели ведра. Тесть проснулся
Да плеткой полоснул. Маргрета почесала...
Да нет, Мишук, не там, ведь там не быют.
Свекровка выползла, ругает. Уши
Маргрет заткнула — ведра все ж взяла,
Подобрала подол — айда к колодцу.

Крестьяне

Гут, гут, герр скоморох! Гут, руссиш, гут!

Скоморох

И сам, брат, знаю я, что гут.
Да голос сел — пивком бы промочить
И мне и Мишке... Пи-ва!

(Показывает пальцами.)

Крестьяне

Ферштейн. *** Эй!

(Приносят кружку пива.)

* Ни мать ни отец. Целуй меня, бог мой (искажен. нем.).

** Водой (нем.).

*** Понимаем (нем.).

Скоморох

За ваше здоровье, герры!
(Входит Скорина.)

Георгий

Ну и пивко!
Так выпил, что и мне вдруг захотелось.
На доброе здоровье, скоморох!

Скоморох

А, батенька! Запахло русским духом!
И слово русское, святое, прозвучало.
(Оборачивается и видит доктора.)

Нет, басурман...

Георгий

Сам басурман с медведем!
Здорово, краснобай!

Скоморох

Здоров будь, пане.
Постой, да то Георгий Скорина!

Георгий

Из Вильны?

Скоморох

Был и в Вильне.

Георгий

А давно?

Скоморох

Давненько.

Георгий

Кончил здесь ты представленьё?
Садись к столу и ужинать начнем.
Хозяин!

(Кланаясь, подбегает хозяин, сменяет скатерть, подает бутылки,
Медведь улегся под столом. Крестьяне разошлись.)

Георгий
Что ж ты забрел сюда? Один?

Скоморох
Да нет. Была здесь ярмарка недавно,
Пришли мы в Крулевец. Улов был невеликий,
Вот и пришлось идти по деревням.
Они в соседние, а я вот в эту.

Георгий
И вас, скажи, не обижают немцы?

Скоморох
А мы к обидчикам ходить не станем.
Обходим замки... Только где попросят...

Георгий
Бывал ты в Ордене?

Скоморох
Ну как не быть? Бывал.

Георгий
Есть перемены? в чем? добрее люди стали?

Скоморох
Как кто, пан доктор. Рыцари-то нет,
А вот крестьяне — да. Ведь им, как нам,
Войны не нужно. От нее разор.
Да не поймешь без языка. Понятно
Лишь по глазам.

Георгий
А что глаза сказали?

Скоморох
Что у панов и тут — все сало и все мало,
Как говорится. Что у всех крестьян
Свербит на сердце. Но молчит язык.
Не высунься, а то подрезать могут.
Эх, доктор, доктор, сын Скориныч,
Земель ты много обошел, объездил?

Георгий

А ты ведь сам где только не бывал.

Скоморох

Бывал я в Польше, в Чехии, у немцев.
А Мишка с прежним был поводырем
В Италии.

Георгий

Ну вот, не лыком шиты!

Скоморох

Тебя хочу спросить я: есть ли
На божьем свете сторона такая,
Где б черному тяжелому труду
Путь светлый был?

Георгий

Уж твой на что светлее.

Скоморох

Ты не шути. Игру наладить —
Вот наше дело. Жизнь — совсем другое.
Не о себе я. А о бедных людях.

Георгий

Нам не шутить нельзя. Не то завоем,
Как волки в пост филипповский. Пока
Такой страны не видел. А должна,
Должна, приятель, быть она на свете,
Где в сладость пот нам, где работа
Как доброе вино, где нет неправды,
Где от души работают...

Скоморох

И даже царь

Идет за плугом?

Георгий

Даже царь.

Где нет ни войск, ни воевод, ни судей,

Ни замков, ни острогов, ни темниц,
Где правит вече...

Скоморох

Сказки говоришь!

Георгий

Все это сказки? Да, покуда сказки.

Скоморох

Из тех земель, что есть сейчас, обычных,
Не сказочных, какая лучше всех?

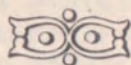
Георгий

Для нас с тобою, милый человек, —
Родимая нам Русская земля.

ЗАНАВЕС

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

1553 год. Бранденбург. Замок Альбрехта. Перед Альбрехтом
стоит Иоганн фон Шпилер.

Альбрехт

Не поздно ль ты домой вернулся, рыцарь,
Чтоб мог я верить в честность возвращенья?

Иоганн

С отцом приехал я и голову его
Готов вам дать в заклад, великий герцог.

Альбрехт

Чужую голову отдать в заклад нетрудно,
В опасности — ее покинуть...

Иоганн

Но отца
Люблю сильнее я, чем самого себя.

Альбрехт

За кем же, рыцарь, здесь твое именье?

Иоганн

За дядею моим, бароном Шпилер.

Альбрехт
А кто же твой отец?

Иоганн
Купец и доктор.

Альбрехт
Мне доктора не нужно. Иудей
Врачует здесь за хлеб и ласку. А сегодня
Приедет самый славный из врачей —
Францишек, иль Георгий Скорина.¹⁰⁴

Иоганн
Францишек Скорина? Его я знаю. Только...

Альбрехт
Что только?

Иоганн
Более печатник он, чем врач.

Альбрехт
А это лучше! Он-то мне и нужен.

Иоганн
Его вам надобно беречься, герцог.
Францишек Скорина — фанатик.

Альбрехт
В чем?
Он фанатично любит свой народ,
Свой нищий край.

Что ж! Лучше тем для нас.
Тогда уже не может он не видеть,
Что Польша Белоруси старый враг
И что искать союзников потребно
Для вызволения из польского полона
И Белоруси и Литвы.

Иоганн
Ну, а Москва?

А л ь б р е х т

В Москву поверить может чернь, а доктор
Скорей поверит в силу, что к Востоку
Путь держит неуклонно, хоть не скоро.
Сам бог ее направил на Восток.

И о г а н н

Великий герцог, я прошу простить.
Я, вашей милости слуга смиренный,
Осмелюсь дать совет.

А л ь б р е х т

Совет? Какой же?

И о г а н н

Когда бы Скорина хоть половину
Дум ваших разгадать мог, он служить
Не стал бы вам минуты ни единой.

А л ь б р е х т

Заставим силою. Подписан договор.

И о г а н н

Он договор порвет. Его опутать надо,
Чтоб был он вам по совести обязан.
Тех обязательств нитки самой тонкой
Он не порвет. Не то порвет и цепи.

А л ь б р е х т

Он может и не знать, но ты забыл.
Что в Пруссии у нас такие кузнецы
И цепи здесь куют такие, что...
Не только доктора — и рыцари не смогут
Единого звена из них порвать.

И о г а н н

Я это помню, герцог, и хвалю
За это бога высшего вседневно.
Но я предупредить вас о Францишке
Считал своим служебным долгом.

А л ь б р е х т

Служебным? Гм... Не слишком ли ты рано
Себя определил ко мне на службу?

И о г а н н

(достает карту)

Вот смысл моей работы
Для вашей милости, великий герцог!

А л ь б р е х т

Карта?

И о г а н н

Да, карта сел и городов Востока,
Куда проникли немцы. Вот и список
Старейшин, старост, бургомистров-немцев.
Вот это города с майтбургским правом,¹⁰⁵
Где вытеснены нашим Магдебургом
Их старые обычаи, права, —
Зерцало нашего «нах Остен», * герцог.

А л ь б р е х т

Что ж означают эти вот кресты?

И о г а н н

Могилы соотечественников, герцог,
И даже не могилы — кости павших,
Повешенных, сожженных и распятых
Восставшей чернью. Крест — отметка,
Что немцы были тут... и будут.

А л ь б р е х т

Оставь мне карту.

И о г а н н

В дар особе вашей
Давно ее готовил я — и то
Считал своею службой.

* «На Восток» (нем.).

Альбрехт

Вот что, рыцарь,
Исполни тут же ритуал, что все мы:
На площади сними монаха рясу
И орденский наш плащ. Присягу примешь,
Что к нам вернулся ты по доброй воле,
Что не подослан ты костелом, папой,
Что не предатель ты, шпион et cetera.*
А коль окажется потом, что ты
То и другое, — голову сниму
У твоего отца — ее в залог ты дал мне.
Не только у отца — у дяди, сына,
Знай, голову сниму я. Amen!

Иоганн

Amen!

(Альбрехт знаком отпускает его.)

Альбрехт

Фанатик, говоришь... Кто ж не фанатик
В лесах литовских и на русских реках?
И все же, клин вгоняя, мы идем
К Востоку неотступно, шаг за шагом,
И час пришел отмстить им за Грюнвальд.
(Ударил в ладоши. Входит слуга.)
Покличь скорее Товия сюда.
Отмстить им за Грюнвальд... Но не мечом —
Петлею. Для меча придет черед.
(Входит Товий и склоняется в низком поклоне.)
Вот Товий... Я укрыл тебя от мести
Твоих единоверцев. И от смерти.

Товий

На всю я жизнь вам, герцог, благодарен.

Альбрехт

Я дал тебе возможность жить, трудиться.

Товий

Стараюсь отслужить вам, ваша светлость.

* И так далее (лат.).

Альбрехт

Понятно это. Знаю и ценю.
Печатню вашу мы хотим расширить,
Чтоб очагом была она культуры
Для всех соседей наших.

Товий

Дай бог успеха в добром деле!

Альбрехт

Перед тобой скрываться мне не нужно.
Ты мой слуга, ты жизнью мне обязан,
И без меня тебе уж нет спасенья.
Так вот что... Принял я на службу
К себе Францишка Скорину.

Товий

Славнейшего меж славных? Поздравляю.

Альбрехт

Но знать я от него хочу и то,
Что он от господы скрывает. Потому
Тебе я поручаю неотступно
Быть при особе доктора, следить
За каждым шагом, каждым словом,
За каждой даже думою его.

Товий

Простите, герцог, для чего все это?
Душа славнейшего — ключ чистый
и глубокий,
А знанья... он — орел, а я — пигмей.

Альбрехт

Среди святых он не был и не будет.
А разум может петлю заработать
Скорей, чем глупость. Мой тебе приказ:
Следить за доктором, мне говорить,
Как относиться стал он к предложенью
Печатать по-литовски, белорусски
Потребные для нашей славы книги.

Товий

Прошу простить мне эту смелость, герцог.
Какие книги?

Альбрехт

Те, что прикажу.

Товий

Я знаю доктора: он книг иных, чем те,
Которые душой своею принял,
Печатать уж не будет.

Альбрехт

Вы сговорились, что ли? «Он не будет».
Нет, будет! Тот, кто перешел между
Моих владений, тот попал в ловушку,
Откуда по моей лишь выйдет воле,
И горе тем, кого я не пущу.
Ступай!

(Товий поклонился и вышел.)

«Не будет»... Богу был бы неугоден,
Когда б не мог я никого заставить...

(Ударяет в ладоши. Входит барон.)

Где бывший ксендз, что появился в Кайрах?

Барон

Он тут, великий герцог.

Альбрехт

А ксендз, который все ж ему поддался?

Барон

Он тоже тут.

Альбрехт

Пускай их приведут.

(Вводят завязанных, в кровоподтеках, ксендза-отступника и
обыкновенного ксендза. Альбрехт смотрит на них с презрением.)

Альбрехт

Ах, вот вы, слуги божие! На чем

Сражались на турнире? На крестах
Иль на кадилах, где дымится ладан?

Ксендз-немец

Великий герцог, Кайры — мой приход
Уж десять лет. Входя в Большие Кайры,
Себе ты их забрал, и должен я
Покинуть Малые для папского ублюдка.

Альбрехт

Зачем ты выпустил его живого,
Чтоб с челобитьем он дошел до короля?

Ксендз-немец

Не он, а сын. Его держал я крепко,
Чтоб запись дарственную взять. А сын...

Альбрехт

Сын, он — не все ль равно. Зачем и брать,
Коль удержать не можешь? А когда,
Взяв, все ж не удержал, — какой ты немец?
Какой ты рыцарь? Прочь с моих очей,
С моей земли! Иль нет... ты сжег жилище?

Ксендз-немец

Да, сжег!

Альбрехт

(барону)

Так вот мое решение: пусть он сам,
Его семья и слуги глину месят,
Выводят стены, чтобы вновь жилище
Восстановилось. После же их всех
С земли моей прогнать с бесчестьем!

Барон

Да, коль они еще живыми будут.

Альбрехт

На это воля бога. Я в его
Дела мешаться не посмею.

Ксендз-поляк
Благослови вас бог, великий герцог,
За мудрое и правое решение.

Альбрехт
О нем решение, ксендз, не о тебе...

Ксендз-поляк
На том и бью челом.

Альбрехт
Давно ты в Кайрах?

Ксендз-поляк
Не больше, чем недели три, спокойно
Я правил службу божью...

Ксендз-немец
Ночами
С подростками-девицами в постели!

Ксендз-поляк
Я поучал овец Христовых вере.

Ксендз-немец
Сдирая с них всю шкуру беспощадно
И посыпая тотчас раны солью?

Альбрехт
Так вот что, ксендз, молился богу,
Что в добром настроении я, что ты
Мне нравишься. Какой ты, к черту, ксендз!
Ты — бурш. Бери костел секвестром¹⁰⁶
И уходи ко мне служить! Согласен?

Ксендз-поляк
А коль не соглашусь, тогда что будет?

Альбрехт
Так, пустяки. Ну, голову сниму —
Ведь мозга в ней совсем не так уж много,
Чтоб мог тебе он пользу приносить.

Ксендз-поляк

Пусть будет все по вашей воле,
Великий герцог мой. Прошу я только,
Чтоб пред епископом меня вы защитили
И перед королем, пусть он не числит
На мне вины за это дело.

Альбрехт

Охотно обещаю. Подпиши вот это.

(Барон дает готовый документ. Ксендз подписывает. Альбрехт касается его кончиком шпаги.)

Беру навек тебя, и Кайры, и твой дом.

(К барону)

А testament отправьте королю.
Пускай их милость видит, что и в Кайрах
Мы не нарушили обычаев, что взяли
Мы только то, что нам по доброй воле
Былые слуги дали.

(Ксендзу)

Что ж, служи нам,
Но только помни: наша воля — божья,
И рассуждать здесь, в герцогстве, нельзя,
А можно лишь приказу подчиняться,
Каким бы ни был он, но при одном условии,
Что он исходит от верховной власти.
Что ж, можете идти. Король ведь вправе
И конфисковывать и заставлять
Всех строить вновь. Эй, стойте! Допускаю,
Что я несправедливым был, барон.
Что ж вы мне не подскажите решения?

Барон

Несправедливости не вижу в этом, герцог.
Вы — высшая и правда и закон.

Альбрехт

Я льстивых не люблю. А кто спалил
строенье?

Барон

Ксендзы. Тот и другой.

Альбрехт

А восстанавливать я присудил обоим?

Барон

Нет, одному ему.

Альбрехт

Вот видите, я впал в несправедливость.
Пускай тогда и он, слуга мой новый,
Со всей семьей, со слугами, с ним вместе
Помесит глину, возведет вновь стены —
Под вашим неусыпным наблюденьем.

Барон

Хох высшей справедливости!

Альбрехт

Ступайте!

Ксендз-немец

Осмеливаюсь я просить смиренно
Об облегченьи. Мой поступок дерзкий,
Как понимаю я из ваших слов,
Причиною явился расширенья
Твоих владений, наш преславный герцог.
И может то вину мою уменьшить.

Альбрехт

Моим ты приговором недоволен?

Ксендз-немец

Нет, ваша милость. Я прошу смиренно.

Альбрехт

Ведите их, барон, — не то я прикажу
В фундамент заложить их черепа.
Постой!

(К поляку)

Иль недоволен ты решеньем?

Ксендз-поляк

Вы не отмените его. Хотел бы знать,

В чем же вина моя, чтоб тот, кто будет
После меня, не впал в немилость вашу.

А л ь б р е х т

Сопровиленье герцогу его слуги,
Последнего слуги — заметьте это! —
Вина смертельная от этой даты.
Ведите их. Стой! Новости какие?

Б а р о н

Приехал нынче рано утром доктор
Францишек Скорина, кажись, из Вильны.
Приема ждет.

А л ь б р е х т

А этих видел он?

Б а р о н

(испуганно)

Он видеть их не должен был? Простите,
Недоглядел. Я проведу их низом.

А л ь б р е х т

Честь герцога вы так-то бережете?
Хотя... Пускай литвин посмотрит...
Веди их низом. Гостя сам я встречу.

(Барон выводит задержанных. Альбрехт открывает двери
и на пороге встречает С к о р и н у.)

Мы рады видеть в герцогстве своем
Великий разум, рыцаря науки.

С к о р и н а

Приветствую, великий герцог прусский,
Властителя такого, в чьих руках
Возможность расширять науки свет —
Всем подданным своим на пользу!

А л ь б р е х т

Возможность эту дам я в ваши руки,
Что более умелы в этом деле.
Садитесь, гость мой. Мудрою беседой
Хотел бы я начать знакомство наше.
Вы видели двух узников?

Скорина

Да, видел.

Жалею я, что этим, так сказать,
И началось знакомство наше.

Альбрехт

Не стоило все это и вниманья.
То два ксендза приход один делили.
Спалили целое местечко и поместье.
Приказано своими же руками
Им все восстановить, как было. И сам бог
Не мог бы лучшего принять решенья.

Скорина

Один-то — ксендз. Другой, я вижу, рыцарь.

Альбрехт

Тот тоже был ксендзом. Он сбросил сан,
Но из души не выгравил обмана
И подлости ксендзовской. Видит бог,
Как жажду я, как я стремлюсь
Средь подданных все уничтожить зло,
Что в них посеяно веками папской власти.

Скорина

Похвальное желанье. Только чем?
Христос учил нас кротости.

Альбрехт

И к ней

Должны мы приводить всех непослушных,
Чтоб души их в геенну не попали.
Нас бог поставил управлять людьми
И подражать ему, его поступкам.
Строй неизменный установлен в небе,
И каждая звезда свою дорогу знает,
Как слава каждая, — и нужно нам,
Чтоб каждый человек свой видел путь,
Повинности, обязанности, место.
На нас, властителей, неправильно глядят —
Как будто мы злодеи, кровопийцы.
Мы только божие оружие.

Скорина

Однако

Один и тот же меч врага карает
И голову снимает другу. Бог
Ответственность за силу, за оружие
На человека возложил, на разум, волю.

Альбрехт

Возможно, что и так, мой доктор. Все
возможно.

Чтобы оружием отбиться, может быть,
Обычной капли мало — нужно реку
Или озера. Так и божье дело.
Чтоб защитить его, возможно, нужен
Не мелкий случай — дело покрупнее.

Скорина

Не только крупные, а добрые дела.
Отдельный человек — подобно капле —
Всю силу чувствует лишь в море, лишь
с народом.
Народ — вот сила. И о нем забота
Тем, кто имеет власть, — полезна для души,
Для разума приятна.

Альбрехт

Дядя мой,

Король ваш Сигизмунд, мой сюзерен,
Не думаю, чтоб очень озабочен
Был княжеством литовским или русским.

Скорина

Заочно говорить, мой герцог, бесполезно.

Альбрехт

А пользы как добиться?

Скорина

Я путей не знаю.

Альбрехт

История Литвы давала их немало,

Когда во имя польских королей
Литва и Орден силу войск сливали.

Скорина

Но жаль, платил за это не король,
А хлебороб, пот с кровью проливая.
И коль история путь новый не нашла,
Народ по старому уж не пойдет.

Альбрехт

Есть новый.

Зовется он всеобщим просвещеньем,
Всеобщею борьбою против
Экспансии духовной Рима
И Кракова. Меч остается в ножнах.
Ни капли крови больше, и никто
В петле не будет. Ни одной слезы
Из-за работы нашей не прольется.
Мы будем лишь печатать книги,
Глаза мы будем людям открывать
На истину. Секвестром всех богатств
Костела привлечем к себе мы шляхту —
От Радзивилла¹⁰⁷ до таких, какие
На семерых одним слугой владеют.

(Альбрехт перевел дух. Он устал, ходит по комнате.)

Мне ль их не знать, всю эту шляхту? Я
Дружил и воевал немало с нею.
Поманим их не золотом, а блеском.
На золото — слетят, как осы к меду.

Скорина

Не все там осы, герцог.

Альбрехт

Есть среди них

И умные. Я знаю. Мы их купим
Наукой, разума над тьмой победой.
Вот тут вы и нужны мне, славный доктор.

Скорина

А чем же кончится поход?

Альбрехт

«Нах Остен»?

Завоеваньем, думали? Ну нет.
Мне нужен с фланга левый союзник,
Единоверец и союзник, ставший
Против врагов, нам общих, справа, —
Литовский протестант и русский воин.
Вот все, чего хотелось бы мне, доктор.
Я поведу вас сам в печатни, словолитни,
Повсюду вы увидите размах,
Вас увлечет он, как уже увлек
И самого меня.

Скорина

Охотно, герцог.

ЗАНАВЕС

КАРТИНА ВТОРАЯ

Георгий

Ну, как живем мы в Вильне, хочешь знать?
По поговорке хорошо живем —
Дух подвело, чуть не на клин свело.
Не очень, брат, не очень преуспели.
А ты тут как, в Крулевце этом? ¹⁰⁸

Товий

Он ныне Кенигсберг, пан доктор. Немцы
Не любят старое названье, злятся...

Георгий

Так, злятся, Товий? Пусть. Ведь так и вор,
Коли напомнить о покраже, злится.
Их Бранденбург — славянский Бранибор, ¹⁰⁹
Захваченный Альбрехтом же Медведем.
В обоих герцогствах славянская земля,
Поморских и полабских дедов кости
Еще ведь не истлели в ней, в курганах,
Насыпанных на поле славной брани
С прищельцами, что крест несли и цепи...

Товий

Так говорить небезопасно. Стены
Иметь здесь уши могут. Здесь ведь Орден.

Георгий

Был Орден. Он распушен.

Товий

Он остался.

Доносит каждый здесь, чтоб на кровей другого
Свою судьбу устроить, пане доктор.

Георгий

Да брось ты, друже, величать все время!

Товий

Простите... Приучили.

Без титула, поклона — здесь ни шагу.

Георгий

И ты согнулся, Товий, ты, который
Не побоялся кредиторов даже,
Слуг Иеговы¹¹⁰ с камнями в руках,
Тебя побить готовых!

Товий

Они меня побили, доктор.

Георгий

В Вильне?

Товий

Нет, в некоем местечке под Варшавой,
На перекрестке двух глухих дорог.

Георгий

Зачем же ты туда попал?

Товий

Зачем

Попала кура на базар? Не хочет,
Да за хохол ее ведут...

Георгий

От нас

Пошел ты добровольно.

Товий

Да, в мешке

И с кляпом по приказу Мардохая.

Георгий

Мой бедный друг... А мы и не искали...
Уверены мы были. Как ты выжил?

Товий

Уж, видно, стыдно стало Иегове
За слуг своих. Двух ангелов послал он,
Двух женщин — старую и молодую.
Они, закон поправ, меня стащили
В шалаш лесной и там из лап у смерти
Отвоевали... Но оставим это.
Как я живу? Да так, как говорится
В пословице, — горохом при дороге:
Кто мимо шел, тот и щипнул... Хотя
За мною так глядят, так угнетают,
Так на виду мой каждый шаг и час,
Что уж дышать мне больше нечем, доктор.
Боюсь я, о славнейший среди славных,
Что и у вас они отнимут волю.

Георгий

Хотеть того и дурень может, Товий,
А вот ударить — не дотянет рук.
Я вижу их насквозь. Да что тут видеть?
Их хитрость на виду: «Сначала повози
Меня, а там я на тебе поеду».
Вот их девиз нехитрый. Их бароны
Во вред простому люду стран соседних
Одним девизом связаны всегда:
«Мое ярмо, а ваши плечи». Кружат
Им головы их легкие победы.

Товий

Но ведь побед давно уж не бывало.

Георгий

Они живут побед минувших хмелем
И головы несут высоко, гордо,
Как плющ, что возгордился над колом,
Забыв, что без него ему придется
Лишь по земле ползти, быть под ногами
Прохожих и любой скотины даже.
Нет, герцог Альбрехт, вновь придут славяне
В твой Крулевец и, может, в Бранибор...
Медведи есть у них, хоть и иной породы.

Товий

Не говорите вслух, Георгий, слов таких!

Георгий

Не я, история так говорит.

Товий

Ей голову не снимут. Нам же с вами...
(Входит слуга с алебардой.)

Слуга

Вас, Товий, просит герцог.

Товий

Повинуюсь.

(Выходит.)

Георгий

Нет, с алебардою меня водить не будут...
Их поведут, слепых, поводыри.
Как, хлопец, звать тебя?

Хлопец

Гиларий, доктор.

Георгий

Помощником у Товия давно ты?

Хлопец

Я с ним сюда приехал, добрый пане,

Георгий

Откуда?

Хлопец

Мазовия, под Варшавой.

Георгий

Сын женщины той старой, что спасла
От смерти Товия?

Хлопец

И да и нет.

Брат вместе с матерью убит, когда
Открылось, что изгою дать приют^{!!!}
Посмели мы. На перекрестке их
Убили...

Георгий

И спаслись сестра и ты?

Хлопец

Нет, я один... одна... мы с братом,
Как близнецы, почти неразличимы.
Я выскочить в окно успела, как пришли,
Догнала Товия и назвалась Гиларий...
Из-за меня сюда попал он... Доктор,
Простите мне бессвязный мой рассказ:
Я Товия люблю. О вас он говорил,
Как не сказал бы о Мессии. В просьбе
Вы не откажите мне. Я молю...

Георгий

О ком, о чем, дитя мое, ты просишь?

Хлопец

Да все о Товии... и о его спасеньи.

Георгий

Что ж угрожает вам, дитя мое?

Хлопец

Я слышала случайно торг барона

С общиной иудейскою, мой пане, —
Вас не было еще. «Как только он придет,
Возьмется за лечение, за печатню, —
Сказал барон левитам синагоги, —
Я выдам вам изгоя ночью. Вы же
За это долг с меня спишите».

Георгий

А Товий знает?

Хлопец

Нет, я не сказала...

Георгий

А почему?

Хлопец

Но он тогда погибнет.

Болезнь его вернется, знаю. Он
Душой сожмется, в уголок засядет,
Безумными начнет глядеть глазами
И от себя всех гнать. Я плачу, страшно
мне.

Георгий

Мой бедный Товий...

Хлопец

Увезите нас

С собой отсюда.

Георгий

Ты ему жена?

Хлопец

Нет, что вы, для него я лишь Гиларий.
О, если б мне его женою стать!
Сюда идут... Барон... Его походку
Узнаю я средь сотни разных звуков.
Так ходит смерть...

(Хлопец начинает заниматься своей работой. Входит барон.)

Барон

А, доктор! Вы уж за работой?

Георгий

Да.

Смотрю, что сделано, что делать начинают.
Сказать по правде, думаю, что Товий
Мог справиться и сам, притом неплохо.

Барон

О, разумеется. Печатать мог бы
Он книги на продажу. Все до строчки
Проверено в них Пасторским советом.

Георгий

А что же кроме этого вам нужно?

Барон

Я безусловно заинтересован,
Чтоб вы скорей от Товия забрали
Станки печатные...

Георгий

Но почему?

Барон

То воля герцога, и долгом мы считаем
Приказ его исполнить поскорее.
Да и к тому же... Что вот эти книги,
Мейн герр? Они внутри страны,
Как рыцари, свою ведут работу,
Но что-нибудь нажить — клочок земли иль
грош —
Бессильны... Нам не нужно...

Георгий

Какие ж книги вам нужны, барон?

Барон

На языке литовском, русском, польском.

Георгий

В чужом копать — за злодеев примут,

Барон

Хоть за волков! Такие книги
Нам могут принести большой барыш.

Георгий

Какой же? Может быть, людские души?
С землей иль без земли?

Барон

Как выйдет.

Сейчас вы герцога слуга. Ваш долг
Служить его могуществу и славе,
Как собственной служили б. Крестоносцы
Не в силах были удержать ту землю,
Что кровью их освящена была.

Георгий

А почему? Их люди не любили...

Барон

Их ненавидели, скажите прямо!
Произнести не бойтесь это слово.

Георгий

Чего ж бояться мне? Я думал,
Вам правду будет слушать неприятно.

Барон

Боялись бы — а там пусть ненавидят!

Георгий

С бесстрашьем ненависть дружна, а не
со страхом.

Я думаю, барон, не кровь, а пот
Один на землю нам дает права.
Оставим это! Поручили вам
Со мною привести в порядок договор?

Барон

Да, пане доктор... Знаете, обычай
У нас такой, что небольшой процент
Есть вестнику от щедрости монаршей...

Георгий

Процент удвою — только поддержите
Пред герцогом вы просьбу, для которой
Такие предложили вы условия.

Барон

Я поддержу. Но в чем же ваша просьба?

Георгий

Хотел бы в Вильну съездить я... на время.

Барон

Как, в Вильну?

Георгий

В Познани я был недавно
И в Кракове. Вот здесь я. А дела
Там, в Вильне, уж давно пришли в упадок.
Мне надо выплатить, продать, уладить....

Барон

О, разумеется! Я думаю, не будет
У герцога на это возражений.

Георгий

Так подготовьте пропуск... самый верный,
Перед каким склонились бы покорно
И воин, и барон, и пастор.

Барон

Знаю.

«Из уваженья к нам и к доктору Франциску
Свободный путь ему...»

Георгий

Ему и слугам...

Барон

«...и слугам... через земли, округа»,

Георгий

Дворы, именья...

Барон

Да, «дворы, именья,
Местечки, села, города — повсюду,
И, не чиня препятствий никаких,
Всем охранять его добросердечно, честно,
Давать подмогу в случае нужды, —
Так как он муж прославленный в науке,
Великий в мастерстве, таланте, знаниях,
Постигший все в искусстве врачевать»...

Перемена декораций.

Альбрехт

«Всем охранять его добросердечно, честно,
Давать подмогу, как и нам самим,
Когда то будет нужно... Мы заплатим
За это благодарностью, усердием
Всем, каждому особо, согласуясь
С их положением и званьем».
А что, барон, порукою тому,
Что не уедет он совсем с такой бумагой?

Барон

Для этого стать нужно сумасшедшим!
Что Вильна для него?

Альбрехт

Родимый край.

Барон

Но герцог знает: родина лишь там,
Где жить легко, где хорошо нам платят.
А в Вильне на владенья Скорины
Арест наложен. Правда, дал король
Ему указ, снимающий запреты.

Альбрехт

А в чем имущество?

Барон

Станки и книги.

Он хочет это все сюда доставить.

Альбрехт
А как семья?

Барон
Ну и семью.

Альбрехт
Где Шпилер?
(Барон выходит.)

Альбрехт
(разглядывая карту)
Купцы — разведчики путей. Мещане —
Опора более надежная, когда
Уверятся, что быть конем троянским ¹¹²
Им выгодней, чем мастерами цеха.
Барон!

Барон
(входит)
Я слушаю.

Альбрехт
А есть купцы,
Что ездили в Литву, Волынь и Полоцк?

Барон
Наверно, есть.

Альбрехт
Узнайте, соберите
Ко мне их всех на тайную беседу.
(Барон поклонился.)

Тем, кто согласен вновь туда поехать,
Бесплатно выдайте печатни нашей книги.
(Входит Иоганн Шпилер.)

Чтоб немцев не было папистов на Востоке,
Чтоб все там были только лютеране!
(Барон еще раз поклонился и вышел.)

Альбрехт
(к Иоганну)
Вы слышали, фон Шпилер? Повторите.

Шпилер

Чтоб немцев не было папистов на Востоке,
Чтоб все там были только лютеране.

Альбрехт

Вот это вам задание, Иоганн Шпилер.
В Литве с епископом наладьте связь,
Секвестром соблазните. Радзивиллы
На нашей стороне. Еще задача
Для вас, фон Шпилер, — немцы. Надлежит
Им быть передовым отрядом.

Шпилер

Ясно.

Альбрехт

А кстати, прочитай бумагу эту.

(Шпилер читает.)

Как посоветуешь? Могу ли в Вильну
Я отпустить Францишка Скорину?

Шпилер

Семью перевезти? Дела закончить?
Чтоб навсегда приехать к вам на службу?
Глазам не верю... Было б правда это,
То лучшего желать уж невозможно.
С корнями вытянуть, лишить всех соков,
Дающих жизнь, отрезать навсегда
Ему возможность быть в родимой почве!
Коль то удастся вам, великий герцог, —
Потомки вас прославят благодарно.

Альбрехт

Он нам так вреден?

Шпилер

Больше, я скажу.

Опасен нам уж тем, что ставит
Он вровень с нами свой народ, язык,
Опасен тем, что в каждом из своих
Он пробудить старается сознание
Взаимной связи, дружбы и зовет

Пчел защищать свои родные улья.
Все, что свершит он у себя, нам после
Придется переделывать навечно
С великими усилиями, герцог!

Альбрехт

У страха велики глаза...

Шпилер

О нет!

Преславный герцог, так судьба сулила,
Что я встречался с ним с дней малолетства.
Я делал все, чтоб помешать науку
Ему познать, но он не отступил
Ни шагу от нее и не отрекся
Ни от одной из мыслей, ни одной
Не захотел мечтою поступиться.
Он страшен тем, что он в поступках честен
И что его враги пред ним бессильны.

Альбрехт

Преувеличиваете вы, рыцарь.

Шпилер

Великий герцог, эту карту я
Чертил и думал, как все меньше в ней
Немецких семей с запада к востоку,
Что тут не только спад законный
Большой реки, что втайне иссякает,
Задержана у мельницы плотиной, —
Но и влияние глин, ее скрепивших.
А глина, что крепит плотину, — книги
Известного Францишка Скорины.

Альбрехт

Тем больше смысла, коль его заставим
Мы помогать нам расшатать плотину.
Советовал ты мне великодушным
Поступком совесть Скорины связать?
Что ж, на твою ответственность, рискну.
А чтоб тебя он не подвел и голова
Отца — что дал в заклад ты — уцелела,

Поедешь сам ты в Вильну, проследишь,
Чтоб он вернулся.

Шпилер

А коль я увижу,
Что он сюда вернуться медлит?

Альбрехт

Чтоб не тянул он с окончаньем дел,
Отдам приказ я написать письмо
Сенату Вильны с просьбою моей
Помочь ему, стать на его защиту...
Двойная милость будет, и вдвойне
Она ко мне тогда привяжет
Францишка Скорину...

Шпилер

А если все же
Останется он там?

Альбрехт

Опасность эта
Всем очевидна.

Шпилер

Я о мере крайней
Вас спрашиваю, герцог.

Альбрехт

Вот что, Шпилер.
Когда б в пути узнал ты, что назад
Он не поедет, — голову его
Мне твой посыльный должен привезти.
Коль в Вильне то узнаешь, — все равно
Лишь головой его спасешь честь рода.
Вот подпись! Доктор где? Нет, раньше Товий.

Шпилер

Простите, герцог, мне, но не смогу
Я вместе с доктором поехать в Вильну.

Альбрехт

Нет, сможешь, Шпилер. А иначе
Ты вслед ему пойдешь — на цепи,
Привязанной к карете. Понимаешь?

Шпилер

Прошу простить, но я не так сказал.
Что я не друг ему, Францишек знает,
И мне при нем открыто быть нельзя,
Не будет пользы ни на грош.

Альбрехт

То дело не мое... Хоть, как блоха,
Залезь в ковер, хоть, как собака, пешим
Беги за колесом, но только
Глаз не спускай с него до самой Вильны.

Dixi!*

Скажи писцам, чтоб написали в Вильну.

(Шпилер выходит.)

Не по нутру мне этот базильянец!
А может, не пускать мне за границу
Ни доктора, ни рыцаря? Склеп замка
Надежнее, чем буйный ветер в поле.

(Входит Товий.)

Товий

Вы звать изволили, вельможный герцог?

Альбрехт

Зачем, свиное ухо, не донес,
Что доктор твой собрался ехать
в Вильну?

Товий

Зачем шептать мне на ухо про то,
Про что уже почти неделю
Везде звонят во все колокола?

Альбрехт

Вернется твой Георгий Скорина?

* Я сказал! (лат.)

Товий

Где встретили добром, где с уваженьем
В дорогу проводили — почему ж
И не вернуться, добрый герцог?

Альбрехт

Мой дядя Сигизмунд его не переманит?

Товий

Не птица доктор мой — его мякиной
Не сманишь, как и лаской с уст холодных.
Что видел в Вильне он? Одни суды,
Папистов происки. Всегда в долгах,
Он бился рыбою об лед. И все добро
Свое, жены сгубил он. Словно дым,
Оно рассеяно, не дав ни гроша пользы.
Он и сюда приехал потому,
Что там пути не видел. Почему же
Ему и не вернуться, добрый герцог,
К вам, к вашей милости, стороннику наук
И просвещенья, разума патрону?

Альбрехт

Подумаю... Пока он ездит,
Доделай все в печатне, чтобы место
Очистить поскорей для новых книг.

(Товий уходит.)

Обязан прусский герцог думать, видеть
Подальше, чем соседи. Ведь недаром
На наших землях началась реформа.
Костел нас дальше повести не смог бы.
Сам забежал он в Польшу и Литву.
Он жаден. Но и мы не лыком шиты.
Посмотрим, кто кого! В восточные просторы
Мечом и ложью, книгою и ядом,
Шпионами и пасторами — всем,
Что есть у немцев в Пруссии, вот тут
Прорваться, втиснуться и проползти —
Вот в чем задачу времени я вижу.

(Входит Скорина.)

А! Милый доктор! Рад я видеть вас,
Хоть мне тревогой душу вы смутили

Своим столь неожиданным отъездом.
Но, я надеюсь, это ненадолго!

Георгий

Что наперед сказать? Предполагаем...

Альбрехт

А бог располагает. Знаю, знаю.
Но чтобы в Вильне вас не задержали,
Я приказал за именем моим
Письмо в Сенат готовить. Эй вы, кто там,
Письмо к Сенату!

(Слуга входит.)

В том письме прошу
Вам оказать содействие и помощь,
Чтоб ни копейки вы не потеряли.

Георгий

Благодарю за хлопоты. Напрасно
Вас беспокоили. Суд короля...

Альбрехт

Сторонников у Сигизмунда меньше,
Чем у меня. Точнее, у меня
Не меньше их, чем у него. Поможем!
(Слуга приносит письмо. Герцог подписывает.)

Георгий

О, разумеется. Безмерно благодарен.

Альбрехт

Вот пропуск вам, а вот письмо Сенату.
И я надеюсь, что поездка ваша
Счастливей будет.

Георгий

Я надеюсь тоже.

Альбрехт

Ну, как на первый взгляд ваш, доктор,
У нас поставлены дела?

Георгий

С печатней ладно. Товий бен Матэуш —
Знаток в печатном деле. И его
Помощником я рад иметь во всем.
А содержанье вы диктуете такое,
Какое нужно вам и новой вере.
Вы правы, книга — колокол, отлитый
Из серебра и поднятый на башню.
Без языка он нем. А с языком своим,
Что соответствен форме и металлу,
Он через слух сердца людей и души
Способен всколыхнуть...

Альбрехт

И всколыхнет!

При звонаре таком, как вы, преславный доктор.

Георгий

Меж звонарем и колоколом, герцог,
Должно еще быть...

Альбрехт

Лишь одно — веревка.

Но не простая — с золотою нитью.

(Вынимает ларец.)

Вот тут мной подготовлен первый дар.

Георгий

Прошу его хранить до нашей встречи,
Когда вернусь. Сегодня ж я б хотел
Взять на коней...

Альбрехт

Я дам их.

Георгий

На еду...

Альбрехт

Вам все доставят кухари мои.

Георгий

На пошрины, прогоны и на сборы...

Альбрехт

Вы будете свой путь свершать без пошлин.

Георгий

Тогда возьму я гульденов с полсотни
Барону... За услуги... или в долг.

Альбрехт

Я расплачусь с ним и не взяв отсюда
Ни гульдена. Берите, это ваше.

(Передает ларец.)

Берите все. Хранить не собираюсь.

(Зовет слугу.)

Хранить мне хватит и того, что платой,
Наградой я сочту по возвращеньи.
Коней давайте доктору и слугам.
Еду готовить так, как мне, — до Вильны.
Когда вы едете?

Георгий

Сегодня ночью.

Альбрехт

Предупредите стражу у ворот.

(Слуга выходит.)

Как видите, мы к вам со всей душою.
Надеемся — услуга за услугу.
Вы тем же нам ответите. Прощайте.

Георгий

Да, до свиданья герцог!

Альбрехт

Извините —

Что значит Скорина? По-русски?

Георгий

Скорняк. Ну, тот, который понимает
Толк в снятых шкурах, почему и сам
Свою хранит, всегда ей цену зная.

Альбрехт

Похоже это на загадку, доктор.

Георгий

Отгадчику поможет время, герцог!
Оно должно прийти к вам на подмогу.

Смена декораций.

Альбрехт

Ты кто?

Слуга

Гонец от Шпилера из Вильны.

Альбрехт

А с чем?

Слуга

С письмом, великий герцог.

Альбрехт

(разрывает тесьму, читает письмо, меняется в лице)

Сюда, барон!

(Входит барон.)

Ландскнехтов — и скорее!

Обоих Шпилеров схватить немедленно!

Барон

Что им сказать? За что?

Альбрехт

За доктора Францишка Скорину,
Что возвратиться в Кенигсберг не хочет;
Что за собою и Товия повез,
Назвав его слугою; что один
Разрушил плод упорного труда —
Усилья пяти лет; что и больницу
Покинул, не оставив даже
Мне недоучки-лекаря.

Барон

Вот дерзость!

Бегу, бегу, мой герцог, и под стражу
Их сам возьму...

Старшина еврейской общины
Простите смелость мне, великий герцог.
Я, ваш слуга, беседовал с бароном,
Когда его изводили позвать вы.
От иудейской общины я бью челом.

Альбрехт
На казначея, Нейзенштадт?.. Еще
Вы на кого в обиде?

Старшина
На барона.
Заемные ему вернули письма,
Чтоб выдал он нам Товия, изгоя...

Альбрехт
Ты... За моей спиной... Со Шпилерами
вместе
И сам садись в подвалы, под замок!
Пришли ландскнехта мне с уведомленьем,
Что выполнен приказ. А вы скорее
Идите, чтобы вас не оскорбил я!
(Все выходят, за исключением гонца.)

Гонец
Что мне прикажете, великий герцог?

Альбрехт
Тебе? Хоть к дьяволу! Нет, подожди.
Назад
Скачи сам в Вильну, к Шпилеру. Пускай
Иль голову свою несет сюда на плаху,
Иль уничтожит русского, чья дерзость...
(Входит слуга.)

Слуга
Великий герцог, русский скоморох
Предерзко требует, чтобы его
Пустили к вам с какой-то важной вестью.

Альбрехт

А что, его вы выгнать не могли?
Постой, постой, скорее приведите!

(Слуга выходит.)

Пусть уничтожит доктора. Он много видел.
За разоренье наших дел его
Пускай он доведет до полного разора.
Тогда еще подумаю: быть может,
Голов отца и дяди Штилера довольно
Мне будет для свершенья мести.

(Слуга вводит скомороха.)

Скоморох

Великий герцог, бью челом!
От доктора с письмом я послан к вам
И с этим ларчиком. Просил он,
Чтоб ради бога я его доставил...

Альбрехт

(гонцу)

Читай же!

Гонец

(читает)

«Великий герцог Прусский, Браниборский!
Георгий-доктор, рода Скорины,
Приветствует из Вильны вашу светлость.
Я возвращаю все вам — до копейки,
Что вы мне дали; что ж до тестаменты,
То заявляю вам и всем другим,
Кто может прочесть мое письмо,
Что я слугой вам не был и не буду.
Не потому, что быть слугой зазорно, —
Ведь все из нас кому-нибудь да служат,
Кто сам себе, кто богу, а кто людям, —
Но помогать свой угнетать народ,
Служить Иудою его свободы —
Такая служба стоит лишь проклятья
И днесь, и присно, и вовеки, герцог!
Да проклят тот, кто свой народ ведет
На дом и труд соседа, кто в огне
Добро его сжигает и детей!

Отмечен кровью путь ваш на Востоке,
И уж земля терпеть не может больше...
Так знайте же: судьба закрыла путь
Навеки вам к славянскому Востоку,
И каждый раз вы будете там биты.
Еще одно: скрижали Моисея,¹¹³
Как думают, являлись первой книгой,
Добру учившей. Нимб сиял над ними.
И с той поры привыкли мы, что книга —
Частица солнца, герцог, для людей,
Вы ж из нее творите область тьмы,
Змею холодную, что людям яд приносит.
Да будет проклят тот, кто служит
И думает служить змее и тьме!
Аминь!»

Альбрехт

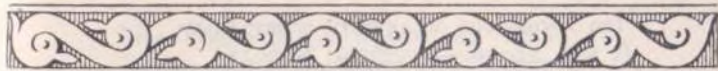
Воды мне! Доктора скорее!

(Его выносят. Скоморох смеется.)

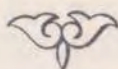
Скоморох

Ну, проняло! Что значит Скорина!
Эх, подобру убратся, поздорову!

ЗАНАВЕС

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Вильна. Печатня. Отец Симон и Товий работают у станка.
Руфь шивает готовые страницы. Георгий проверяет листы —
четкость отпечатков, подгон красок.

Отец Симон

Последний лист из пятисотой книги.
Аминь и богу слава!

Товий

А ему за что?
Иль он работал с нами? Я не видел
Ни самого его, ни облегченья делу.

Отец Симон

Пришлось так, к слову. Как бы ты сказал?

Товий

Аминь и слава нашим всем мозолям
И доктора пресветлой голове,
Что «Травник» этот составляла.

Георгий

Нет, Товий, ты неправ. Народу слава,
Его глазам приметливым хвала,
Пытливому его уму, который,
Во всем ища лишь пользы человеку,
Мог распознать, определить растенья,

Что хворь его врачуют, лечат боли.
А мы, врачи, — ученики народа.

Руфь

Таких учеников ему б побольше,
Тогда, быть может, жить нам стало б легче.
Не нам — так детям нашим.

Отец Симон

О детях, Руфь, заботы одолели?
Иль на крестины нас позвать, голубка,
Задумала?

(Руфь стыдливо опускает голову.)

Дай бог, сестрица.

Да не стыдись...

Руфь

(поднимая голову)

Вы как родной отец.

Пан доктор из египетской неволи
Нас спас, от смерти охранял в дороге,
Здесь спрятал от врагов.хлопот немало
Еще наделаю я вам... Дитя...

Георгий

Отвечу я твоими же словами:
Дай бог хлопот таких побольше!

Товий

И тут вы бога впутали — не стоит.
Бог — жизнедавец. Что ж, тогда я равен богу.
Сын будет у меня — я жизнь вдохнул в него —
Иль дочка будет — но при чем тут бог?

Руфь

Не богохульствуй. Будет вред ребенку.

Отец Симон

Не бойся, Руфь... Коль отомстит ему
Бог за отцовское пустое слово,
Тогда не будет он и богом: Так-то!
Георгий! Всякая с тобой беседа

Нам точит разум более, чем годы.
Давно хотел спросить... о жизни и
о смерти,
А если быть точнее — о душе.

Георгий

Есть ли душа и есть ли ей бессмертье? —
О том вопрос. И в чем твои сомненья?
(Все они оставили работу и присели.)

Отец Симон

Два царства видим мы очами человека.
Живое царство — все в движении:
Рождается, живет, цветет, дает плоды,
Родив себе подобных, умирает.
И царство мертвое, что лишено движенья.

Георгий

Движенье — все на свете, отче Симон.
Одно приметно — как вода, другое —
Неощутимо, как размыв горы
Водой, морозом, ветром. И движенье
По воле — знак живого царства,
Слепое — царства мертвого примета.

Отец Симон

Пусть так... Иль нет. Не видел, чтоб
мертвец

Мог двигаться. Ему ведь все равно.
Забор им подопри, а он стоять
Все так же будет... Не о том я, доктор.
Душа с рождением вместе возникает
У мотылька, у птицы, человека.
Она живит их, носит и ведет...
Приходит смерть — их тело каменеет,
А дух, душа — выходит... У одних
Вся растворяется, как дым, как пар,
А человечья все живет... Неправда!
То, что живет, дает себя увидеть,
Почувствовать дыханьем, звуком речи.
Душа же мертвеца не отзовется
На зов, к ней обращенный, даже звуком,

Пушинку с уст застывших не отгонит,
Не остановит нож убийцы над ребенком.
А почему? Она не существует.
Что человек, что зверь, что птица, — помер,
И все тут... Что же, прав ли я иль неправ?

Георгий

Ты прав лишь в том, что мертвый слеп и нем
Для основных пяти чувств человека.
Будь рай и ад, то надо было б в ад
Бросать уж не одни людские души,
А с вором и убийцей — душу гада,
С разбойниками — душу волка. В рай же
Слать души тех, кто стал их жертвой.
И души птиц, что собственной жизнью
Птенцов спасают, тоже в рай отправить —
Пораньше столпников, пустынников, от коих
Добра еще никто не видел... Симон,
Проверить мы не можем: есть душа
После того, как опустело тело,
Или погибла в миг опустошенья.

Товий

Простите, доктор... Разъясню я дело.
Я умирал... побитый в той деревне.
Когда летели камни, — я не ныл
И не жалел о недожитых днях.
Ведь я... не то что не любил я жизни,
Существования в кипеньи дум,
В пылу страстей и в битве разных воль —
Но... не цеплялся я за жизнь, как дикий
вепрь,
Что в страхе перед смертью мчится,
Все сослепу вокруг себя круша...
Я был один. Свою дорогу жизни
Прошел я честно, прямо. Для людей
Добра немало сделал. Помирать
Я мог спокойно, гордо... И когда
В меня летели камни, я отплыл
В мир неземной без муки и без боли,
Как звук средь звуков, как далекий звон
Между другими звонами, что пели

В разбитой голове моей. Сознание
В тьму опустилось вдруг, пока не всплыло
Под лаской этих рук.

(Берет руки Руфи.)

Мои глазницы,
Как бы котлы кипящей меди в плавке,
В огне кругами заходили. Боль
Почувствовал я. То душа воскресла.

Отец Симон

Когда твое воскресло тело? Так!
Душа живет, пока живет и тело.
А помер человек — и все. И уж не нужно
Ни рая, ни бессмертия, ни ада.
Кому мы муки адские пророчим?
Тем, кто на свете не имел отрады.
Мы их сбиваем с толку, книготворец,
Не «Травником», полезной этой книгой,
А теми книгами святыми, что пошли
В народ трудами нашими, Георгий!

Георгий

Постой, учитель первый мой. С тобой
Я согласился — дух не жив без тела.
И много басен у святых отцов —
Особо там, где разум их короткий
Не мог подняться до вершины знаний...
Но дух принизить, творческую душу
Я не позволю даже и тебе.
Творит дух человека, и в твореньи
Бессмертен он. Краса строений, башен,
Дворцы и храмы, музыка, скульптура,
Картины дивные, полезные орудья —
Поля вспахать, зерном засеять, сжать —
Во всем тут видишь след души разумной,
След творческого духа — след бессмертья.
Бессмертна книга. Труд над ней бессмертен.
Бессмертно все, что в памяти людской
Не стерло время жесткою ладонью.

Отец Симон

Но время не стирает и злодейств...

Георгий

Как антипод деяний добрых, чтобы
Нам отличать зло от добра. Кто знает,
Быть может, бытие души без тела —
Лишь память, что осталась в поколениях,
А смерть духовная — забвение навеки.

Отец Симон

Тогда отринуть нужно рай на небе,
Огонь подземный сделать детской сказкой.
Земное царство разума и правды
Теперь нам надобно построить, доктор,
Поставить обществу людей законом:
«Живи для пользы близким и далеким!»

Георгий

Далеко, Симон, чистая душа,
Мечта твоя летит. Мы ехали вот с ним
И шли пешком по землям трех народов:
Литвой, Поморьем, Ёмудью, нашим краем.
Египта казни, Товий, — это тень
Пред злыми муками людей простых.
Прикован каждый смерд шляхетским правом
К сохе, к земле, как бы к стене тюрьмы,
Не смеет рук поднять — не только
в обороне,
Но даже, чтоб закрыть лицо от плети
В руках никчемного наймита пана,
Не только пан — гайдук его, и тот
Над ним владыка...

Отец Симон

Только до поры.
Так только до поры жбан воду носит.
Отскочит ручка — и разбился жбан.
Народ, я знаю, податями, мукой
В деревнях высушен, как мох лесной.
А в мох нужна лишь искра, чтобы
В нем укрепиться, вспыхнуть, разгореться.
Чуть ветер — будет и пожар.

(Входит скоморох.)

Вот с кем мне хочется идти порою.

Скоморох

Честному люду честный мой поклон.
О чем беседа? Чтоб со мной идти?
Куда идти?

Отец Симон

В деревни, к людям...

Скоморох

Хватит!

Я находился всюду здесь, в Литве,
У немцев был. Хочу дойти до Праги,
А после до Венеции, до Рима.

Георгий

Один?

Скоморох

Нет, с медвежатником Степаном,
Что в магистрате сторожем служил.
Так и отправимся вдвоем — с медведем.
Побились об заклад с ватагой нашей,
Что папе римскому наш Мишка зад покажет.

Отец Симон

Зачем?

Скоморох

Чтобы ксендзы святым его считали
И вместо папской туфли целовали,
А он тонзуру гладил им когтями!

(Руфь поднялась, чтобы уйти.)

Эй, женщина, постой. Ведь мы к тебе.
У нас, смотри, уже продрались порты.
Сошьешь нам новые? Идем ведь в люди,
Срамиться нам нельзя. Ведь из Руси мы.

Руфь

Давайте. Может, угожу.

Скоморох

Спасибо.

К спасибу и приплатим. Мы ж не паны,
У них обычно платят обещаьем.

Георгий
До Праги вы дойдете?

Скоморох
И до Рима!
Рцы слово твердо, книготворец. Я
И поговорку письменную знаю:
«Взялся за гуж, не говори — не дуж».

Георгий
А выполнишь мое ты порученье?

Скоморох
Не деньги лишь. За них я не ручаюсь.
Могу я их пропить, коль блажь придет.

Георгий
Чрез Падую идти на Рим ты будешь?

Скоморох
Чрез Падую? А это по дороге?
Село-другое — старцу не в наклад.

Георгий
Спросите доктора Мусатти — вам покажут.
Вот эту книжку с надписью моей
Ему с поклоном поясным отдайте.

Скоморох
Хоть папе римскому!

Георгий
Ему-то и не надо.
Не заслужил. Мусатти ж — доктор — славный.

Скоморох
Год-два пройдет, а все же передам.

Отец Симон
А не пропьешь?

Товий

Не проиграешь в кости?

Скоморох

Ату на вас! Нашли во мне пропойцу!
Мне на пропой их милость даст пятак,
А нет — я обойдусь и так!
Где свистнем,
Где тиснем,
Где выманим сказкой,
Где вымолим лаской,
Где просто, как с паном,
Найдем со Степаном,
А где попотеем,
Как с дурнем Матвеем.
А хлеба всегда мы добудем краюху,
Да пива по кружке — для радости брюху.
Купайся, душа, — не хочу!

(Пошел танцуя, размахивая руками, по кругу, пока Георгий подписывает книгу, заворачивает ее в полотенце и передает ему.
С этими прибаутками скоморох и выходит, захватив книгу.)

Отец Симон

Вот у кого тебе б учиться, Товий,
Как жизнь любить!

Товий

Теперь ее люблю.

И с той поры, как в руки мне попала
Вот эта, друг, кудрявая головка, —
Уж умирать мне вовсе нет расчета,
И жизнь я защищать камнями буду.
Пойдем, сестра моя, любовь моя,
Ты — жизнь моя и счастье...

(Выходят.)

Отец Симон

И мне пора. Я обойду подворье.
Собак спущу. Георгий, доброй ночи!
А кончу я, как видно, скоморохом...

(Выходит.)

Георгий

«А кончу скоморохом». . . Бедный Симон.
Душой бунтарской жаждет он ответа
На то, что и века не разрешили.
Судьба дала нам скромную работу:
Лишь заложить фундамент просвещения
Двух поколений, малое дать русло
Ручью, что, может быть, потоком станет
Реки могучей, что стремится течение
Чрез сотню миль, чрез сотню лет.

(Входит Иоганн Шпилер.)

Как вы вошли?

Иоганн

Вошел, пока не запер поп ворота.

Георгий

А что вам надо здесь, фон Шпилер?

Иоганн

Немного, доктор, — голова твоя.

Георгий

Идти за головой чужой — свою
Подвергнуть риску. Разве неизвестно
Тебе все это, рыцарь?

Иоганн

Мне известно,
Что все гнездо твое сгорит сегодня
И станет прахом, пущенным по ветру.

Георгий

Что этим ты достигнешь, Иоганн Шпилер?

Иоганн

Сам знаешь. Между Западом с Востоком
Легла земля твоя. Она нужна нам.
Ее возьмем мы рано или поздно.

Ты стал нам на пути своей печатней,
Своею жизнью, делом. Осужден ты.

Г е о р г и й

Кем? Вашим Орденом иль Бранденбургом?
Не вам, чьи замыслы, чей путь судьбою
Осуждены, судить меня, фон Шпицер!
Вы Польшу разорили, в городах
Посеяли брожение, распри, смуты.
В водоворот вы тянете магнатства
Своей реформой церковной. Вижу...
Увидите и сами вы, что шляхта,
Ограбив церковь, серебром ее
И золотом набив карман, войдет
В ту церковь голову склонить пред Римом.
Нет, Польшею владеть не будет Бранденбург.

И о г а н н

Пророк!
Подумай лучше, что с тобою будет.

Г е о р г и й

Нет, время задержать ни ты, ни я не в силах,
И смерть моя ничем не помогла бы
Походу на Восток. Народ вас ненавидит —
И в том всех ваших умыслов крушение.
Нет, вам не быть панами на Двине,
На Припяти, на Немане, Днепре,
Так чем же хочешь биться ты со мною?

И о г а н н

Я пламя выбрал. Дом твой окружен,
Подложена кудель во все углы,
И сразу он, как свечка, запылает.

Г е о р г и й

Тогда сгоришь и ты...
(Загораживает дверь с типографскою линейкою в руках.)
Не выпущу живого!

И о г а н н

Сейчас все логово твое сгорит!

Георгий

Ваш норов ведом мне, о псы! Семейю
Отправил я в далекий монастырь.
Я тут один, и смерть мне не страшна.

Иоганн

А где украденный тобою Товий?

Георгий

А, Товий, Руфь... Скажи мне, рыцарь,
Возьмешь ты, чтобы им вернуть свободу
И вынести все книги из огня?
(Вбегает Товий, за ним Руфь.)

Товий

Беда, Георгий! Двор наш весь в огне!
И то поджог злодейский — не иначе...

Иоганн

Сгинь первым, иудей, что продал
господина!

Руфь

Товий!..

(Заслоняет его собой. Иоганн ранит ее.)

Георгий

Нет, сгинешь ты, ехидна-человек,
Сгубивший образ божий!

Товий

Сестра моя! Жена моя!

Руфь

Не ранен ты? Ты жив? О, слава богу!

Георгий

Неси ее из пламени. Я книги...

ЗАНАВЕС

(Старики и старухи несут цветы.)

— Вот тут был дом. Пожар унес пол-Вильны.

— И доктор наш сгорел. А ветер пепел

Собрал в один могильный холмик...

Д е д ы

Его украсим мы цветами.

А это что? Шрифты, станок,

Иль буквы из металла?..

К О Н Е Ц

ПРИМЕЧАНИЯ

Настоящее издание драматической трилогии «Георгий Скорина» является первым изданием пьесы на русском языке. Перевод с белорусского, осуществленный Вс. Рождественским, сделан без сокращений по следующим изданиям белорусского оригинала: «Міхась Клімковіч. «Драматычныя п'есы». Дзяржаўнае выдавецтва БССР, Мінск, 1947, «Георгій Скарына», частка першая, частка другая». Третья часть пьесы под названием «Смерти не подвластна» («Смерці не падуладна») была опубликована посмертно в журнале «Полымя», 1955, № 10, и переведена с журнального текста.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

События, развернутые в первой части, относятся к 1504 и 1512 гг. Георгию Скорине, согласно ремарке автора, в 1504 г. исполнилось 17 лет. Таким образом, годом его рождения, который в точности неизвестен, М. Климович, вслед за некоторыми биографами, считает 1487 г. В монографии П. В. Владимирова («Доктор Франциск Скорина. Его переводы, печатные издания и язык». 1888) высказано предположение о том, что Георгий Скорина родился около 1490 г., по крайней мере не позднее, так как в Краковский университет, куда Скорина был зачислен в 1504 г., не принимались лица моложе 14 лет. Он вырос и получил первоначальное образование в Полоцке, старинном русском городе, которому в 1498 г. была пожалована грамота на Магдебургское право. Согласно этой грамоте, Полоцк имел городское самоуправление, местные суды, право на 3 ярмарки в год и грамоту на беспоплатную торговлю с Ригой, Познанью и другими городами. Торговые связи, которые поддерживал полоцкий купец Скорина, отец Георгия, посещения купеческого дома представителями разных городов и областей, их рассказы несомненно способствовали раннему развитию Георгия Скорины и пробуждению в нем тяги к знаниям, к просвещению.

Действие первое

¹ «Космограф» — старинная географическая книга, описывающая вселенную.

² Гомер — легендарный эпический поэт древней Греции, с именем которого связывают создание знаменитых эпических поэм — «Илиады» и «Одиссеи».

³ Одиссей — герой греческого эпоса; поэтическое повествование о многочисленных приключениях Одиссея после его возвращения с Троянской войны составляет основное содержание «Одиссеи».

⁴ ...земли агарянской... — По библейскому сказанию, земель агарянской назывался Синайский полуостров, где, как утверждала легенда, поселились арабские племена измаильян и агарян (от имени египтянки Агари).

⁵ ...из монастырского узилища... — т. е. из монастырской тюрьмы.

⁶ ...яко Даниила из пещи огненной... — Даниил — один из четырех пророков израильского народа. В «Книге пророка Даниила» повествуется о счастливом избавлении от смерти трех иудейских мужей, брошенных в огненную печь по приказанию царя Вавуходоносора.

⁷ ...унии Флорентийской... — Так назывался договор об объединении под главенством папы римского православной и католической церквей, заключенный 5—6 июля 1439 г. на Флорентийском соборе. Народные массы Византии и Руси резко отрицательно встретили Флорентийскую унию (она так и не была осуществлена), ибо увидели в ней посягательство римско-католической церкви на национальную независимость народов, стремление подчинить их своему политическому и религиозному господству.

⁸ ...рижским ратманам... — рижским советникам городского самоуправления.

⁹ Против Юльяшки, папы римского... — Юлий II (род. 1441) занимал папский престол в период с 1503 по 1513 г. Один из наиболее могущественных и коварных князей римско-католической церкви, для достижения своих целей действовавший мечом, подкупом и интригами.

¹⁰ Из «висмута» — шрифт, отлитый из металла висмута, применявшегося в шрифтолитейном деле.

¹¹ ...фряжские — итальянские.

¹² Мыслете — буква «м» в церковнославянской азбуке.

¹³ Латинница — в данном случае католичка.

¹⁴ Святая София — считалась покровительницей Полоцка.

¹⁵ «*Веселье Руси — пити*» — слова, приписываемые летописной легендой князю Владимиру Святославовичу.

¹⁶ *Глинский Михаил* — князь, крупный русский полководец и политический деятель первой трети 16 в. Стремясь к воссоединению с Россией белорусских и украинских земель, находившихся под властью Литвы, вступил в сношения с Москвой и, вместе с братом Василием Глинским, возглавил в 1507—1508 гг. восстание против владычества Литвы. После неудачи восстания Глинские бежали в Москву. Неустойчивость политической ориентации М. Глинского привела его в дальнейшем к изменническим сношениям с польско-литовскими войсками, за что он находился в заточении с 1514 по 1526 г., а затем, за противодействие русскому правительству, в 1534 г. был вновь посажен в тюрьму, где в том же году и умер.

¹⁷ ...*Менгли-Гирей в согласьи с царем Иваном*... — Менгли-Гирей (ум. 1515), крымский хан (1468—1515), ставленник и вассал Турции, в союзе с Иваном III (1440—1505), московским князем, воевал с Литвой и Польшей, преследуя в этой войне свои захватнические и корыстные цели.

¹⁸ ...*на Ягеллонов*. — Ягеллоны — литовско-польская королевская династия, получившая наименование от своего родоначальника литовского князя Ягайло, ставшего польским королем под именем Владислава II (с 1386 г.). Время действия пьесы совпадает с правлением одного из представителей ягеллонской королевской ветви — Сигизмунда I (1506—1548).

¹⁹ *Исидора, Флоренции опора?* — Исидор, русский митрополит (ум. 1462), активный сторонник Флорентийской унии (см. примечание 7), предавший интересы русской православной церкви и стремившийся к подчинению ее папскому престолу.

²⁰ ...*против базильянцев*... — базильянские монахи, представители римско-католической и униатской церкви. Проникая на территорию Литвы, Западной Белоруссии и Западной Украины, монахи Ордена базильянцев служили орудием порабощения литовцев, украинцев и белорусов польскими панами.

²¹ ...*с времени Андрея-Казимира*... — Имеется в виду, по-видимому, Казимир IV Ягеллончик (1427—1492), литовский великий князь и польский король.

²² *Засели в Троках*... — Речь идет о г. Троки (современный г. Трокай вблизи Вильнюса), который был до 1323 г. столицей Литовского государства, а затем одной из резиденций литовского короля.

²³ *Конец обману Рима, как при Гусе то было в Чехии*. — Имеется в виду антифеодальное и национально-освободительное движение первой половины 15 в. в Чехии, связанное с именем Яна Гуса (см. примечание 46).

²⁴ *Ивану—Познань, Ригу дам Роману, тебе дам Вильну.* — Акты 16 в. называют брата Г. Скорины Ивана и его сына Романа, а также дочерей Ивана. Здесь идет речь о разделе между сыновьями имущества и торговых дел в названных городах.

Действие второе

²⁵ *К тому же и схизматики они...* — Под схизматиками здесь подразумеваются восточные христиане (православные), не признающие объединения с католической церковью.

²⁶ *...сопелки...* — дудки, свирели из ивовой коры — народный музыкальный инструмент, на котором играют несложные мелодии.

²⁷ *...как греки в Фермопилах...* — Фермопилы, горный проход, ведущий из Фессалии в Среднюю Грецию, знаменит тем, что в 480 г. до н. э. его героически защищали от стотысячного войска персов 7 тысяч греков.

²⁸ *Ганнибал (Аннибал) (ок. 247—183 до н. э.)* — выдающийся карфагенский полководец. *Спартак (I в. до н. э.)* — вождь крупнейшего восстания рабов в Италии 74—71 гг. до н. э.

²⁹ *Хронограф* — сводные обзоры всеобщей истории, распространенные в Российском государстве в 15 — начале 18 вв.

³⁰ *Объединим народ Руси Литовской от князя и до смерда.* — Автор приписывает здесь Глинскому демократизм, который ему не был свойствен. Возглавленное им восстание и потерпело поражение как раз вследствие того, что он не обращался за помощью к крестьянам и боялся участия народных масс в движении.

³¹ *...царь Иван, наследник кесарей и славы Византии...* — Иван III, великий князь Московский, был женат на племяннице византийского (греческого) императора. После падения Константинополя в 1453 г., когда Византийская империя перестала существовать, в русских самодержавно-правительственных кругах была выдвинута официальная теория возвышения Москвы — идея «Москвы III Рима», согласно которой Иван III был наследником византийских императоров, а Москва — III Римом, центром великой Всемирной империи.

³² *...Францишком нам пришлось в ней записать, а не Георгием.* — Согласно историческому акту 16 в., Франциск Скорина называется еще и другим именем — Георгий (П. В. Владимирова. Доктор Франциск Скорина. Его переводы, печатные издания и язык. 1888, стр. 45). Таким образом, имя Георгий, под которым Скорина фигурирует в пьесе, — одно из двух имен, употребляемых на православие Скорины.

Действие третье

³³ *Глаговский* — Иоанн Глаговский, выдающийся профессор философского факультета Краковского университета в 1487—1506 гг., учитель Г. Скорины.

³⁴ *До киевских высот* дошел *Андрей*, апостол перевозванный. — Согласно летописной легенде, апостол Андрей побывал в местах, где впоследствии возник Киев, и предсказал его расцвет.

³⁵ *А синтез был в Грюнвальде*. — В победоносной битве при Грюнвальде 15 июля 1410 г. в составе союзных войск Литвы и Польши были также чешские и белорусские полки, в частности хоругви (полки) из Полоцка.

³⁶ ...с *прибрежья Иордана*, сыны *Израиля от вод Генисарета*... — Генисаретское озеро — озеро в Палестине. Через Генисаретское озеро протекает река Иордан.

³⁷ *Он еретик* — последователь ереси, человек, отступивший от догматов господствующей церкви.

³⁸ ...семи наук искусству научиться... — Семью «свободными науками» в средневековых университетах считались: грамматика, логика, риторика, музыка, арифметика, геометрия и астрономия. Предметы эти изучались на младших курсах университетов.

³⁹ *Доминиканцы* — католический монашеский орден, основанный в начале 13 в. Домиником для борьбы с ересью.

⁴⁰ ...участь *Гуса*... — Гус Ян (1369—1415) — великий чешский патриот и деятель культуры, вдохновитель национально-освободительного движения в Чехии в первой половине 15 в. Обвиненный в ереси, был предательски завлечен в Констанцу, где, после его отказа раскаяться, сожжен 6 июля 1415 г.

⁴¹ ...*Капитолийский с храмом Юпитера, Юноны и Минервы*... и *Авентин*... — Капитолий и Авентин — два из семи холмов, на которых расположен Рим. Капитолий был центром римского религиозного культа, на нем находился знаменитый храм Юпитера, Юноны и Минервы, построенный, по преданию, в 509 г. до н. э. Юпитер (верховный бог в древнеримской мифологии), Юнона (богиня луны, супруга Юпитера, покровительница рождения и брака) и Минерва (богиня-покровительница науки, ремесел и искусства) составляли так называемую капитолийскую троицу, якобы охранявшую Рим.

⁴² *А кто сегодня тирсофор*... — Тирсофор — носитель жезла, тирса, который в античном мире был символом бога вина и веселья. Здесь — председатель пира.

⁴³ ...*скипетр Вакха*... — Вакх — в древнеримской мифологии бог плодородия, виноградарства и виноделия.

⁴⁴ ...законам Кроноса... — Кронос — персонаж греческой мифологии. Согласно легенде, переданной греческим поэтом Гесиодом, правление Кроноса было «золотым веком»: все было равно и не существовало различия между господином и рабом.

⁴⁵ Изиды — древнеегипетская богиня.

⁴⁶ Лишь в Падую, в Италию. На свете нет лучшей академии... — Падуанский университет в 15 в. был центром итальянского гуманизма и далеко опередил все итальянские университеты, не исключая и знаменитого Болонского.

⁴⁷ ...Изольда, которая ждет своего Тристана. — Тристан и Изольда — герои французского рыцарского романа о трагической любви.

⁴⁸ Король скончался в Вильне. Окончил жизнь свою и тесть его в Москве. — Ягеллон Александр Казимирович (1460—1506), великий князь Литовский, был женат на старшей дочери великого князя Московского Ивана III Васильевича.

⁴⁹ ...убив недавно воеводу в Гродно... — Михаил Глинский самосудом расправился с Яном Забережским (в пьесе — Забережинский), главой враждебной ему польской партии. Сделав наезд на его имение, убил его и поднял восстание против короля (К. Бестужев-Рюмин. Русская история, т. II, вып. 1. СПб., 1885, стр. 178).

⁵⁰ Все города по Белоруси восстали с ним. — В движении начала 16 в. за воссоединение с Русским государством белорусских и украинских земель, возглавленном князем Михаилом Глинским, принимали участие главным образом мелкие феодалы, а из городов присоединился Мозырь. Отряды восставших сделали попытку взять Слуцк и Минск, подходили к Вильне, Новогороду, Слониму (История БССР, т. I. Минск, 1954, стр. 85).

⁵¹ ...снята голова еще... какого-то там Скорины. — Документальных данных об участии отца Георгия Скорины — Лукаша Скорины — в восстании, возглавленном М. Глинским, не имеется. Смерть Лукаша во время набега на замок Яна Забережского — художественный вымысел.

⁵² ...как Иову. — На долю сказочного ветхозаветного «праведника» Иова, как повествует библия, выпали многочисленные незаслуженные страдания.

Действие четвертое

⁵³ ...«браво» (итал.) — разбойники.

⁵⁴ Люцифер — в христианской мифологии — сатана, падший ангел, повелитель ада.

⁵⁵ *Бакалавр* — низшая ученая степень, не дававшая еще права самостоятельного преподавания.

⁵⁶ *Икар* — в древнегреческой мифологии, сын Дедала (см. примечание 63).

⁵⁷ *Картина третья* изображает важный эпизод в жизни Г. Скорины — испытание на степень доктора наук в Падуе, в Медицинской коллегии университета.

Фактическая сторона защиты Г. Скориной диссертации стала известна из опубликованных в 1892 г. проф. Шляпкиным в латинском оригинале актов Падуанского университета (см. «Журнал Министерства народного просвещения», 1892, апрель. СПб., стр. 382—385). 5 ноября 1512 г. в Падуе, в церкви св. Урбана, вице-приор Ф. Мусатти и представил Медицинской коллегии университета Франциска (Георгия) Скорину, сказав в своем вступительном слове, что некто русский из Полоцка, Франциск, сын умершего Луки Скорины, ученийший, но бедный юноша, пришел из отдаленных стран в Падую и просит дать ему возможность получить степень доктора медицины бесплатно. После баллотировки вопрос был решен в пользу Скорины.

Во вторник, 9 ноября, в епископском дворце на торжественном заседании Медицинской коллегии, в присутствии епископа викария Забареллы, Скорина публично защищал свои положения, единогласно был объявлен доктором медицины и возведен в это звание доктором Бартоломеем Баризон.

⁵⁸ ...*красивее Роксаны*... — Роксана — дочь бакстрийского князя Оксиарта, «жемчужина Востока», в 328 г. до н. э. была взята в плен Александром Македонским и избрана им в супруги.

⁵⁹ ...*Психеи чары*... — Психея — у древних греков олицетворение человеческой «души»; обычно изображалась в образе юной девушки.

⁶⁰ ...*горит огнем восстанья*. — Какое восстание имеет в виду М. Климкович, трудно сказать. Движение М. Глинского закончилось ранее 1512 г., массовое крестьянское движение в Белоруссии развернулось во второй половине 16 в.

⁶¹ ...*великим Прометеем*. — Прометей — в греческой мифологии один из титанов, богоборец, добывший для людей огонь и научивший их ремеслам.

⁶² ...*нити Ариадны*... — Ариадна — в греческой мифологии дочь критского царя Миноса, которая помогла афинскому герою Тесею, спасшему остров Крит от чудовища Минотавра, выйти из лабиринта с помощью клубка ниток, обозначавших его путь.

⁶³ *Дедал* — герой древнегреческой мифологии. Ему приписывается талант искусного механика, архитектора и скульптора. Легенда говорит о том, что Дедал сделал крылья из перьев, скрепленных воском, и, вместе с сыном Икаром, поднялся в воздух.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

События этой части обнимают время с 1514 по 1519 г. — один из важнейших периодов в жизни Георгия Скорины. История не сохранила документальных данных, которые бы дали возможность с полной достоверностью осветить этот отрезок его биографии. Поэтому Климович прибегает к художественному вымыслу.

Полностью основано на вымысле действие первое, изображающее возвращение Скорины в Вильну после защиты докторской диссертации и встречу его в 1514 г. с Богданом Оньковым, Якубом Бабичем, Юрием Адверником и женой последнего Маргаритой (все лица — подлинные, действительно проживавшие в этот период в Вильне).

В 2 действии Климович изображает Скорину в Праге в 1519 г. Он занят изданием книг, общается с выдающимися чешскими печатниками, возбуждая ненависть агентов католической церкви. Сам факт пребывания Скорины в Праге документально установлен и подтверждается книгами, изданными им в Праге в 1517—1519 гг.

Действие первое

⁶⁴ *Нюрнберг и Аугсбург* — немецкие города, ставшие центрами первопечатных изданий. В пьесе названы также Венеция и Прага, где вышли первые южнославянские издания.

⁶⁵ *...Якуб, наш презус магистрата...* — Бабич Якуб — старший бургомистр Вильны.

⁶⁶ *Иосиф Солтан* — митрополит западно-русской церкви в начале 16 в.

⁶⁷ *«Четъи Минци»* — «Ежемесячные чтения», церковно-религиозные сборники жизнеописаний святых, сказаний и поучений, составленные в порядке дней каждого месяца.

⁶⁸ *«Десятиглав»* — богослужебная книга, состоящая из 10 глав.

⁶⁹ *...парсун красивых...* — Парсуна — искаженное «персона», личность, здесь — портрет.

Действие второе

⁷⁰ *А смысл понятно я передаю?* — Стремясь к общедоступности своих переводов, Скорина вводил в текст библии сравнения из простонародного быта; на полях он выставлял русские слова против слов старославянских, а в исправлениях и новых переводах вводил «русский» (белорусский) язык, сохраняя, однако, и старославянские выражения.

⁷¹ «Книга царств» — название одной из четырех книг Ветхого завета.

⁷² Аристотель (384—322 до н. э.) — великий философ древней Греции.

⁷³ Сбо́ва Вацлав — упоминается в чешской энциклопедии (Slovník Naušpu) как отец профессора Ежи Сбо́ва. Других сведений о нем энциклопедия не сообщает; в поименном списке выдающихся печатников он не указан.

⁷⁴ Конач Микулаш (ум. 1546) — выдающийся чешский мастер печатного дела, литератор и переводчик писателей древнего Рима (Лукиана) и эпохи Возрождения.

В период работы Скорины в Праге (1517—1519) Конач занимался активной издательской работой. В 1523 г. оставил типографию и стал судьей, не прекращая литературной работы. Ему принадлежат сочинения: «Правила людского житья», «Книга о горе и справедливости», «Басни» (Slovník Naučný, die v Praze, 1865, стр. 780).

⁷⁵ Клавдиан Микулаш — чешский ученый и знаменитый печатник. Во время издательской деятельности Скорины в Праге в 1518 г. М. Клавдиан издавал философско-эпические произведения и поучения. Позднее принял участие в составлении большого труда «Карта чешской земли» (там же, стр. 679).

Действие третье

⁷⁶ .. Гераклит (ок. 530—470 до н. э.) — греческий философ-материалист.

⁷⁷ ...крыльев Вельзевула шорох... — Вельзевул — божество древних финикийян; у христиан — название сатаны.

⁷⁸ Лев Десятый (в миру — Джованни Медичи) (1475—1521) — папа римский.

⁷⁹ Лютер Мартин (1483—1546), деятель Реформации, основатель протестантизма (лютеранства) в Германии. Его религиозная пропаганда, включавшая и социальную программу, вдохновляла народное движение, направленное против католической церкви и феодализма. Лютер не разделял революционных лозунгов и еще до начала Крестьянской войны в 1525 г. отрекся от народных элементов движения и перешел на сторону князей.

⁸⁰ Мюнцер Томас (ок. 1490—1525) — вождь революционных крестьян и плебеев во время Крестьянской войны в Германии в 1525 г. Захваченный в плен, после мучительных пыток был казнен 27 мая 1525 г.

⁸¹ Кто предъявляет иск по завещанью? — В 1529 г. доктор Скорина вел тяжбу за недвижимое имущество своей жены (дом в

Вильне) и выиграл дело (П. В. Владимиров. Доктор Франциск Скорина. Его переводы, печатные издания и язык. 1888, стр. 47).

⁸² «Песнь песней» — собрание древних любовных песен и стихов, включенное в Библию. Составление «Песни песней» в окончательном виде относится предположительно к 3 в. до н. э.

⁸³ «Где ты, Кай, там и ты, Кайя» — обиходное выражение в древнеримском брачном обряде.

⁸⁴ Мстиславеу Петр (ум. ок. 1580) — русский типограф, белорус по происхождению, сподвижник русского первопечатника Ивана Федорова. Основываясь на предположении Вл. Пичеты («Четырехсотлетие белорусского друку». Минск, 1926, стр. 246), что Петр Мстиславеу, «как можно думать, был одним из сотрудников Скорины», драматург изображает его учеником Скорины. Документальных оснований для такого сближения, однако, не имеется.

⁸⁵ Герб на каждой ты заметила... — на титульных листах данной Г. Скориной библии отпечатан рисунок солнца с месяцем в полукруге, что и принято считать «гербом» Скорины.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Опубликована в 1955 г., после кончины писателя, не успевшего отредактировать эту часть. Пьесе дано другое название («Смерти не подвластна»), но в примечании автором указано — «Третья пьеса из трилогии «Георгий Скорина». Это единство подтверждается и содержанием третьей части.

Третья часть обнимает события 1529—1553 гг. Минув 1525 г., когда, по имеющимся данным, появились первые виленские издания Скорины, автор сразу обращается к заключительному периоду деятельности Скорины. Опубликованные в свое время документы (грамота короля Сигизмунда, в которой упоминается имя Скорины, письма прусского короля Альбрехта к виленскому воеводе Гастольду, рисующие обстоятельства кратковременного пребывания Скорины при его дворе, акты судебных процессов, исторические упоминания о пожарах в Вильне) дали возможность писателю развернуть драматическое повествование, в котором подлинные события, творчески воссозданные, сочетаются с вымыслом (например, о встрече Скорины с Коперником история умалчивает).

Действие первое

⁸⁶ Голгофа — холм в окрестностях Иерусалима, где, по христианскому преданию, был распят Христос.

⁸⁷ Казна Синедриона... — казна суда и государства. Синедрион — Совет старейшин, мудрецов.

⁸⁸ ...*«вспомнил бог царя Давида»* — цитата из «Книги пророков», входящей в состав библии. По библейской легенде, Давид, победивший Голиафа, стал впоследствии царем Иудеи.

⁸⁹ ...*Вифезде с Иисусом...* — Вифезда — упоминаемый в евангелии от Иоанна пруд в Иерусалиме, имевший целебное значение. С этим прудом евангельская легенда связывает исцеление одного расслабленного, совершенное Христом.

⁹⁰ *Федоров Иван* (ок. 1525—1583) — русский первопечатник. В 1563 г. вместе с Петром Мстиславцем начал работать на Московском печатном дворе и в 1564—1565 гг. выпустил в свет «Апостол» и «Часовник».

Исторических данных о встрече в 1529 г. или позже Ивана Федорова с Георгием Скориной биографы Ивана Федорова не приводят (см., например, И. Бас. Иван Федоров. М., 1940).

⁹¹ *Племяннику его наш государь великий взял в жены.* — Василий III Иванович (1479—1533), великий князь Московский, был женат на Елене Васильевне Глинской, племяннице М. Глинского.

⁹² *Приятно мне внимание государя.* — Историческая натяжка. Царь Василий III едва ли знал о Георгии Скорине.

⁹³ ...*из зубов у аспид и василиска.* — в данном случае — из опаснейшего положения. Аспид — ядовитая змея, василиск — род ящериц.

⁹⁴ *Пошлю Петра я к князю Глинскому.* — Никаких данных о связях Г. Скорины с Глинским и об участии последнего в создании типографского двора в Москве нет.

⁹⁵ *Звонит к вечерне Духов* — православный Духов монастырь в Вильне.

⁹⁶ *«Мне отмщение, и аз воздам»* — слова из библии, утверждающие, что право на суд и возмездие за грехи человека принадлежит только богу.

⁹⁷ *Скончался ваш Иван. Заимодавцы арест уж наложили на добро.* — О судебных тяжбах, в которые был вовлечен Г. Скорина, его биограф П. Владимиров пишет: «Судное дело Ивана Скорины, причинившее после его смерти немало беспокойств доктору Скорине, возникло вследствие долга Ивана Скорины в 22 копы грошей — суммы довольно значительной» (П. В. Владимиров. Доктор Франциск Скорина. Его переводы, печатные издания и язык. 1888, стр. 46).

Действие второе

⁹⁸ *Коперник Николай* (1473—1543) — великий польский астроном, выдающийся деятель эпохи Возрождения.

О встречах его со Скориной документальных данных нет.

⁹⁹ *Навин* — прозвание преемника Моисея, Иисуса Навина; происходит от его отца Навина, или Нуна.

¹⁰⁰ ...сферы *Птолемея*. — Птоломей Клавдий (II в.) — древнегреческий ученый, астроном и географ.

¹⁰¹ *Альбрехт Бранденбургский* (1490—1568) — с 1525 г. наследственный герцог Пруссии с резиденцией в Кенигсберге. Примкнув к Реформации и порвав с папой римским, Альбрехт стремился утвердить религиозное и культурное влияние Пруссии на соседние земли. С этой целью приглашал к себе знаменитых врачей, вызывал для организации печатного дела Скорину.

¹⁰² *Сигизмунд I Старый* (1467—1548) — польский король и великий князь Литовский (1506—1548). В одной из его королевских грамот упоминается имя доктора Франциска Скорины из Полоцка.

¹⁰³ ...«ни семо, ни овамо» — фразеологический оборот, означающий «ни туда, ни сюда».

Действие третье

¹⁰⁴ ...приедет самый главный из врачей — *Францишек, или Георгий Скорина*. — В начале мая 1530 г. прусский король Альбрехт обратился к виленскому воеводе Гастольду с просьбой отпустить к нему Скорину, который и направился к королевскому двору в Кенигсберг. Однако не прошло и месяца, как Альбрехт выступил уже с жалобой на Скорину за то, что он не только уехал от него, но также увел с собой из Кенигсберга одного человека, еврея по национальности, который был при дворе доктором и одновременно печатником, и что этим самым Скорина нанес ему большой вред («Известия отделения русского языка и словесности Российской Академии наук», 1917, т. XXII, кн. 2. П., 1918, стр. 221—226. Публикация А. Миловидова).

¹⁰⁵ *Вот это города с майтбургским правом*. — т. е. с магдебургским правом, которое в 15—16 вв. распространилось на некоторые города Чехии, Силезии, Польши, Литвы и Галицко-Волынской Руси. Магдебургское право — феодальное, главным образом торговое право, впервые введенное в г. Магдебурге.

¹⁰⁶ *Бери костел секвестром*. — имеется в виду запрещение пользования костельным имуществом, налагаемое властью в интересах государства.

¹⁰⁷ *От Радзивилла*. — Радзивилл Януш (1612—1655), князь, литовский великий гетман, крупнейший землевладелец-магнат.

¹⁰⁸ ...в *Крулевце* этом. — Крулевец — славянское наименование г. Кенигсберга. Основан в 1255 г. крестоносцами. После

победы над немецким фашизмом Кенигсберг, согласно договору 1945 г., вошел в состав СССР и переименован в Калининград.

¹⁰⁹ *Бранибор* — славянское наименование немецкой провинции Бранденбург. До начала 10 в. принадлежала славянам. В 921 г. немцы заняли Бранибор, переименовав его в дальнейшем в Бранденбург.

После разгрома немецкого фашизма в 1945 г. провинция Бранденбург входит в состав ГДР.

¹¹⁰ ...*служ Иеговы*... — Иегова — бог в иудейской религии.

¹¹¹ ...*изюю дать приют*... — дать изгнаннику приют. Изгон (от слова «гонить» — жить) — в древней Руси до 13 в. одна из категорий феодально зависимого населения, составившаяся из лиц, выбывших по тем или иным причинам из своей социальной среды.

¹¹² ...*быть конем троянским*... — По древнегреческому преданию, греки во время осады Трои по предложению Одиссея спрятались в чрево огромного деревянного коня, обманным путем проникли в город и впустили туда свое войско, которое овладело Троей. Выражение означает военную хитрость.

¹¹³ ...*скрижали Моисея*... — Согласно библейской легенде, Моисей на принесенных им из Синая скрижалях — двух каменных плитах — выбил десять заповедей («Десятисловие»).

ОГЛАВЛЕНИЕ

Трилогия о белорусском первопечатнике	3
Часть первая	19
Часть вторая	141
Часть третья	275
Примечания	377

КЛИМКОВИЧ МИХАИЛ НИКОЛАЕВИЧ

ГЕОРГИИ СКОРИНА

Редактор *А. В. Тамарченко*

Художник *М. Е. Новиков*.

Техн. редактор *С. И. Брусиловская*. Корректор *З. Н. Петрови*

Сдано в набор 11/II 1958 г. Подписано к печати 4/VI 1958 г.

М 35048. Бумага 84×108¹/₂. Печ. л. 24,5 (20,09).

Уч.-изд. л. 17,74. Тираж 5 000. Цена 9 р. 90 к. Заказ № 195.

Ленинградское отделение издательства

«Советский писатель»

Ленинград, Невский пр., 28.

Типография № 5 УПП Ленсовнархоза

Ленинград, Красная ул., 1/3